

Избавьте меня от всяких злых людей. Ключ во роту, а замок на небе. Аминь. (Е. К. Ярко́в, 1895 г. р., д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района.)

Медбы шедіс чери (Чтобы ловилась рыба)

Встану я, раб Божий Егорко, перекрестясь, пойду, благословясь, из дверей в двери, из ворот в ворота на рыбную речку. Стану кидать свои ловушки и поклонюсь апостолам Петру и Павлу. Пособите мне закинуть ловушку и рыбу всякую поймать. Чтобы сети мои стояли, как стын, и ни одна рыбка через не шла, а прямо в мою ловушку. Моя ловушка крепка и лепка, всякую рыбу ловит. Ключи у апостола Петра, а замки у апостола Павла. Аминь. (Е. К. Ярко́в, 1895 г. р., д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района.)

Приведенные заговоры русские. Человек, не запомнивший текст заговора, обычно пересказывал его по-коми-пермячки в сокращенном виде.

Наравне с русскими заговорами коми-пермяки знали и свои заговоры. При помощи их, а также различных поговорок они стремились воздействовать на будущую свою жизнь. Благодаря записям В. В. Климова мы знаем, например, какой разговор вели супруги ранним утром в Великий четверг:

Жена, находясь у шестка печи, говорила:

Кӧзяин, няньыт эм жӧ? (Хозяин, хлеб есть?)

Муж, пребывая в горнице, отвечал:

Эм, эм. Уна эм. (Есть, есть. Много имеется.)

Далее разговор продолжался так:

Жена: *Вӧлытлӧ-мӧсьитлӧ сӕяныс эм жӧ?* (Лошади-корове корм есть?)

Муж: *Эм, эм. Уна эм.* (Есть, есть. Много имеется.)

Жена: *Шыррес амбарас эмӧсь жӧ?* (Мыши в амбаре тоже есть?)

Муж: *Абу, абу! Ӧтік абу.* (Нету, нету! Ни одной.)

Жена: *Вот и бур. Аминь.* (Вот и хорошо. Аминь.)

Желая выздоровления и всякого добра больному, говорят:

Первый: *Петраным веськаліс ни?* (Наш Петра уже поправился?)

Второй: *Веськаліс. Мӧдӧ виль керку-сувтӧтны, мӧс-вӧв босьтны да гӧтрасьны.* (Поправился. Хочет новый дом поставить, корову-лошадь завести да жениться.)

Первый: *Сваабог!* (Слава Богу!)

Как было показано, обряды Великого (Чистого) четверга имели продуцирующий и предохранительный характер. Они почти не попали под влияние православного учения и имели языческую основу. Причем многие из них являлись по значению новогодними, что, очевидно, сохранилось от древних времен, когда новый год начинался с марта месяца.

Пасха, или Светлое Христово Воскресение — *Ыджыт лун (Большой день)*

Пасха — высочайший и торжественный праздник года, это день воскресения Христа из мертвых. В народном календаре с Пасхой связывали весеннее пробуждение сил природы после долгого зимнего сна. Пасха — праздник подвижный, высчитывался по лунному календарю. Православная церковь праздновала Пасху всегда в воскресенье седьмой, последней недели Великого поста.

К Пасхе основательно готовились: накануне в пятницу, а это была Страстная неделя, мыли избы, иконы, а в субботу после обеда стряпали, красили яйца, строили качели. Такого обычая коми-пермяки придерживаются и в наше время.

Торжество пробуждающейся природы издавна связывалось с крашеным яйцом — символом плодородия. Яйца красили луковой шелухой, ивовой и ольховой корой, травой зверобоя, позднее — купленными красителями. Красный цвет яиц напоминал о солнце и весеннем времени года — «весне красной». Для некоторых мест типичным было раскрашивание пасхальных яиц. Яйцо крестообразно обматывали ниткой и опускали в воду, после варки нитки снимали, и на поверхности образовывались белые кресты. Широко известна среди коми-пермяков примета о том, что покрашенное равномерно яйцо обещает хорошее лето, а с белыми пятнами — плохое.

Коми-пермяки верили в исцеляющие свойства пасхальных яиц. Первое вынутое из отвара яйцо разламывали и клали на стол в переднем углу избы. Его предназначали для умерших родителей. Второе яйцо клали на божницу. Остальные яйца укладывали в висевшие перед иконами соломенные корзинки *кольть видзан* (дословно: яичный держатель). Корзинки — это соединенные розетки, от одной до пяти, которые собирались в виде ромба из 12 соломинок длиной 7—12 см путем нанизывания на нитки. Нитками связывались и розетки.

Следуя старинному обычаю, яйца обязательно дарили крестным. Ими менялись по пути в храм с теми, кого встречали по дороге. Поэтому перед тем как отправиться на пасхальную службу, запасались яйцами. Приготовленные для обмена яйца не показывали, хранили в рукаве, за пазухой. В Кудымкарском районе рассказывали: «Друг другу передавали яйца и смотрели: кому попадало большое яйцо, тот должен жить много лет. Если попадало яйцо всмятку, у того и жизнь пойдет всмятку». (*Полевые материалы, собранные в 2001 г.*)

Согласно объяснению коми-пермяков, яйца с крестами обладали более сильным магическим действием. Их бросали против ветра, града, а во время пожара — на крыши построек, чтобы остановить огонь. Шелухой крашеных яиц лечили царапины, желудки. Но в то же время верили в такую примету: если есть крашеные яйца, то летом может гнус одолевать. (*Полевые материалы, собранные в Кудымкарском и Кочевском районах в 2002 г.*)

На Пасху обязательно готовили оладьи и картофельные шаньги — кулики. Кулики относятся к числу старинных блюд. Они заменяли куличи, которые были известны многим православным русским. Куличи стали появляться в 1930—1940-е годы. Их пекут из густо замешанного квашеного теста в жестяной форме. Хотя кулики не потеряли свою привлекательность, сегодня среди коми-пермяков куличи стали более популярными.

По наблюдению очевидцев, на церковную службу собирались далеко не все жители коми-пермяцких деревень. (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 29.) По окончании церковной службы и разговения в храме священнослужители обходили дома своего прихода. Они христосовались с жителями, освящали жилище святой водой. Дети ходили к родственникам и собирали яйца. Когда приходили за яйцами, то говорили: «Христос воскрес!»

Утром все члены семьи обязательно разговлялись яйцами, куликами, пельменями. Бывало, когда на столе появлялись оставшиеся с Масленой недели кулики. Перед употреблением их размачивали в молоке и разогревали в печи. Называли такие кулики *паской*. Их обязательно запивали молоком.

Затевать веселые развлечения в первый день Пасхи считалось большим грехом. Когда отходила церковная служба и в домах отобедают, шли на кладбище, но не везде, объясняя это плохой погодой. Трапез больших не устраивали, но на могилы обязательно клали крашеные яйца, иногда их крошили.

В Пасху коми-пермяки не упускали возможности проследить за явлениями погоды, так как у них не вызывала никаких сомнений взаимосвязь великого дня года с летним календарным периодом. Так, они почти всегда наблюдали за направлением ветра, поскольку полагали, что от него зависит погода на весь год. Об этом нередко можно услышать: «*Кыдзи ыджытлун неделя вылын тблыс ойланьсянь, дак муыс веший дунлань, и годыс лос шоньыт*». В переводе на русский язык это выражение звучит так: «если на Пасхальной неделе северный ветер, так земля перемещается к югу и год будет теплый, а если ветер с юга, то земля перемещается на север и год будет холодный». (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 2001 г.)

Парни поднимались на колокольни, но звонить разрешалось только тем, кто звонарю давал яйцо или кулик — *паску*. (Там же.)

На Пасхальной (Светлой) неделе самым популярным развлечением являлись качели (*качули*) — *дюттян*. У коми-пермяков было известно несколько типов качелей. Привязывали веревки к бревну, закрепленному между двумя деревьями, к слеге крыши на верхнем ярусе двора или к полатному брусу в избе. Было принято сооружать качели из 9 толстых 5–6-метровых жердей. В каждую опору связывалось по 3 жерди. Перевязь приходилась на верхнюю часть опор. Нижние концы опор углублялись в землю. На вершины опор укладывали три жерди. Об этих наиболее распространенных качелях говорили: «Качели — это девять палок и одна доска». (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 1999 г.)

По воспоминаниям многих коми-пермяков, особым обрядом сопровождалось приготовление веревки для качелей. Как говорили в с. Кочевое: «Какую попало веревку для качелей брать нельзя, иначе в огородах все будет расти плохо, люди заболели и скотина начнет пропадать». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.) Для веревки льняную куделю заготавливали с осени, как только начинали обрабатывать лен. В д. Кукушка Кочевского района рассказывали: «В каждом доме откладывали горсточку льна, а в Великий четверг их собирали вместе. Парни и мужики делали три пряди, а потом их свивали в толстую веревку».

В д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района вспоминали: «Совьют веревку, оботрут ее пихтовой лапкой и при этом говорят заклинания на прочность. С Великого четверга до Пасхи веревку хранили на лавке под божницей». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Перед началом качания «качели заклинали». Приведем заговор, который часто произносили в Кудымкарском районе: «*Коклѡ не чегны, гезлѡ не орны, пѡвлѡ не потны — бура дюттьѡтны*». («Ноге (опоре) не сломаться, веревке не рваться, доске не треснуть — хорошо качать».) (*Полевые материалы*, собранные в 2000 г.)

Цель обрядовых действий, связанных с веревкой и качелями, — воздействие на силы природы, стимулирование роста льна, чтобы он вырос долгим и ровным. Аграрно-продуцирующее значение имели и игры, исполнявшиеся возле качелей. Здесь играли в *бабки*, *чижса*, *чехарду*, *ляпу*. Позднее девушки стали играть в *третий лишний*, *фантики*, *догонялки*.

Пасхальные качели. Кудымкарский район. 1990-е гг.

Катали крашенные яйца по наклонным доскам и даже по склонам берегов. Именно с ними связывались представления о будущем лете. Загадывали: если яйца скатывались далеко, то следовало лен ожидать длинным, а близко — коротким. Любимым был обмен яйцами — *веджсьыны*. Участвовали в основном женщины. Кому доставалось яйцо крупное и красивое, тот должен прожить долго и хорошо. Разводили у качелей костер, и парни и девушки прыгали через него, «чтобы быть бойкими». Было принято бросать в костер верес, заготовленный в Великий четверг, «верес при сгорании трещал, и прыгать было весело». Использование вереса являлось отголоском его очистительной функции.

О пользе таких костров вспоминала в 2003 г. жительница д. Кукушка Кочевского района Е. А. Пикулева, 1923 г. р.: «Может, через костер не прыгала бы — и не прожила бы 80 лет».

Традиция устраивать качели и разнообразные праздничные развлечения долгое время в одном и том же месте сформировали в образном восприятии людей качели как сакрально освященное начало весны и тепла. Для молодежи время качелей превращалось в праздник семейно-родственных встреч, угощений, близких знакомств. Вспоминая свою юность, Е. С. Тылицева, 1935 г. р., рассказывала: «В д. Кукушка в Пасху обязательно качались на больших качелях. Здесь и женихи, и девушки на выданье, и те, кто сыграл свадьбу. Качались молодые и пожилые, в старинной одежде, пели песни, угощали друг друга сладостями. Посмотреть приходили даже пожилые люди». (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском районе в 2003 г.)

По замечаниям коми-пермяков, на Пасхальной неделе приглашали родных на молодое пиво. Когда его пили, приговаривали: «Пейте молодое пиво — и в жизни долго будете молодыми». (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском районе в 1980 г.)

Традиция отведать пиво на Пасхальной неделе, которую народ называл Великоденскою, — давняя. Известно, например, что царь Иван IV Грозный в Уставной грамоте 1553 г. позволял «великопермцам и усольцам», а это значит, и предкам коми-пермяков, «питья варити и пити» именно в неделю «Великоденную». В году этот обряд можно было исполнять еще в течение двух недель — Рождественской и Дмитриевской. (*Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 131.)

Радунница — Радольница, Радӧльница

На Фоминой неделе во вторник, а это был девятый день после Пасхи, отмечали Радунницу — поминовение умерших предков. Когда приходила Радунница, коми-пермяки говорили: «*Радольница шойнаэз осьтӧ, а Митрейлунс субӧт пӧдналӧ*». («Ра-

дуница кладбище открывает, Дмитриевская суббота закрывает»). Этой поговоркой обозначалось поминальное время года, его начало и конец, когда принято было посещать могилы и устраивать на них трапезы.

На кладбище приносили рыбные пироги — *черинянь*, стряпню, ржаное пиво — *сур*, крашенные яйца. Завершив поминки, на могилах оставляли еду и целое яйцо. В наше время оставляют раскрошенное яйцо.

Сохранялись локальные особенности празднования Радуницы. Лучше почитали этот день южные коми-пермяки. Даже в плохую погоду они стремились «хотя бы на минуту положить на свежую могилу рыбный пирог». Северные коми-пермяки ограничивались подачей еды и яиц «за упокой» и на кладбище ходили редко из-за того, что повсюду еще лежал снег. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском, Кочевском, Юсьвинском районах в 1993—2003 гг.)

Церемониал поминовения умерших предков обязательно проводился коми-пермяками дома. При традиционных поминках ели рыбные пироги, блины, оладьи, мясо, солянки, яйца. За столом вспоминали родителей, родственников, друзей. Высказывали прощение за обиды, желали усопшим царствия небесного за их добрые дела.

Сани на кладбище. 1909 г. Северные коми-пермяки

Выгон и пастьба скота

К выгону скота на пастбище всегда готовились с особой ответственностью в каждом крестьянском подворье. Даже теперь, в третьем тысячелетии, старшее поколение хозяев чтит старые обычаи.

Еще до Вербного воскресенья были припасены и набирались святости на божнице ивовые ветки, которыми принято выпроваживать скотину из хлева и стаяк на волю.

В Великий четверг была освящена соль, щепотка которой будет брошена в пойло корове и овцам в день выгона. Той же солью будут обсыпаны ломти черного хлеба, которыми угостятся вернувшиеся с покотины животные.

Недели за две до выгона отмечаются родовыми пасами или другими условными знаками уши молодых овец, коз, телят. Незначительные срезы, подрезы, пробитые отверстия наносились, как правило, на верхушке или наружном краешке уха животного. И никогда не подрезалось левое ухо, потому что левое — порочное, а порочное — не ко двору.

Самым удачным днем для выгона скота всегда считался Егорьев день 23 апреля (6 мая).

Выпуская скотину на волю в этот день, крестьянин как бы из рук в руки передавал ее святому, который весь летний период будет присматривать за животными. За такую большую услугу хозяева подворья Егорию милостивому ставили свечку дома, а также в храме во время утреннего богослужения.

Вернувшись из церкви, хозяйка с вербной вицей шла в загон, где ждали своего праздного часа овцы. Каждой из них скармливала кусочек хлеба, «пятнала» вицей и все стадо выгоняла на улицу. Старые овцы начинали искать зеленую травку, а молодежь — резвиться.

Следили за тем, особенно после зимней бескормицы, чтобы не объедались «жоркие» овцы ветошью — прошлогодней травой.

На Егория зелени бывает мало, иногда еще и снежок выпадает, поэтому скот на воле гуляет недолго.

После овец и коз выпускается и крупный рогатый скот. И снова повторяется тот же простой ритуал провожания с хлебом-солью и вербной вицей, которая является сильным в магическом отношении атрибутом. Но этот ритуал, который жив и сегодня, видимо, малая часть большого обряда, существовавшего в старину. Так, полвека назад жители бассейна р. Велва перед выгоном заговаривали скот от напастей хищного зверя, несчастного случая и от потерь удоев. С этой целью все хозяйства деревни или ее части, а точнее — *увтыра*, брали от каждого животного клочок шерсти, относили знахарю, и тот читал над ними соответствующий заговор.

Если деревня назначала пастуха, то клочки шерсти собирались в узелок и уносились пастухом домой. Там узелок прикреплялся к *пелькеру* (матица) хлеба. Если же скот кормился вольно, то клочки шерсти хозяева оставляли у себя, спрятав под *пелькером* или стропилиной хлеба.

Припоминается другой, незаурядный ритуал, но более — как частный случай.

Колхозный пастух из д. Баранова Кудымкарского района Егор Зубов при первом выпуске стада коров вначале выгонял красного, а не пестрого, быка Ваню. В чем суть этого обычая, старик, наверное, и сам не знал, но повторял чей-то поступок или народное предписание. Может, только в силу того, что красное — его слабость, цвет-своjak? Ведь известно, что большинство населения тех лет было неравнодушно к теплым тонам

красок: самым нарядным выглядел мужчина в красной рубаше, а женщина — в алой кофте или бордовом сарафане. А еще — красные кушаки и покрывки, пестрые, с преобладанием красных полосок женские чулки и рукавицы, красные оборки лаптей. И вышивка красными нитками на белых рубахах, полотенцах, носовых платках.

Да, все это так. Но отчего пошло такое обожание красного?

Философ объяснит просто: красное — символ жизни, цвет крови, а также тепло огня, солнца. Красный бык, конечно, не олицетворение жизни. То же самое можно сказать и о гнедой лошади, возглавлявшей «красный» обоз с зерном для Фонда обороны в Великую Отечественную войну. Здесь даже все наивно просто: «красный» обоз, красное знамя и, конечно, как нельзя кстати, гнедой жеребец по кличке Герой.

Здесь самый раз вспомнить миф народа коми о том, что земная твердь покоится на трех конях или быках: белом, красном и черном. Они держат землю не скопом, а по одному, меняясь через определенное время. И самой благополучной жизнь выдается тогда, когда землю держит красный конь или бык. Ведь красный конь или бык — животные солнца, а белые — ветра или луны, черные — ночи.

Возможно, этот миф был известен и старику, и он считал, что выпускаемый из коровника скот должен возглавлять бык благополучной масти.

У северян выгон скота сопровождается ритмами деревянного барабана — *пубарабан*.

Первый выгон скота — это пробный день пастбы, и владельцы коров какое-то время находятся при стаде, чтобы понаблюдать, как поведут себя животные в новой, еще непривычной обстановке после «душного» коровника. А в стаде всегда есть сильные и слабые животные, спокойные и агрессивные. Встречаются такие неуживчивые, чересчур бодливые коровы, что пастуху и коровам стада от таких экземпляров одни неприятности, особенно от таких, у которых не обрезаны рога.

Много хлопот пастуху доставляют и коровы-отшельницы, которые то и дело стараются отделиться от стада. А еще хуже буренки, которые любят волю вольную и никак не хотят возвращаться домой на ночь.

Но дотошные хозяева и пастухи находили управу и на таких коров, исходя из жизненного опыта народа. А немалую роль в таких делах играл местный знахарь со своими заговорами, оберегами, колдовскими приемами.

Да и почти всякая хозяйка знала, что если корова стала ночевать в лесу, значит, ее невзлюбил *карта чуд* (дух загона, хлева) или домовый. В этом случае некоторые хозяйки старались дать домовому «взятку» — старинную медную монету. Иногда, говорят, привередливому дворовому чуду давали «гостинец» на ночь — квашеную капусту, и во дворе устанавливался мир и лад. А если этот прием не давал положительного результата, то приходилось обращаться к кардинальным мерам воздействия: или идти к колдуну, или к священнику, который изгонял чуда кадилом и ладаном, святым словом.

У колдуна были свои способы, среди которых — выстрел из *пугача*, заряженного селитрой.

При выгоне скота всегда помнили о колдовских штучках — порче скотины — и просили Ена оберегать скотину.

В арсенале животноводов была масса всяких заговоров и оберегов (*кёрткыв*). Тексты этой группы в основном русские. Они имели строгие конструкции, сложное содержание и часто заучивались машинально, без осмысливания текста. Ими пользовались колдуны, знахари да ворожеи и небольшой круг скотоводов.

Кроме заговоров, были различные обращения-штампы к Богу и святым, умершим родителям, к нечистым духам. Рядовая хозяйка в обыденных ситуациях пользовалась только ими. Они очень коротенькие, в них самые простые и необходимые слова и тихая просьба: *«Ен-батюшко, видзётлы менам пода съёрын, эн сет лоны умёлълѳ»*. («Батюшка Ен, присматривай за моей скотиной, не дай случиться беде».)

Если при выгоне хозяйка услышит воронье карканье, обязательно скажет: *«Карзы аслат юр вылѳ, а не менам пода вылѳ!»* («Каркай на свою голову, а не на мою скотину!»)

В наши дни это заклинание понимается прямолинейно: дело имеем с птицей, но в стародавние времена в образе вороны, коршуна или ворона видели колдуна-оборотня, пытающегося испортить скотину.

А жители д. Баранова Кудымкарского района на такое карканье отвечали так: *«Карзы аслат юр вылѳ, Мекиюрись бабай вылѳ, Лёкубись дедѳ вылѳ!»* («Каркай на свою голову, на бабая из Мекшора, на дедзя из Лёкуба!») Мекшор и Лёкуб — лесные урочища с одноименными речушками, а что (или кто?) такие бабай и дедзй, можно лишь догадываться: бабаем коми-пермяки называют толстенное суковатое хвойное дерево (возможно, от татарского «бабай» — дед), а дедзй — это леший.

В конце апреля — начале мая стригли овец, приурочивая эту работу к новолунию (верили: луна на рост, так и шерсть на овечке на рост). Если же луна ущербная, то настриг получится скудный, да и варежки, чулки, суконные портянки будут холодные и будут быстро изнашиваться. А лучшей по качеству считалась шерсть осенней стрижки (*арѳв*), вобравшая в себя, как принято считать, всю благодать лета с его положительной энергией. Из этой шерсти старались скатать валенки и *чуини* (пимы без голенищ).

При стрижке овец совершается еще один короткий, но важный ритуал. Закончив стрижку и оставив на холке животного хохолок шерсти (или несколько), хозяйка срезает клочок шерсти на голове и, проведя им от макушки до хвоста, нашептывает: *«Нюрѳ эн сибды, ваѳ эн вѳй, поплѳ эн шед, кѳшлѳ эн сюр, гортын узьлы»*. («В болоте не застрянь, в воде не утони, собаке не попадись, волку не попадайся, дома ночуй».)

С первых же дней после выгона обнаруживается, что некоторые животные хромают. А хромота возникает от переросших и потрескавшихся копыт, и тут же, несмотря на фазу луны, проводится обрезка. Этому и погода благоприятствует: не холодно, и мухи не надоедают еще — животное спокойно.

Скульптуры Егора Утробина в д. Пармайлово Кочевского района, 2004 г.

Если хвосты коров и лошадей не были укорочены в Великий четверг, то эта процедура также выполняется перед выгоном или в первые дни пастбы.

Крестьянское хозяйство коми-пермяков было не бедно живностью, хотя условия для содержания скота были не такими уж благоприятными: суровый климат, неплодородная земля, в основном суглинки, и малая по площади пашня, не очень урожайные сенокосные угодья, примитивные орудия труда.

Типичное доколхозное подворье имело в среднем одну лошадь и одну корову, около десятка голов мелкого скота, кур и гусей, уток или индюков. Коровы местных пород были непродуктивными. Они обычно паслись в лесах без присмотра хозяев: утром их выпускали из дворов, и они самостоятельно отправлялись по длинным коридорам полевых изгородей на шутымы. Вечером сами возвращались редко, поэтому приходилось их искать. По тем же улицам выгонялись овцы, козы и свиньи. Последние часто уходили в лес на все лето, и под осень свиноматки возвращались в деревню с новым потомством. А хряков и баранов хозяева, бывало, находили в дальних деревнях, опознавая их лишь по своим пасам. В лесных деревнях даже коты «летовали» в перелесках.

В тех населенных пунктах, где поля не были огорожены, скот пасся под присмотром пастухов в лесу и на неудобьях. На таких поскотинах хорошо было скотине, но плохо приходилось самому «министру», как теперь в шутку называют пастуха. Безграничные леса, грязные низины с зыбунами, где коровы вязнут по брюхо, хищные звери, кровососный гнус — все это порождало кучу проблем. Много донимали коровы-сладкоежки, которые рвутся все вперед, все дальше. В стаде таких — три-четыре головы, у каждой — ботало на шее. По звуку ботала пастух и узнает, где какая группа кормится.

В старину во время цветения ржи — это две недели — в некоторых местностях ботала снимали или затыкали его зев травой, что опять же осложняло работу пастуха.

А самое худшее для пастуха — это когда теряется корова. Тут уж не до покоя и сна: день и ночь приходится прочесывать леса, посещать залесные деревни. Хорошо, если поиски увенчаются успехом в течение двух-трех дней. Если же нет, то пастух и хозяева коровы делают вывод: это проказа лешего. А если так, то необходимо обратиться к нему с прошением — послать кабалу.

Слово «кабала» для коми-пермяков инородное, но сам обряд или его подобие несомненно возникли задолго до встречи с теми, у кого заимствовано слово. А это, видимо, произошло в средневековье при контакте с русскими или татарами.

Истинный смысл этого обряда — договор между двумя сторонами. А в понимании коми-пермяков — это просьба (*корём, корны*). Язычники, не знавшие письма, вместо текста на бересте ставили свой родовой пас и над ним высказывали свою просьбу. Позже, когда распространилась грамота, появилось и новое название обряда: *гижны* (писать) или *гижёт* (письмо, грамота). Эти термины у иньвенских коми-пермяков до сих пор в употреблении, хотя сам обряд, видимо, уже утратился, да и

скот-то пасется уже не в лесных урманах, а на лугах или бывших полях, бурно зарастающих древесными культурами.

Кабалу писали исключительно старики и мальчики и никогда — женщины или девочки. Слова нацарапывались шилом, тупым острием ножа, кремнистым камешком. Неграмотный Е. Зубов и его подручный кабалу писали кочедыком. За всю свою долгую жизнь старик кабалу оформлял дважды. Ее текст бывал очень коротким, в нем не было никаких эмоциональных выражений и других художеств, о которых сообщают письменные источники. Вот один из образчиков: «*Корам: кѳзяин, бѳсьт гѳснечѳ да лѳдз мянцлсь мѳссѳ*». («Просим: хозяин, возьми наш гостинец да отпусти корову нашу».) Не указывались ни имя просителя, ни приметы потерявшейся коровы, потому что считалось, что лесной «задерживал» не кучу животных, а лишь одного, и ему все понятно, о чем его просят.

Разумеется, единой формы и трафаретного содержания кабалы на весь край не существовало. Где-то могли лешего назвать и Митрофаном Митрофановичем, как северные коми-пермяки, в частности, жители с. Большая Коча Кочевского района.

В этнографической литературе есть сведения о том, что некоторые знахари составляли даже грозные послания лешему: если, мол, ты, леший, не отпустишь корову, то пожалуемся твоему начальнику. Но это, нам кажется, было не в стиле коми-пермяков.

Кабала писалась в одном-трех экземплярах на клочке бересты печатными буквами, перевернутыми наизнанку. Гостинцами были несъедобные грибы (*кульбук*, дословно: рыло, морда нечистого), иногда поджаренные, цигарка табака. Они выставлялись на пень около пихты или осины, на которые вывешивалась кабала.

Жители таежных мест считают, что некоторые пастухи имели связь с хозяином леса. И чем, говорят, эта связь крепче, тем пастуху легче. А прочность дружбы здесь прямо пропорциональна подношениям человека лесовику, о чем говорится в рассказе И. И. Анфалова (71 год, д. Данилова Гайнского района, 2000 г.):

«*Вѳлі мян инька, мѳссѳз паситіс. Сія, шуисѳ, вѳрисьыскѳт тѳдѳма. Важьын ни абу, годов пятнадцать, поди. Сылѳн мѳссѳз ѳтік чилькѳтан эз ѳитѳ. Асывнас иньдас мѳссѳсѳ деревня саяс — и гортѳ. Рытнас нетас деревня саяс — мѳссѳс сѳтѳн ни. Но не весь вѳр старикыт отсалѳм: гѳснеч ѳнда. Баитѳм вѳлі инькайт килѳкѳ: «Верда, верда — сѳ оз пѳт, сѳ корѳ». ѳтпыр абу нѳѳѳтѳма гѳстинчи, дак вѳр старикыт ачыс локтѳма. Пырас керкуас, кошій пѳ — абу. А инькайт мѳдѳк деревняѳ мунѳма. Хозяиныс гор вылын узьѳм. Казялас сійѳ да кок пѳлѳттыс джѳдѳжѳ чапкас. Эта бѳрсянь инькаыс шогавны пондас, чапкисяс паситны*». («Была у нас баба, коров пасла. Она, сказывали, с лесным зналась. Давно уже ее нет, лет пятнадцать, может. Ее коровы ни одного удоя не потеряли. Утром проводит коров за деревню — и домой. Вечером выйдет за деревню — коровы уже тут. Но лесной старик не зря помогал: за гостинцы. Открылась было баба кому-то: «Кормлю, кормлю, все не наестся, все требует». Раз не угостила, так лесной старик на дом пришел. Зашел, ищет — ее нету. А баба в другую деревню пошла. Хозяин

спал на печи. Увидел его и за ноги с печки на пол кинул. После этого баба заболела, перестала пасти стадо».)

Такими жадными и злыми, говорят, бывают лишь отдельные лешие, и то из молодых. Они шалят ради потехи, очень любят подтрунивать над пьяными и могут выступать в самых невероятных образах, вплоть до шепки.

Вот одна из многих бытующих всюду оригинальных баек:

Код мужик мунё, ёдва тапикасьё. «Вот кинё бы вётиё, отсалё мунны», — думайтё. А сэтён — кукань ыжда пон. «Ой, ылёстём, нубт гортёдз!» Пон сибалас, кивиль-кивиль керас бёжнас. А голяс — кёв. Кодыс кутас кёвсё и шатласыны дугдас. Пон мунё, мужик бёрсеняс кыссьё, ачыс сьылё. Дыркодь мунась, и тожно казялас: вёрё пырёны. Код юрыс петас, видзётё: некутышём пон абу. Этё антусыт и вёлёма». (Пьяный мужик идет, едва тащится. «Вот бы попутчик догнал, помог бы идти», — думает. А тут собака — здоровенная, что телок. «Эй, дура, отведи меня домой!» Собака подошла, хвостом виляет. А на шее — поводок. Пьяный ухватился за поводок и шататься перестал. Собака идет, мужик следом тащится, поет себе. Долгонько шли, и тут только он заметил: в лес заходят. Протрезвел, смотрит: никакой собаки нет. Это леший и был.)

Существует мнение, что старые лешие никогда не пристают к людям беспричинно и даже готовы помочь безвозмездно, если подойти к ним по-человечески. Об этом сообщается во многих быличках. И. И. Анфалов (71 год, д. Данилова Гайнского района, 2000 г.) рассказывал о случае, который произошел с ним:

«Ме паситё мёссэз. Ёти годё кёиннэз бура лёкасиё: син эн кунь, видзёт да видзёт. Но мёсыс сьёрын пыр он ветлёт. Ётпыр эз локтё двенадцатя, ёишсё. Кошишим, кошшим — кок туй абу. «Но, умёлё делё аркмис, вёлтлсё кытчёкё кёиннэс: кёда доймис, кёда повзис да ылалис», — артала ветлётикам. Видзёта: кёз увтын старик пукалё. Сьёд шабура, куш юра, юрсиыс сиви вылас куйлё, а тошыс корось — корось и эм. Юалё: «Мёссэз эн жё адззыв?» Шы абу. «Дед, ми мёссэз ёиштим, эн я кыськё джыинян кыв?» Нем эз шу, тёкё кинас ёвтышитис да чеччис и мунис. А ме — аслам туй кузя. Мымдакё мунё — джыинян шы. «Миян эдё». Адззи сэтчинись, кёдалань кинас макнитис. Ся эд, видзёт, вёришьыт шоччисьём». («Я пас коров. В какой-то год волки сильно лютовали: глаз не закрывай — гляди в оба. Но за коровой неотступно ходить не будешь. Однажды не пришли двенадцать голов, потерялись. Искали, искали — следа нет. «Но беда стряслась: волки напугали — которая покалечилась, которая заплутала», — соображаю, бродя по лесу. Смотрю — под елью старик сидит. В черном шабуре, с непокрытой головой, волосы на плечах лежат, а бородинца венник — венник и есть. Спросил: «Коров не видал ли?» Ни звука. «Дед, мы коров потеряли, не слышал ли звуки ботала?» Смолчал, только рукой махнул да встал и ушел. А я — своей дорогой. Сколько-то прошел — ботало бренчит. «Наши ведь!» Там и нашел, в какую сторону рукой махнул. Он ведь, вишь, лесовой-то отдыхал».)

В народе существует поверье, что жертвой лешаковых козней бывают лишь коровы, и не было случая, чтобы таежный проказник прятал в чащобах лошадей. Счита-

ют, что лешие сами боятся лошадей, особенно подкованных. По мифологии коми-пермяков, лошади, особенно рыжие, гнедые и сивые, выступают в роли защитников от всякой нечисти. Но в этом случае, видимо, магическую силу имеют и масть, и железо или другой металл. Не зря ведь гадалщик идет на гумно с кочергой. И мужик чувствует себя уверенней в лесу и на болоте чертовом, когда за его спиной висит топор.

Не записаны заговорные и наговорные тексты на лечение или порчу скота, но они несомненно были. Знахари умели останавливать молоко, произвольно текущее из вымени коровы, «глушили» рев и отводили тихое мычание коров «про себя». Да и рядовая опытная хозяйка имела кое-что на всякий случай. Если, например, зауросила, стала вялой корова, иньвенские пермяки на закате солнца шептали ей на ухо: *«Ась нырѳттят петѳ, ась бѳрѳттят петѳ. Кысянь сюрис, сэтчин и пырас»*. («Пусть через ноздри выйдет, пусть через зад выйдет. Откуда попало, туда и зайдет».)

Некоторые при этих же словах бросают промеж ног скотины спереди назад золу. Использовалась и *«иома ва»* (вода с угольками). Ею брызгали корову трижды зараз, а оставшуюся в ковше воду выплескивали через себя в огороде и, не оглядываясь, заходили домой.

У М. В. Ермаковой (69 лет, с. Пешнигорт Кудымкарского района, 2000 г.) были свои методы лечения:

«Мѳйму мѳсным чук вылѳ тшак быдмис. Перво учѳт вѳлі, а сэссия ыжѳдѳ и ыжѳдѳ. Мый керны? Юалі зоотехниклісь. Сія видзѳтіс да шуис: «Невна одзжык бы, дак сунисѳн кѳрталім, зэлѳтім, а ѳні сѳр ни. Ноко думайтам, мый керны». Кытчѳдз сія думайтіс, тѳдвьям усис: дой весьтас колѳ дассянь бѳрлань куимись лыддѳыны. Ме куим лун сѳѳрна лыддѳылі, и, сваабѳг, косъмис». («В прошлом году на губе нашей коровы гриб вырос. Сперва маленький был, а затем стал расти, расти. Что делать? Спросила у зоотехника. Она осмотрела и сказала: «Чуть раньше бы, так ниткой завязали, затянули бы, а теперь уже поздно. Ну-ка, подумаем, как поступить...» Пока она думала, я вспомнила: над болячкой надо с десяти считать назад трижды. Я в течение трех дней считала, и, слава богу, высох».)

Как видим, скот лечили, кроме лекарственных препаратов, самыми различными народными средствами, в том числе и словом.

Кыдз куканьлѳн бѳж вужыс пидзѳс увтѳдз, сія лоас йѳла мѳс. (Если у телочки стержень хвоста ниже колен, она будет молочной коровой.)

Кыдзи виль мѳс оз гленитчы суседколѳ, сія оз понды локны гортѳ. (Если корова не понравится домовому, она не будет приходить домой.)

Мѳсыт пѳт — и ачыт пѳт лоан. (Корова сыта — и сам сыт будешь.)

Мѳс вайѳ ѳмас турун — умѳль погоддя одзын. (Корова возвращается с травой во рту — к непогоде.)

Встреча трясогузки — сырчик, пичик панталом

В народном календаре приход весны связывался с прилетом и поведением птиц, хотя, естественно, было явным реальное наступление весны — таяние снега, теплое солнце, светлый день. Верили, что пением птиц сопровождается весеннее пробуждение природы.

У многих народов обрядовая встреча весны происходила в Масленицу, Благовещение, Пасху. Но у коми-пермяков закливание весны превратилось в обряд встречи птицы трясогузки. В общенародном коми-пермяцком языке трясогузку называют *сырчиком*. В Юсьвинском районе есть д. Сырчикова и фамилия Сырчиков. Для южных (иньвенских) коми-пермяков характерно еще название *пичик*. Очевидно, в лексике закрепилось понимание звуков трясогузки: одним они слышались *сырч-сырч*, другим — *пич-пич*. Известно некоторым коми-пермякам и русское название птицы и обряда — *плишка*.

Встреча трясогузки происходила в Егорьев день, 23 апреля (6 мая), и в Николин день, 9 (22) мая. На приуроченности к этим датам, безусловно, сказалась приверженность населения к православной традиции. Но мы предполагаем, что прежде обряд встречи трясогузки не был связан с днями православных святых, он исполнялся в реальный день прилета птиц.

К сожалению, у современных коми-пермяков имеются лишь фрагментарные описания встречи трясогузки — *сырчика, пичика*. В д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района была своя традиция встречи птиц, о которой рассказала в 1988 г. П. И. Яркова, 1910 г. р.: «Для трясогузки оставляли печенье в виде птиц, настряпанное в день Сорока мучеников. Трясогузка прибывает, ее тоже надо угостить, а то кто же лед поломает, если не попотчует». Для встречи трясогузки жители собирались на берегу Иньвы, откуда брали воду. Место, где проходило гулянье, называлось *Ваддор* — Берег. Оно было высоким, его никогда не затопляло водой.

Современные этнографические исследования говорят о том, что глубина традиции еще хранится в памяти пожилых людей. Так, жители д. Кукушка Кочевского района, собравшись вместе для беседы с этнографами, вспоминали: «У нас всегда сырчиков уважали. Они прилетали и лето приносили. То одна женщина говорит, что сегодня сырчиков высоко видела и у нее лен будет высоким, то другая говорит, что низко видела и лен вырастет низким. Поговорим, порадуемся, посмеемся с птичками. А нынче лен не сеем и не замечаем». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

В развернутой форме обряд дошел до 1930-х годов у коми-язьвинцев — родственного по языку населения, проживающего за пределами коми-пермяцкой историко-этнической территории — в Красновишерском районе Пермской области. Причем, что очень ценно, содержание обряда коми-язьвинцев позволяет выделить в нем соотношение мифологических верований и ритуальных действий, порожденных языческим мировоззрением.

«На окраине деревни, около гумен,— а это происходило, по воспоминаниям очевидца, в 1929 г. в д. Немзя Красновишерского района,— собралась молодежь чествовать *сарчика* ⁶. Вокруг поляны лежит снег, вдали виднеется лес. Посредине поляны вбили заостренный вверх кол. На него приладили соломенное чучело сарчика. В стороне развели костер. Сели вокруг костра и угощали друг друга пивом. Когда тесно опустели, девушки пошли водить хоровод вокруг кола и чучела сарчика. Заиграл гармонист, и в хоровод пошли парни. Затем начались пляски. Кружась вокруг кола, девушки то и дело смотрят на чучело птицы и на парней.

Одна девушка выходит из круга и направляется к гумну, в руках у нее печеные яйца. Она залезает на крышу, снимает с яичек скорлупу, разламывает их на части и раскладывает вдоль по коньку крыши. Раскладывает для того, чтобы прилетевший сарчик их поел и остался летовать, чтоб принес хорошую погоду и урожайный год. Эта девушка слезит с гумна и возвращается в хоровод. После хоровода начинаются разные игры, ведутся веселые разговоры. Веселье затихает под вечер». (*Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 197.*)

Можно предположить, что обряд так же происходил и у коми-пермяков. Известно, что выходили встречать трясогузку-сырчика в с. Верх-Иньва, д. Левино Кудымкарского района, деревнях Пелым, Отопково, Борино Кочевского района. Место у д. Левино, где встречали трясогузку, в наше время по-прежнему называется *пичик*. Одновременно воспроизводились ритуальные действия, которые были известны не всем коми-пермякам. Например, в д. Пелым «всегда вершину дерева спиливали, закрывали высокий пенъ скатертью и клали рыбный пирог для сырчика». (*Полевые материалы, собранные в 2001—2003 гг.*) Рыбный пирог, как известно, одно из главных ритуальных угощений — на праздниках и поминках. Обрядовая встреча трясогузки дает основание не только видеть в птицах вестников весны, будущей жизни, но и посредников между миром таинственной природы и миром живых людей.

В контексте сказанного обратим внимание на то, что трясогузку делали из соломы. Этот материал имеет смысл вспомнить, что солома в весенних обрядах была символом продуцирующей магии. Она была от старого урожая, и ее растительные силы, так считали, должны были способствовать вырасти новому урожаю, ибо обряд к тому же происходит весной и с мечтой об урожайном лете.

Чтобы трясогузки действительно способствовали приходу урожайного лета, их стремились задобрить вареными яйцами. Причем кормление птиц происходило на возвышении — на крыше гумна, что должно было непременно способствовать эффективности обряда. Народные представления коми-пермяков о трясогузке касаются ее

⁶ Коми-язвинские пермяки в отличие от коми-пермяков произносят не *сы́рчик*, а *сарчи́к* (с ударением на втором слоге).

поведения. Завидев птицу, люди кричали: «Пичик локтѣ йы чегны!» («Трясогузка летит лед ломать!») Представляет интерес наблюдение о полете трясогузки, по характеру которого пытались предсказать будущее лето: если летала низко — к плохому лету, а высоко — к хорошему. В некоторых местах считали, что если трясогузка летает высоко, то лен вырастет высоким. (*Полевые материалы*, собранные в Косинском и Кочевском районах в 2002—2003 гг.)

Замечали и такое: «если сырчиков-пичиков много и они дружно прилетели — весна должна быть быстрой, лен и конопля должны уродиться хорошими». (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 1999 г.)

Особенно трясогузка сулила хороший урожай тому, кто первым увидит ее летящую высоко над землей. Верили, что человек, который первым увидел птицу, становился причастным к тайнам будущего. (*Там же*.)

В обряде встречи трясогузки-сырчика коми-пермяков и коми-язьвинцев присутствует поминально-жертвенный мотив. Как уже отмечали, жители д. Пелым Кочевского района угощали сырчика рыбным пирогом, который непременно готовился для поминок. «Перед тем как уйти от костра, — сообщается из д. Ванькова, — выкапываем ямку и из каждого туюска сливаем пиво в ямку со словами: «Напоили допьяна, схоронили сарчика». (*Полевые материалы*, собранные в Красновишерском районе в 1988 г.) В этом действии осмысливалось ритуальное закапывание трясогузки в землю и одновременно кормление ее для продолжения жизни. Можно говорить еще о совместной трапезе и об общении, сближении живых и мертвых. В обоих случаях обрядовых действий просматривается неслучайность поминальной темы: весной, следуя традиции, всегда почитались предки. Если эти предположения верны, то перед нами в обряде встречи трясогузки предстает картина культа предков.

Нельзя обойти вниманием и такой обычай: к обряду встречи трясогузки готовили фигурное печенье в виде птиц. Его приносили к костру и раздавали с приговорками, например такими: «Ешьте и хвалите, чтобы сырчики хорошее лето принесли», «Угощаем сырчика, чтобы он помог нам лен долгий вырастить». (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 1995 г.) Фигурным печеньем ритуально констатировали желание получить от трясогузки благополучие в жизни. Возможно, это поверье основывалось на представлении, что птицам присущи функции покровительницы домашнего очага, а может быть, и на знании легенды о трясогузке, пребывающей «под особой опекой Божьей Матери за то, что она вынимала колючие тернии из головы распятого Христа». (*Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции*. М., 1997. С. 725.)

Итак, у коми-пермяков одной из самых мифологизированных птиц стала трясогузка. Ее прилет и поведение явились одним из факторов, организовавших весенний период народного календаря. Хочется надеяться, что в ходе новых экспедиционных исследований мы узнаем еще много интересных примеров о столь великом обряде коми-пермяков.

Семик

Из прежних публикаций

Коми-пермяки верили, что в Семик, только раз в год, души всех умерших «получают от Господа однодневный отпуск на землю (заметим, что в представлениях людей сохранялось убеждение, что местом пребывания души предков являлось небо.— Авт.), где и присутствуют при трапезах своих родственников, которые совершаются последними в домах и на могилах. Трапезуют веселыми и нарядными, чтобы не беспокоить душу, а то она может еще, заметив какие-то беспорядки, рассердиться, наслать какую-либо болезнь». Души умерших не только присутствуют на трапезе, но и «пьют и едят». (Струминский В. Я. Указ. раб. С. 486.)

Семику предшествовали большие приготовления. Вот как об этом писали в начале XX в.: «...за неделю ловят рыбу, колют баранов и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащат мыть как можно чище на ближайшую речку, чтобы в самый Семик покойники не осудили женщин за нечистоплотность...»

«В самый Семик бабам не до сна: им в этот день предстоит слишком много работы, поэтому трудно встретить такую избу, где бы уже с полуночи не топились печь. С этого раннего времени уже стряпаются пельмени, оладьи, блины, шаньги, селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся по-пасхальному яйца. Только что покончив со стряпней, хозяйки все приготовленное ставят на стол, а перед иконой затапливают восковую свечу и вся семья молится Богу. Затем домохозяин приказывает отодвинуть стол от лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко от стола для того, чтобы усопшим можно было совершенно свободно поместиться у стола со всем их скарбом, иногда очень многочисленным. Скарб этот заключается у покойников в тех вещах, которые они покрали на этом свете, будучи живыми: с этими краденными вещами покойникам суждено носиться вечно.

Когда все, что показывает хозяин, сделано, хозяин и хозяйка оборачиваются к столу, низко кланяются и говорят: «вошшö» (кушайте). Простояв не менее получаса у стола, дымящегося кушаньями, которые к тому же заранее надломлены для более свободного выхода пара, служащего единственной пищей мертвых душ, за тот же стол садятся и все живые.

Основательно закусив обильной стряпней, вся семья отправляется в церковь, а оттуда на кладбище, захватив с собой и на кладбище разной стряпни, пива, браги, водки. Причем, чтобы кушанья можно было донести горячими, их тщательно завертывают теплыми тряпками и одеждой.

Пришедшие накрывают могилу скатеркой и, ломая пироги пополам, разбивая и расколупывая яйца, ставят все на скатерку, равно как и напитки. После чего женщины начинают свои причитания, причем жалуются умершим на те горе и обиды, что им, по их мнению, приходится переносить от свекра, мужа, мачехи, снохи и братьев. Причитания произносятся зачастую в присутствии противной стороны и, по возвращении причитавших домой, служат порою поводом к дальнейшим ссорам.

Между тем духовенство, окончившее церковную службу, по приглашению родных начинает совершать над могилами усопших панихиды или литии. Позади священников идут люди, которым передается (чаще всего самими священниками) кое-что из расставленного на могилах: рыбный пирог, селянка, блины и т. п.

По уходе духовенства начинается обряд настоящего поминания, тризна. Как мужики, так и бабы приглашают и родных, и знакомых помянуть покойных, кто чем может. Пермьяк, вообще никогда не отказывающийся от угощения, в данном случае даже торопится исполнить просьбу приглашающих, чтобы те не могли увидеть в его промедлении желания оскорбить память усопших.

Каждый пришедший пробует понемногу всего приготовленного, откладывая хоть несколько крошек на могилу умершего и выливая на нее хоть по капле из питья. Забыть про голод покойника никто не решается, мало ли чего он может наделать. Если известно кушанье или питье, которым покойник отдавал особенное предпочтение, то их откладывают или выливают побольше: пусть не жалуется на жадность живых.

Когда помянуты все родные и знакомые, свои и соседские, поминальщики с раскрасневшимися лицами под шумный говор, а иной раз и под звуки песни отправляются по домам, где продолжают помянуть дорогих покойников, вспоминая об их былых добрых качествах». (Струминский В. Я. Указ раб. С. 486—488.)

Семицко-троицкие обряды

В системе православных подвижных праздников особое место и значение имеют семицко-троицкие обряды.

Семик отмечается на седьмой после Пасхи неделе — Троицкой. Этот период времени совпадает с переходом весны в лето, и семицко-троицкая обрядность в основном связана с растительным миром и питающей его средой — землей, водой.

Такой вывод напрашивается даже после неполного любительского анализа высказываний коми-пермяков о Семике и Троице, их обрядах. Кроме этого, существенная часть обрядов связана с поминовением усопших родительских душ. В этих обрядах хорошо заметны пережитки языческих верований, отношение прежних поколений к природе, их миропонимание.

Троицкая неделя знаменита не только тем, что на ней Семик, Родительская (поминальная) суббота и сама Троица, но и другими, хорошо известными коми-пермякам праздниками: именинами леса (суббота), воды (воскресенье), земли (в понедельник, в Духов день).

Правда, именины этих трех стихий природы в народном календаре постоянных дней не имеют, потому воду и лес где-то чествуют в Троицу (д. Большая Серва Кудымкарского района), а зюздинские пермяки, например, именинами воды называют вторник после Троицы, считая, что вначале возникла земля, а лишь потом на ней появились реки и озера. Сервинцы же считают, что вначале была жижа, из которой бог Ен выделил землю.

Эти праздники все же больше попутные или побочные и чаще отмечаются только в связи с Троицей. А главными, доминирующими в этой гряде весенне-летних праздников, все-таки являются Семик и Троица. Причем наибольшим праздником многие считают именно Семик.

«Семик — кыкпöвса везжалун: и кулöмлö, и ловьялö. Кулöмлö — öбедöдз, ловьялö — öбедсянь ойöдз. Мöдiк сэтiщöмыс Му вылас эз вöв и абу». («Семик — двойной

Семик в с. Егва Кудымкарского района. 2001 г.

праздник: и для покойных, и для живых. Покойным — до обеда, живым — с обеда до ночи. Другого такого праздника на земле не было и нету».) Так оценивает этот своеобразный праздник П. И. Яркова (88 лет, д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района, 1998 г.)

Подобное суждение, не умаляя значение Троицы как народного праздника, имеет и А. Д. Радостева (84 года, д. Ивукова Кудымкарского района, 1999 г.):

«Семикыс медыджыт покойнишиной праздник. Радольницаыс только радуйтё нійё да вёрзётё, а Семикыс гажётё. Ся мян касьтисян праздник. Ловьяыс герьялё, а нія радёсь: абу нё вунётмась, касьтылёны. И мийё нё ог вунётё нійё. А кин нё аймамё вунётас? Асывсяняс горзам, а рытнас гёрдлам, сійён и сёлём бурмётам. Сідз эд вексё вёвлём». («Семик — наибольший праздник покойников. Радольница лишь чуть порадует и встревожит их, а Семик — веселит. Он поминальный праздник. Живые голосят, а они рады: не забыли, мол, поминают. И мы, мол, не забудем их. А кто же родителей забудет? С утра плачем, а вечером ржем, тем и сердце успокаиваем. Так ведь испокон веку было».)

Да, так или немного иначе было у многих народов. В эпоху примитивных религий люди поклонялись душам умерших предков, устраивали обряды жертвоприношений, дошедшие до наших дней в виде культовых блюд, которые предлагаются усопшим при определенных ритуалах. Эти обычаи — общечеловеческие. Например, название (а может, и часть обряда) православного поминального дня Радуницы пришло к славянам от древних литовцев: так они называли песни, исполняемые во время пиршеств в память об умерших предках.

Устраивались ли подобные тризны древними коми-пермяками, история не знает, но без громких причитаний во время похорон и поминок обряды не совершались.

Семицкие поминки у коми-пермяков двухступенчатые: с утра — дома, в кругу семьи, а позже — на кладбище. Как и к любым поминкам, впрок припасают нужные продукты, из которых готовятся поминальные блюда. Поскольку Семик приходится на скоромный период календаря, в поминальной кухне преобладают молочные и мясные кушанья, но самым распространенным является рыбный пирог, затем оладьи, шанежки с крупой на сметане, селянка, сметана, в которую макают оладьи. Полвека назад еще варили овсяный кисель и подавали его напоследок. В рыбник не брали щуку и налима.

В дореволюционную пору коми-пермяки поминальную церемонию начинали спозаранок с возжигания свечи и лампадки и короткой молитвы. В период «воинствующего атеизма» уже мало кто вставал перед образами, и ритуал обычно начинался с подачи на стол меда, сусла пивного и квасного, а затем — горячих оладьев и шанег. Их, поджаристых и аппетитно пахнущих, кладут на тарелку или прямо на скатерть, пару ломают пополам, чтобы активней поднимался пар, и приглашают угощаться души умерших, говоря: *«Локтё воишйё!»* («Подходите, питайтесь — угощайтесь».)

Эта церемония — видоизмененный жертвенный прием из примитивной религии, когда наши пращуры поклонялись духу предка — *пелю*.

Приглашая душу покойного угощаться, не говорят «Кушайте и пейте!» Слова «питаться, угощаться» здесь условные, потому что обращаются не к физическому существу, а к душе покойника. Душа же, по поверью пермяков, невидимая и неосязаемая материя в виде газа. И, конечно, она не может вмещать в себя пищу, а напитывается только исходящими от кушаний и напитков испарениями и даже одними запахами. Исходя из этого, каждая стряпка старается печь и жарить так, чтобы испарения были обильными и вкусно пахнущими.

Более сложный ритуал поминовения усопших совершается позже, когда семья садится за стол. При этом открывается рыбный пирог или подаются пельмени, и старший в семье еще раз просит души покойных напитаться запахами яств и питья. (См. подробности об этом в других разделах книги и в приложении.)

Такая просьба у коми-пермяков существует, очевидно, уже тысячелетия и имеет высокий философский смысл наравне с такими категориями, как любовь к матери, природе, родным местам, и по сущности своей она не изменилась до сих пор, разве только сократилась до одного-двух слов.

В первобытные времена душу покойного, наверное, просили не только полакомиться, но еще помогать во всем родственникам и соплеменникам, прощать их ошибки и погрешности в поминальных обрядах. И эта просьба так и не стала молитвой, подобной христианским.

В религиозных обрядах не прижились и те первостепенные молитвы, которые были переведены с церковно-славянского на коми-пермяцкий язык в конце XIX в.

На протяжении веков устойчивой остается поминальная кухня, состоящая из 6—8 основных блюд. Это как раз та оптимальная полнота яств, которая дает хорошую концентрацию запахов. Первый и, видимо, главный продукт в этом ряду — мед, с которого начинается церемония. Правда, сегодня его часто игнорируют, особенно в молодых и интеллигентных семьях, заменяя его другими сладостями. То же самое происходит и с рыбником, и с пельменями.

Следующее звено семицких обрядов — это посещение могил умерших родственников. Оно — основное и самое продолжительное. На кладбище из семьи идут один-три члена и берут с собой разную снедь, но обязательно — рыбный пирог, яйца, шаньги и питье. Раньше все это носили в пестерях и корзинах да туесах, теперь эта привычка забыта. Теперь не возбраняется пить у могилы не только крепкую брагу, но и водку. От этой вредной привычки все еще отказываются старухи, считая, что хмельные пары дурманят души усопших, и они начинают сердиться на людей и даже вредить им. Старинный обычай предписывает не ходить на кладбище в слишком красивом, цветастом одеянии, в пышных головных уборах, какими пользуются модницы, но головы женщин должны быть покрыты. Даже девушки раньше ходили на кладбище в платках, а из кос убирали ленты.

В далекую старину, возможно, использовалась специальная поминальная одежда или соблюдался некий принцип в выборе цвета одежды с тем, чтобы до минимума свести цветовой контраст между одеждой покойника и живого человека.

В прошлом иньвенские коми-пермяки покойника одевали во все белое, и лапти плелись из чистого белого лыка, без бересты. Да и постель в гробу, и покрывало — все было из белого холста.

В д. Юньга Кудымкарского района еще помнят, как одну старуху, по ее завещанию, похоронили в долгополой рубаше и платке из холста. Обычай хоронить покойника в белом саване объясняли тем, что *модёр югыт* (изнанка этого света, тот свет) не приемлет пестроты и черноты. И совсем другое дело — белый свет, земная жизнь в ее многообразии цветовой гаммы, разнообразие сочетаний оттенков. А провожающие в последний путь покойника тоже одевались скромно, но не обязательно в черную одежду, выражающую скорбь.

Раньше только в Семик и только дома поминали самоубийц, устраивая для них отдельное угощение на кадке с водой. Теперь этот обычай не соблюдается, и все самовольно покинувшие наш мир поминаются одинаково доброжелательно наравне с другими.

С чего же начинается обряд посещения родительских могил?

И на этот счет в народе выработался определенный обычай, о чем сообщает М. С. Климова (88 лет, д. Юньга Кудымкарского района, 2002 г.):

«Могила дынас локтан, пернапасасян да крест дорас сувтан, кулёмсё нимнас шуан. Ежесли ай али мам, шыасян сылб: локті пб то, тятю али мама, эг вунбт тэнб. Сэсся гдбгортан, сёян пуктан, ырбш ли, сурок ли кружкай кисьтан, рочалан воишыны...» («Подойдешь к могиле, перекрестишься и около креста встанешь, покойного по имени назовешь. Если отец или мать, скажешься им: пришла-де вот, тятя или мама, не забыла тебя. Потом обойдешь, еду положишь, квас ли, пиво ли в кружку нальешь, пригласишь угоститься...») (Полный рассказ М. С. Климовой о Семике и Троице см. в приложении.)

Первые поминки на кладбище — у свежей могилы или у могилы самого близкого родственника, затем — у других, более дальних, если их не посетят близкие родичи.

В Кочевском районе обряд поминовения на кладбище начинается по-иному. Пришедший приносит с собой баночку или тарелочку, в которых разжигается поминальный огонь из бересты, смоляных щепок или ладана, и окуривается могила. Весь поминальный обряд совершался стоя. Теперь же этот обычай не соблюдается, и возле многих могил установлены лавочки и даже столики. Нормальным является и то, что могилу посещают бывшие соседи покойного, приятели или просто знакомые. Их угощают, и более раскованные умело пользуются этим гостеприимством.

Обычай требует от поминающих, чтобы они раздавали милостыню. Если нет нищих и других *побирушек*, приглашают угоститься любого прохожего. Тот обычно также не отказывается, а после приложения к еде и питью желает покойному благостного загробного пребывания.

На Семик съезжаются обычно и далеко живущие родственники, поэтому кладбище бывает очень многолюдным и шумным. В наши дни благостный настрой поминальщика-мужчины кончается через час-два, и начинается хмельной балаган и разгул, отдельные вспышки которого приходится утишать наряду милиции. Такие крупные кладбища, как Кудымкарское, Майкорское, Пожвинское и Гайнское в Семик заполняются несколькими тысячами человек. В хорошую погоду эти поминки заканчиваются лишь под вечер. И тогда настает пир воронья и бездомных собак, которые лакомятся остатками поминальной еды. Остатков бывает немало, потому что обычай коми-пермяков заставляет оставлять на кладбище всё, что не съедено и не выпито. Перед уходом иногда совершается церемония, доставшаяся нам, видимо, от диких пращуров: напиток струйкой выливается в то место на могиле, где должен находиться рот покойника, а яйцо скатывается с бугорка к подножию креста, пирамидки.

Посещение кладбища завершается прощальными поклонами у головы и ног покойного. Простившись, без оглядки покидают кладбище, стараясь не споткнуться, а лучше того — не упасть: это очень плохая примета.

Иной порядок семицких поминок у узюдинских коми-пермяков: в этот день на кладбище ходят только те, кто поминает утопленников и удушенных. Лет тридцать назад в некоторых местах посещали места захоронений «чуди», расположенных в основном на крутом правом берегу Камы, по соседству с древними городищами и селищами.

Разнятся обычаи Семика и в Юрлинском районе, где основная масса жителей не посещает могилы родственников и не «хороводит» вечером. Жители с. Усть-Зула, например, ходят на кладбище только в родительскую субботу, а жители д. Верх-Лобанова — и в родительскую субботу, и в Семик.

После некоторого затишья Семик вновь оживает в деревне, когда на улицах появляются молодежные компании, подает голос гармонь. Она как бы подает сигнал к сбору людей за околицей на веселой гривке или в излучине речки у роши.

Это — начало семицких веселых игрищ. Оно — локальное, малое гулянье — одной деревни. С этого часа начинается обряд коми-пермяков, так называемый «кыдз кёртавы» или «кыдз домавы» (дословно: *берёзу вязать*).

Действительно, в центре внимания оказывается береза. Только этот старинный обряд теперь уже не имеет единообразия: где-то люди идут в рощу к растущей березке и веселятся там, где-то березку приносят в деревню. И, естественно, в разных условиях действие происходит по-разному. Собственно говоря, обряд «кыдз домавы» совершается только в роще. И этот обряд не что иное, как некое продолжение святочных гаданий и ворожбы, когда молодежь старается заглянуть в свое будущее по части устройства своей семьи. Но факты говорят, что в семицких гаданиях принимают участие и другие возрастные группы, так что значение семицких гаданий гораздо больше, чем принято считать: это и попытка узнать, каков будет нынешний урожай хлебов, овощей и сена, и желание узнать, какая участь ждет молодоженов, мирной ли будет жизнь.

Послушаем рассказы участников в семицких обрядах.

«Семик рытѡ кыдз домалѡны. Миян Кекуршор дорас кыдзашн эм, сэтчин и орслѣм медодз, и кадрилѣ йѡктывлѣм. Но перво каям да паськѡтчам кыдзашнас «кыдзсѡ дамавыны». Ѳтамѡдсян гусьѡн. Кык улок кѡртыштам оча, личытика, медбы лист эз ор. А вѡлись сьывны да йѡктыны пондам. Стречалунѡн локтам сѣя кыдзок дынѡ, видзѡтам: листыс нем абу лѡм али косьмыны пондѡм. Кыдзи косьмыны пондѡм, дак бурсѡ таво нем эн видзчись, умѡль год лоас...» («В семицкий вечер березу вяжут. У нас возле речки Кекуршор есть урочище Березник, тут и начинали игры, и кадрилѣ танцевали. Но сперва, как придем, разойдемся по березнику березовые ветки вязать. Таясь друг от друга. Две веточки свяжем, слабенько так, чтобы лист не сорвать. Потом только петь да плясать начнем. В Троицын день придем к той березке, смотрим: лист все такой же зеленый или поблек. Если стал сохнуть, так ничего хорошего в этом году не жди, плохой год будет...») (В. И. Попов, 75 лет, д. Кекур Кудымкарского района, 2001 г.)

«Кытийѡм праздник медгажаыс? Ме бы шуи: Семик да Стречалун. Кѡтъ Семикыс и касьтѣсян, кѡтъ и праздникас оз шуѡ, а сѣя — медуна йѡза горзан и гажѡтчан. Разѣ не сидз? И ворожѣтчан. То тай кыдз уввез, турун йѣввез оча кѡрталам — сѣ бы тѡдам, мый лоас, кыдз овяс... Босьтам тѡвся игразѡ. Уна чавзам, топѡтам, вѣжмасыам, да эд керкуын только. Кыным морт керкуас тѡрѡ? Забгисясѡ тыр, дук, ловзисьны сьѡкыт. А мун Юсьва берегѡ, Логинмыс увтѡ, Якиарасѡ — сьѡлѡм орсѡ, весамѡ. Но нѣя зшѡ учѡт котрасянказ, только асланымѡсь. А Шагайвольѡ локтѡ Логин, Гыр, Юсьвадор, Разин, Шулай, Пронин, Митрок. Кык десятѡк деревня одзжык вовлывлѡмась. Сьылѡны, йѡктѡны — ольыс чаналѡ и вѡрыс. Шумыс, натѣтѡ, могильникѡдззас сидзѡ. И кулѡммес, поди, саймѡны... Грешитам жѡ эд, да мѡднѣж оз ни вермѡ. А может, сѣя и не грѣх: попыс тай абу жѡ мешайтлѡм пѡ». («Какой праздник самый веселый? Я бы сказала: Семик да Троица. Хотя Семик и поминальный день, хотя и праздником его не называют, а он самое многолюдное горевание и веселье. Разве не так? И ворожба еще. Вот верхушки веток, трав связываем — все хотим узнать, что будет впереди, какое житье будет... Возьмем зимние игрища. Много кричим, топчем, скоморошничаем, да ведь только в избе. Сколько людей в ней помещается? Забьются полно, духота, дышать трудно. А пойди на берег Юсьвы, под Логинмыс, в рощу Якшарас — сердце играет, очищается. Но те места лишь для малых гулянок. А в урочище Шагайволь приходят из деревень Логина, Гыр, Юсьвадор, Разина, Шулай, Пронина, Митрок. Два десятка деревень сѡдились. Поют, пляшут — долина звенит и лес. Шум, наверное, до кладбища долетал. И мертвые, наверное, просыпались... Грешим ведь, да иначе уже не можем. А может, это и не грѣшно: поп, говорят, тоже не препятствовал...») (А. П. Четина, 65 лет, д. Юсьвадор Кудымкарского района, 1989 г.)

Организация и система семицких гуляний очень просты, и в них нет никаких нормативных или иных ограничений; и, можно сказать, что они возникают стихийно на базе существующих многовековых традиций, этнических принципов, правил отдельных групп людей или деревни.

У каждого или нескольких населенных пунктов было излюбленное место праздничных и воскресных гуляний молодежи (*котрасян*). И семицкие и троицкие гулянья также начинались обычно в этих местах, а потом перекидывались в общеизвестные для многих деревень и сёл места. Они находились в стороне от населенных пунктов, обычно у речек и рощ, на лугах. Это были ровные площадки значительных размеров, где могли размещаться сотни людей и разворачиваться массовые игры и гулянья. Вокруг Кудымкара в радиусе до 10 километров такими были: Кузьпоспон (Юринский сельсовет), Свистайыв (Егвинский сельсовет), Серустя (Сервинский сельсовет), Кузькось или Пектуброд (Пешнигортский сельсовет), Попмыс (бывший Отевский сельсовет).

Надо отметить, что отевцы — жители деревень Мошево, Егичи, Мечкор, Пичугино — семицкие гулянья, по рассказам старожитов, во время существования колхозов уже не устраивали. Даже есть предположение, что их никогда не было, потому что, дескать, Семик — скорбный день, а скорбь и веселье несовместимы. А на Попмысе теперь гуляют лишь в Троицу, но березку, как было прежде, не устанавливают. В престольные праздники (*Пречиста* или Рождество Пресвятой Богородицы 8 (21) сентября, Серафима 19 июля (1 августа), а также в Ильин день 20 июля (2 августа) массовые гулянья бываю́т на сельской площади, на которой когда-то стояла церковь.

В Верх-Иньвенском сельсовете Кудымкарского района в Семик собирались в урочищах Сырчик-пичиккез, Шагайволь и Пронякюч. Последнее широко известно своим родником, вода в котором, по народному заключению, является целебной. Сюда же приходили жители из деревень Самковского сельсовета.

В XX в. были периоды, когда семицко-троицкие игрища то затухали, то вспыхивали с новой силой. Последние вспышки, как говорят участники и очевидцы, наблюдались в 1950—1960-е годы.

Ценитель народного искусства, гармонист и баянист со стажем В. И. Попов вспоминает: *«Кузьпоспонас ме вöлі, натьтö, 60-й годö. Гармонисттэс абу, вот и нуöтісö гортіссес, кекурсаыс. Сэтчин вöлі локтöмась Сергинчись, Мироновчись, Юринчись, Кудымкарьсь. Сергей Голигин вöлі баяиöн орсö. Буфеттэз осьтöмась, сур вузалöны. Йöзыс — кыдз сьöд вöр».* («В урочище Кузьпоспон в последний раз я был, наверное, в 60-м году. Гармонистов не было, вот и потащили меня наши, кекурцы. Тут были из Сергиной, Мироновой, Юрино, Кудымкара. Сергей Голигин на баяне играл. Буфеты открыты, пиво продается. Народо — что темный лес».)

В те годы в округе процветала художественная самодеятельность, опиравшаяся на фольклор и развивающуюся национальную литературу. Сельские хоровые и танцевальные коллективы активно участвовали и в народных празднествах. С. Голигин, один из немногих профессиональных музыкантов той поры, работал в окружном ансамбле песни и пляски и был там, возможно, со своим коллективом.

Однако с тех же пор семицко-троицкие народные гулянья стали утрачивать свою массовость и значение как народный календарный обряд и сошли на нет к концу века в южных районах округа, но частично сохранились в северных.

В летних играх коми-пермяков было немало самобытного, дошедшего до наших дней из глубины веков. В этой самобытности мы часто встречаемся с некоторыми странностями, граничащими с глупостью или ребячеством, но в живых обрядах и обычаях язычества каждая из них являлась важной и даже необходимой составной частью бытия.

В Верх-Иньвенском сельсовете рассказывают про такой обычай, бывший в прошлом веке. Где-то около д. Бормотова стоял хутор Павдор. Его жители, идя на семицкие игрища, по пути переворачивали какие-то камни. Где они лежали и зачем их ворочали, неизвестно, но, очевидно, это была не детская игра. А жители той стороны летние игрища устраивали трижды: в Семик, Троицу и через неделю после нее в канун Петровского поста.

Семицкими вечерами, когда молодежь развлекается на игрищах, оставшиеся дома старики мастерили игрушки из древесины мягких пород. Из ивы или липовых лутешек они вырезали уток и гусей, а также куколок, похожих на сказочных русалок. Утки все белые, куколки — в пестрых, бело-зеленых «платицах». Кроме того, изготавливали свистульки (*пиксан*) и резные узорчатые трости-палочки (*пегануки*). Все подделки раздавались малышам.

В д. Чикулова немощный Михайв увлекался изготовлением других вещей — свистков, похожих на милицейские, и *сигудэка* (волосая скрипка). А однажды сделал своеобразную балалайку. Его соседка П. П. Зубова считает ее уникальной. Конечно, она была грубовато отделана, и форма была не очень привлекательная, но все-таки — музыкальный инструмент, под игру которого с удовольствием скакали ребята, воображая, что пляшут коми-пермяцкий тупи-тап. Она была устроена так: на одной стороне продолговатой дощечки имелась жестяная банка со струнами через нее, а на другой — барабашка, тоже жестяная. Играл он, видимо, как шутит очевидца, всего лишь две мелодии — трин-трин и бум-бам, но с удовольствием развлекался сам и забавлял невзыскательную публику.

Как видно, в семицкий вечер веселились, кто как умел.

Примечательной особенностью Семика на верхней Иньве является свист в свистульки. В середине XX в. свист был лишь только забавой детей, но в свое время он, по всей видимости, являлся частью обрядового действия на весенне-летних празднествах, и сегодня никто не объясняет, зачем нужно было свистеть, да еще как можно громче. Впрочем, попытки дать оценку свисту тоже есть.

«Семикас да Стречалуннас старикес тийоктылїсѳ буржыска гажѳтчыны; сѳк пѳ война оз ло, пѳрѳс оз ло, умѳль год оз ло. Иишю тийоктылїсѳ мыйлѳкѳ челядьсѳ пиксыны. Челядьыс тыр пиксанинсѳ керасѳ; пиксѳны-вермасѳны — юр дурмѳ». («В Семик и Троицу старики рекомендовали больше веселиться: тогда-де войны не будет, эпидемий не будет, год плохим не будет. Еще зачем-то заставляли ребят свистеть. Ребята свистулек полно наделают, свистят, стараются пересвистеть друг друга — голова дурманится».) (Яркова П. И.)

Свистульки делались из ивовых и липовых веток, их умел смастерить каждый мальчик, использовались трубки из дягиля и вежа, из которых делались дудки. Встречались и жестяные свистульки, а в войну появились губные гармошки, на которых игрались несложные мелодии.

Настоящими же музыкальными инструментами на игрищах бывали балалайки и гармони, среди которых чаще встречались легкие и голосистые венки и тальянки, а также двухрядки простые, а после войны — и с хроматическим строем.

В Гайнском, Косинском и Кочевском районах любили «пöлясьны» (дословно: *дуть*) — играть на пöлянах-дудках, часто на многоствольных, а также отбивать ритмы на *пу-барабане* — особо устроенной, немного выпуклой доске.

На пöлянах преимущественно играли женщины, на пу-барабанах — мужчины. В тех же районах свое мастерство показывали игроки, выводя несложные мелодии с помощью зеленых листьев осины и черемухи, тонкой берестяной кожуры. Но, как говорят знатоки семицких обрядов, на последних в массовках не играли.

В завершение семицкой темы надо отметить, что простонародные обряды наших дней для предыдущих поколений были очень важными в их верованиях. И нельзя сказать, что являлось главным звеном Семика: поминальные ритуалы или вечерние увеселения. Возможно, вторая половина обрядов имела даже высшее значение: массовое веселье в продолжение поминального процесса — это еще один знак радения умерших, всеобщий акт убажания их душ. Это и очищение духа участников обряда весенней положительной энергией, это и заклинательные действия музыкой, свистом и пением на нечисть. Это и своего рода тризна по ушедшим поколениям, и гимн продолжающейся жизни.

Важжез — старые. Пестера

У коми-пермяков широко соблюдается обычай после Семика прийти в места захоронения старых, то есть давно умерших предков, о времени захоронения которых ничего не знают.

В Кочевском районе не забывается могильник у д. Борино. Раньше приходило много людей, даже из Соликамска, Чердыни, Усолья, а в наши дни меньше. Еду приносят в *пестерах* — заплечных корзинах, поэтому и день поминовения стали называть *пестера*. Приходят с едой, которую раскладывают вокруг места, где стояла часовня. Сначала молятся, а потом едят и пьют. Многие идут по обету, чтобы избавиться от болезней или заполучить оздоровительные силы. У кого *мыжса* — нездоровое состояние, тот приходил с подарками старым людям — с материалом, платками, полотенца-

ми. Их вешают на дерево. О современном обряде нам рассказала в 2003 г. А. Г. Гагарина, 1931 г. р., которая почти ежегодно поминает *важжез* — старых людей. «Хожу на старый могильник в родную д. Борино, — особо отметила она, — потому что от бабушки слышала, что там мои старые родные люди похоронены».

Накануне поминальной субботы принято было исполнять очень архаичный обряд *черöшлан* (*чер* — топор, *öшлыны* — вешать). Перед печью на топорщице топора, воткнутого в чурбан, вешали свернутую узелком тряпицу с солью, хмелем, монетами и иконой. *Tödisь* — знахарь перечислял имена умерших предков, которые, по мнению людей, могли посылать несчастье. Узелок покачивался только при произношении одного имени. После этого знали, какому предку необходимо было принести подарок на древний могильник. (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском районе в 1993 г.)

По записям ученого-этнографа Л. С. Грибовой, уроженки Кочевского района, известны еще многие другие сведения о культе предков коми-пермяков. Старожилы Кочевского района в 1960-е годы рассказывали Л. С. Грибовой: «Место *Важшоина*, — старый могильник у д. Борино, читится как *чучкое*, как место погребения *важжез* — старых. Жил здесь некогда иной народ чучкой. Когда наступили новые времена и стал наступать новый народ, старому некуда было деваться. Чучкие тогда вырыли ямы, зашли с семьями, подрубили стойки, на которых держались потолки, и завалились землей. Вот они здесь и лежат. Они ушли из-за веры, не хотели примириться. Они не осилили пришлых людей, пришлось уступать, или голодные, видимо, годы были, вот и решили умереть. Будто бы некоторые вышли из земли и рассказали о себе. С тех пор их знают и поминают. Ведь они живьем захоронены, им надо есть и пить». (*КПОКМ*. Отдел рукописей. Дипломная работа Л. С. Грибовой. Л. 14—15.)

Очень значительным для северных коми-пермяков было место захоронения древних людей в 1,5 км от д. Чазево Косинского района. Коми-пермяки называют его *Важ Чадзёв* — Старый Чадзёв. Круглую площадку диаметром до 15 м окружал лес. На восточной стороне стоял столб с иконой и свечами, недалеко от столба — сумка с монетами. Перед столбом и молились. Старожилы рассказывали, что «на этом месте стояла чучкая деревня и чучкая часовня». (*Там же*.) «Поминаем, — говорили старожилы, — первых чучких. Это были четыре брата Чадз, Бач, Юкся, Пукся. Эти братья сначала жили вместе здесь, в *Чадзёве* (Старом Чадзёве), а затем основали деревни Чазево, Бачманово, Юксеево, Пуксиб». (*Там же*.)

Легендарные герои, возможно, были главами *увтыров* — родов или больших семей. Современные жители д. Чазева рассказывают, что в старом Чадзёве еще в 1920-е годы после поминок исполнялись древние обряды — умывались в р. Шудья (кстати, название переводится как *счастливая река*), плясали, водили хороводы. Учитель из с. Юксеево Е. С. Утробин, 1939 г. р., слышал от стариков, что «на поминках старых они ходили только в белой одежде». (*Там же*.)

Традиция поминать старых, в том числе чудских, сохраняется у коми-пермяков и в наше время. Чудские места они часто называют *важгорт* — дом старых. Известны случаи, когда мир старых людей, похороненных на чудских могильниках, коми-пермяки связывают с конкретными лицами, называя их по именам. Так, в Косинском районе в д. Ильинчи поминают «первых старых» Сергея, Матвея и Парася, в д. Сюзь-Позья — Изосима и Савватая. (*Там же*. Л. 17.)

Таркэмыс (говорят еще *таркэв*, а в слове *таркэмыс*, по объяснению жителей, буква в «потерялась») — так называют в Кочевском районе почитаемое место у ручья и горы между деревнями Петухово и Пелымом. Обычай заключается в том, что люди приходят сюда, как они сами говорят, «на праздник с чудскими предками». Поддерживается ритуальная традиция: угощают старых пивом, квасом, снимают с себя одежду, вешают на елку и оставляют ее богу и духам, «чтобы они помогли избавиться от болезней». Бросить в воду монеты — это своеобразная жертва воде и матушке-земле. (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Из рассказов жителей можно почерпнуть информацию о прежнем характере обряда, совершаемого на *Таркэмысе*. Когда-то здесь стояла «чучкая» часовня и в ней поминали старых предков. Когда она исчезла, никто не знает, но «будто бы она ушла в землю и тут ключ забил, маленький ручеек бежит из-под угора». Одной жительнице д. Куделькино приснился сон, что часовню старые просят восстановить. В конце 1950-х годов к дереву у ручья прибили доску, на которой написали: «Поминаем старых людей». Тут же повесили белое холщовое полотенце, крестик на веревочке, на землю поставили гостинцы. (*КПОКМ*. Отдел рукописей. Дипломная работа Л. С. Грибовой. Л. 16.)

Обряды Троицкой субботы

Православные в Троицкую субботу поминают всех умерших родственников. Поминальный обряд этого дня мало чем отличается от семицкого: те же зажженные свечи или лампадка перед образами, молитва за упокой души, утренняя трапеза дома, затем посещение церкви или часовни и кладбища. Те же культовые блюда и напитки. Это — в общем. Причем такая обстановка касается больше южных коми-пермяков. Да и из них идут на кладбище не везде.

Северные коми-пермяки имеют свои особенности. И главной из них является то, что часть косинцев, кочевцев и гайнцев в родительскую субботу поминают «древних», а в четверг, то есть в Семик — недавно умерших, как говорят, «нынешних».

Спрашивается, почему же такое обособление, почему не в один день и тех, и других?

Ритуальный обед в Троицу в д. Кукушка
Кочевского района. 2002 г.

Объясняют просто: «старые», дескать, не наши, чужие, а у чужих и обряды другие. А меж тем и тех, и других поминают почти одинаково.

А чужих-то, казалось бы, зачем поминать? Да еще кое-где пышнее, чем своих. Откуда такое сердобольное сострадание? Ведь, по древнему поверью, живым в их земных делах помогают только умершие родственники, а чужие — даже вредят. И опять же находится вполне логичный ответ.

В действительности те еле заметные бугорки-могилки «старых» нынешним жителям вовсе не чужие: в них покоится прах их же далеких предков. А если так, то чем объяснить такую народную забывчивость? Где же пресловутая связь поколений? Причину короткой народной памяти, наверное, надо искать в смене вероисповеданий. В этом случае первопричиной наверняка является переход населения от язычества к православию, когда крещеным коми-пермякам были предъявлены церковью новые критерии.

Но нынешнее поколение, посещая заброшенные и заросшие лесом могильники, все же не забыло своих дальних родичей и выполняет их завет: молитесь, мол, за нас, и не будете наказаны нами. К такому заключению нас подводят многочисленные высказывания людей.

Поминать предков и даже поклоняться их душам в примитивных религиях было нормой, обязательной для всего общества. Частица этой нормы стала обычаем и у нынешних северных коми-пермяков и коми-зюздинцев. Есть факты, что «старых» поминают не только на семицкой неделе, а кое-где и гораздо позже. В с. Пуксиб Косинского района умерших поминают и в Прокопьев день 8 (21) июля. Это, видимо, тоже пережиток дохристианского обряда, который совершался когда-то в середине лета.

О возможном наказании «старых», если они будут забыты, хорошо знают кочевские и косинские жители. Старые люди, почувствовавшие недуг, сразу подразумевают «мыжу» (кару) древних за их непочтение. Существует мнение, что мертвые напускают боли живым на левую сторону, в отличие от наказания Ена, который за его оскорбление действием или словом поражает правую сторону человека.

Про мыжу больной узнает от знахарки — *черэшиланицы*, которая гадает на подвешенном за нитку топоре, или иконе, или каравае хлеба. (См. подробно в приложении.) Суеверные люди утверждают, что «старые» карают и тогда, когда они тревожат кости мертвых, даже если это происходит случайно.

Но в народе еще живо поверье о том, что палец или зуб покойника, спрятанные в карман, имеют магическую силу защиты от насилия, только надо их обрести с умом и уметь ими пользоваться.

М. С. Рискова (68 лет, д. Митина Кочевского района, 1971 г.) припоминает рассказ своей знакомой:

«Көр гарылысё важ гуэсё, инька босьтёма кум пинь. Кылёма кинсянькё, колё пё босьтны, и босьтёма: мыйкё пё, можот, действуитас. Лэдзчоті пё гортё и ойбыт эг вермы узьны, ойбыт пё вётаси: локтё пё кытишмкё морт — дай пё мои

зубы. Тёкё пё синнзёс куня, сия пё локтас и — давай пё мои зубы. Ашынас пё кушнас и кайёті. Кытись пё босьті, сэтчё и пукті, а то пё мыжйис бы». («Когда раскапывали (археологи. — Авт.) старые могилы, одна женщина взяла три зуба. Слыхала от кого-то, что надо брать, и взяла: может, мол, подействует что-то, пригодится. Принесла, мол, домой и всю ночь не смогла заснуть, всю ночь снилось: является какой-то человек — отдай, мол, мои зубы. Только, мол, закрою глаза — давай, мол, мои зубы. На другой день унесла, даже в тряпицу не завернула. Где взяла, мол, туда и положила, а то бы мыжу заработала».)

Большинство же людей опасаются брать голыми руками найденные в поле кости мертвецов, чтобы зарыть их в землю. Соблюдается и древний обычай — поминать «старых» стоя, не топтать еле заметные могилы.

В Кочевском районе из могильников «старых» чаще посещается Боринский (у д. Борино). Туда обычно ходят жители Большекочинского, Пелымского и Петуховского сельсоветов. Но многие еще знают, что раньше поминали «старых» в урочищах Отёвкар, Курэгкар, Шойнаыб, Быльдэг, Каньядор.

Старожилы вспоминают:

«Өні важжес дьинь ветлётёны Съёд Мокинё — Боринскёй шойна вьлё, а ми көркё касьтисьлім и Шойнаыбын. Не пыр жё ветлётім: год-мёд он ветлы, а вёлись мунан. Ётіккес — таво, мёдіккес — мёдгод мунасё. А оні ме касьтисян пестерёс ог ни вёрёт». («Теперь к старым ходят в Съёд Мокин — на Боринское кладбище, а мы когда-то поминали и на Шойнаыбе. Не всегда же посещали: года два не ходишь, а потом отправишься. Одни — нынче, другие — на будущий год пойдут. А нынче я свой поминальный пестерь уже не трогаю».) (Исаев В. П., 86 лет, д. Урья Кочевского района, 1998 г.)

«Ми томувьяным Каньявёрын важжесё касьтивлім. Сэтчин богатыррез куйлісё, куйма. Сэсся ректисё гуэзнысё, лыззнысё резісё, өні сэтчин некин ни оз сивавлы». («Мы

Обрядовые действия у троицкой березки в д. Кукушка Кочевского района. 2002 г.

в молодости старых поминали в урочище Каньявэр. Там богатыри лежали, трое. Потом могилы опустошили (археологи. — *Авт.*), кости разбросали, теперь никто там не бывает. (А. А. Сизова, пенсионерка, д. Митина Кочевского района, 1971 г.)

Обряд поминания «старых» более прост и скромен, к тому же малолюдный. Скромен, дескать, потому, что сами древние люди жили тихо-мирно, много трудились, не пьянствовали и не ссорились.

По давно заведенному обычаю, на кладбище, кроме еды и питья, люди несут кое-какие бытовые вещи и лоскутки цветастых тканей. Случаются и более ценные вещи: платки, полотенца. Иногда кладут и деньги. Все принесенное развешивается на ветви деревьев, растущих около. Деньги, полежавшие на могилках, раздаются убогим, калякам, которые часто приходят к «старым» за исцелением.

Поминки начинаются с ритуала возложения подарков как жертвоприношения. После этого раскладывается стряпня и приглашаются души «старых» к совместному обеду.

В Косинском районе поминки по «старым» еще недавно устраивались в урочищах Багай (около с. Коса), Важгорт (у с. Чазево). Но, по свидетельствам очевидцев, самыми массовыми и праздничными такие поминки бывали лет 40 назад у д. Вольвыл в урочище Шойнаыб. Это древнее кладбище уже давно распаханно, и обряд совершается на обочине тракта, ведущего в с. Пуксиб. Стоящая рядом изгородь украшается молодыми березками и ветками, на деревья вешаются разноцветные ситцевые и пестрядинные полоски, платки и полотенца, ленты и покромки. Скатерти с разной снедью раскладываются прямо на обочинах. Местные жители говорят, что на Шойнаыбе (дословно: могильное поле) похоронены воины, погибшие в какой-то большой битве, которая произошла в этих местах. Более осведомленные в области истории Прикамья утверждают, что боевая стычка произошла между местными чудскими племенами в дохристианское время. Дополняют, уточняя, что в побоище участвовали богатыри чудские, воеводы и родовые вожди, одного из них называют по имени — Пукси или Пуксипи, что значит: потомок рода Пук.

В этих рассказах привлекает внимание еще одна интересная деталь: вместе с воинами якобы похоронены какие-то попы. Не отголосок ли это разборки между христианскими проповедниками и язычниками тех мест?

В Гайнском районе, как сообщает 91-летняя Т. Н. Созонова, то место, где угощали покойников пельменями, нынче называется *Пельнянйэв*. Оно в урочище Важгорт у родника Одошка. Те «старые», говорят, тоже были чужаками, не понимавшими коми-пермяков. И это похоже на правду, и вот почему. Неподалеку от Важгорта одно урочище называется Одогаин, что значит: место Одога. А Одога — это, вероятно, название рода, как и Пурга и Сойга, ставшие названиями деревень в этом же районе. Подобные микроэтнонимы имеются в Удмуртии, и можно предположить, что рядом со старыми коми-пермяцкими поселенцами Важгорта жили и удмурты рода Одога.

В родительскую субботу поминали «старых», надо полагать, и южные коми-пермяки. Так, жители с. Пешнигорта ходили на Челпан и поминали там сорок. А предание имеет в виду не птицу сороку, а человека по имени Катша (сорока), который со своим родом или шайкой разбойников жил на горе Катшакерэс, что рядом с Челпанягом, на котором расположен могильник X—XII вв. (раскопан археологами в 1999 г.)

Троица — *Стрѡча, Стречалун* (Троицын день)

Если большинство коми-пермяков семицкие обряды называет «*кыдз кѡртавы*» (завивать березу), то троицкие — «*кыдз пѡрччавны*» (березу развязать). И то — истинная правда, поскольку участники семицкого обряда в Троицу первым делом бежали к завитой березке, чтобы узнать результат загаданного в Семик. Как видим, в центре троицких обрядов опять же береза как символ растительного мира, символ ожившей природы, олицетворение победы добра над злом.

В некоторых местах молодежь к заветной березке ходила с утра и заодно приносила в деревню срубленную березку или ветки, траву. Часть этой зелени относилась в церковь или часовню, чтобы украсить ограду, паперть и устлать травой храмовый пол, затем послушать заутреню.

Принесенные березки вкапывались под окнами домов или неподалеку. Этим обычно занимались подростки и дети, но не были безучастными и пожилые. Здесь, на улице, и начинались троицкие гулянья пока что с незатейливыми детскими забавами-выдумками, на которые так горазды ребята.

П. И. Яркова в д. Пидаево однажды видела такую сценку:

«Кыдозк увтын кыдз бытъѡ базар: галя чукѡрок, песок. Зонкаок корѡ пунт ѡрек. Торговкаыс шуѡ: сѣя пѡ дона эд, саридз сайисъ, кык копейка колѡ. Зонкаыт: а эта пѡ мый? А сѣя пѡ пыш, пунтыс копейка. Зонка сетѡ турун листок, сѣлѡ сетѡны чепѡль мымда песок. Нываок босьтѡ бы кыдозк. Сѣя пѡ оз вузасъы. Сет пѡ сѣки улоскѡ этѡ. Сѣя пѡ тожо оз вузасъы, босьт сайисъѡ». («Под березкой будто бы базар: кучка галек, песочек. Мальчонка просит фунт орехов. Торговка говорит: они-де дорогие ведь, заморские, две копейки стоят. Мальчик: а это-де что? А это-де конопля, фунт — копейка стоит. Мальчонка подает листок травы, ему дают щепотку песочка. Девочка хочет купить березку. Она-де не продажная. Продай-де тогда вот ту веточку. Та-де тоже не продается, купи дальнюю».)

На таких, «домашних», гулянках очень популярной была игра «*чеччасъны*» (подпрыгивать). Это делалось так. Поперек чурки клали доску длиной 2—2,5 метра. На ее концы вставали играющие. Тот, чей конец доски оторвался от земли, подпрыгивал как можно выше и, опустившись на доску, поднимал напарника. Игра не была чужда

и молодым мужикам и бабам, как и другая — «ректасьнь» (дословно: *мотать пряжу на мотовило*), когда двое, встав спиной друг к другу и, сцепившись предплечьями, поочередно наклоняясь, качали друг друга.

У иньвенцев около дома не было принято затевать большие хороводы, какие с блеском и неумной страстью разворачивались на междеревенских площадках, где проходили и семицкие игрища. Причем те и другие игрища ничем не отличались, за исключением главных мотиваций: в Семик — березу завивать, в Троицу — развивать.

Надо отметить, что в Семик вечерние гулянья в рощах бывали не везде. Жители бывшего Отевского сельсовета, например, обряд «кызд кӱртавны» не совершали, а в Троицу веселились в урочище Попмыс над речкой Батволька у принесенной из лесу березки.

То же самое наблюдалось в Егоровском сельсовете Кудымкарского района.

«Семикыс мый? Касьтисян лун, и сэк только касьтисьны; перво — гортын, сзэся — Егороваын, могильникын. Кытчӱдз сэтчин мунан да бӱр локтан, не ӱтик час чулалас. Да могильникас мый дырна... Сидз луныс и мунас, некытийӱм кыздз оз домалӱ-пӱрччалӱ. А Тро-

Хоровод вокруг березки в Троицу в д. Кукушка Кочевского района. 2002 г.

ицаён — этё да: гуляйтёны даки! Кёркё луннас пондётасё, а гортё асьяпон бертёны. Ойбыт гуляйтёны. Эм мян Вёв грива нето Конной грива. Басёк места! Вот сэтён Троицасё и пёрйдёны. Ваясё кыз, сувётасё, сяко мёдётасё. Унажык томмес котрасёны, но пёрисьжыккес овлёны жё. Не ётік гармоньшик орсё. Юрлинса мукёдпыр петавдёмась — невестазз смекайтны. Вёв гриваыс юрлинской граница дорас ни. Сы сайын юрлинской Сенишов да Вятчина... Троицанас сур да брага юёны, вина. А кыз жё — праздник эд годовоёй! Но одзжык эгё сид тируйтё, кыз ёни. И Троицасё чулётлим — просто гажётчим, сёлём бурмётим, гажётмёс чужьялим». («Семик — это что? Поминальный день, и тогда только поминают покойников. Сперва — дома, затем — в Егорово. Пока туда сходишь да вернешься домой, не один час пройдет... Так и день пройдет, никаких обрядов у березки не бывает. А в Троицу — это да: гуляют-таки. Начинают еще днем, а домой возвращаются под утро. Всю ночь гуляют. Есть у нас урочище Вэв грива или Конная грива, вот тут и праздничают. Туда приносят березку, всяко украсят ее. Больше молодежь веселится, но пожилые люди тоже бывают. Несколько гармонистов играют. Юрлинцы порой приходили, невест высматривали. Та грива у юрлинской границы уже. За ней юрлинские Сенишево да Вятчино... В Троицу пиво да брагу пьют, вино. А как же, ведь праздник годовоёй! Но раньше так не пировали, как нынче. И Троицу праздновали — просто веселились, сердце ублажали, скуку пинали».) (И. В. Гусельников, д. Захарова Кудымкарского района, 2002 г.)

Поскольку участниками семичко-троицких празднеств бывали одни и те же люди, так выдерживался и основной репертуар увеселений, не считая стихийно возникающих отдельных сцен — ведь «балом» правит, как уже отмечалось, гулена-анархия. Кое-где даже исполнялись те же песни, что и на святочных игрищах. На Куськосе, например, играли песню «А мы просо сеяли...» И она, может быть, действительно ближе к троицкой тематике, чем к Святкам. В этой игре участвовали юноши и девушки по 10—15 человек с той и другой стороны. Взявшись за руки, играющие образовывали две шеренги, стоящие друг против друга. Сторона, запеая, делала несколько шагов к другой и с припевом возвращалась на исходное место. Подобно ей поступала ответная сторона.

Видимо, более организованно и не менее весело проводили Троицу северные коми-пермяки.

В кочевских, косинских и гайнских деревнях, по сговору односельчан, приносили в деревню березку, ставили ее обычно там, где всегда гуляют, снаряжали в ленты и кушаки, на верхушку накидывали красивый платок. На игровую площадку, в отличие от кудымкарцев и юсьвинцев, приносили брагу, водку и закуски. Угостившись, начинали хороводы по плану, задуманному затейниками или лидерами молодежи. Веселятся вместе старые и молодые, но абсолютное большинство — пожилые люди.

Поздним вечером устраивается завершающий ритуал — прощание с березкой. Ее откапывают, кто-то берет на руки, а все встают в длинную колонну лицом к селу, а в

Прощание с березкой в д. Кукушка Кочевского района. 2002 г.

конце колонны — несущий березку. Он сходит со своего места и начинает двигаться вдоль колонны. После него выходит замыкающий, обгоняет березку и становится в голове колонны. Образуется непрерывно движущаяся цепочка и овал с березкой в центре. Снова звучат музыка и песни.

Этот троицкий обряд называется «кузь гаг» (длинный червяк). Процессия продолжается до тех пор, пока шествующие не достигнут окраины села. Здесь березку кладут возле изгороди и окончательно прощаются с ней до будущей Троицы. В благодарность за предоставленные людям радость и веселье березку опрыскивают напитками.

Подобный обряд наблюдается в с. Имасы Гайнского района. Принесенную из рощи березку ставят в одной из частей села — в Кырыле, Картасае или Чойвыле, что расположились вдоль речки Ужья. Под украшенную березку ставят туеса с пивом и брагой (в последние годы — флягу.) Брага варится из бражна, собранного селянами или купленного участниками в складчину. Музыканту подают что покрепче или послаще.

Здесь также бывает и обряд прощания с березкой, но называется он немного иначе — «лѣдз гаг» (червяк-валок). Поздним вечером березку укладывают «спать» до очередных троицких торжеств.

Кое-где нынешние гулянья продолжают на второй и на третий день, как это практикуют, например, в д. Маскаль Кочевского района, о чем сообщает И. Е. Москалев (68 лет, д. Маскаль, 1998 г.):

«Стрѡча быд год панталѡны и кольлалѡны. Ёбедѡдз вайѡны кыдзок. Ыдзжытсѡ озѡ, мед судзисѡ мѡдѡтны. Кин чышьян кышалѡ, кин лента, кин йи. Мѡдѡтасѡ — бытъѡ нывка сулалѡ. Кытѡдз оз мѡдѡтѡ, дак оз сѣйѡ, оз орсѡ, оз сьылѡ. Важ орсаниэсис рыт-нас орсѡны «кузь гаг». Таво, видзѡт, кум лун праздничайтисѡ: кресення, поньдильник да и ввторник». (Троицу каждый год встречают и провожают. До обеда приносят березку. Большую не берут, чтобы с земли могли украсить. Кто платок накинёт, кто ленту, кто покромку. Украсят — будто девка стоит. Пока не украсят, не едят, не играют, не поют. Из старинных игр вечером играют «длинный червяк». Нынче, смотри, три дня праздничали: воскресенье, понедельник, вторник».)

Гулянье после Троицы маскалинцами воспринимается как продолжение троичских обрядов, но в старину, очевидно, это было уже нечто иное, но опять-таки связанное с весенне-летним циклом воспевания природы.

На части территории Юрлинского района еще в первой четверти XX в. Троица стала рядовым, не обрядовым календарным праздником. Она теперь просто домашнее небольшое застолье, иногда с гостями, и никаким образом не связана с обрядовыми традициями, с почитанием березы: ее не украшают в рощах, не приносят в деревни. Семидесятилетние жители с. Усть-Зула лишь помнят рассказы своих родителей, которые когда-то веселились у наряженных березок, распевая троичские песни.

Именины леса, воды и земли

Троицкая неделя связана не только с обрядами поминовения умерших и чествования березки, но и рядом других, также имеющих архаическое происхождение, обычаев, среди которых — именины леса и трав, воды, земли.

Древние люди всю окружающую природу считали таким же, как они сами, существом и относились ко всему как к живому организму, который, в отличие от людей и животных, иногда мог умирать и вновь возрождаться. Не чудо ли то, что оживает мертвая трава, замерзшее дерево и задушенная льдом вода? А всякое событие подобного рода не остается незамеченным людьми и, естественно, приветствуется через различные обряды и поступки.

Именины леса, воды и земли коми-пермяками отмечаются в субботу, воскресенье и понедельник соответственно. Правда, здесь наблюдается небольшая путаница или некоторые вольности: днем леса считают то субботу троичскую, то вторник после Троицы или другой день той недели. Такое встречается и внутри одного района.

В Самковском сельсовете Кудымкарского района, например, именины леса и растительности отмечают в субботу накануне Троицы, в Сервинском — в четверг, а в

верховьях реки Юсьвы — через неделю после Троицы. Чем вызвана такая разбросанность, сказать трудно. Возможно, это продолжение тех традиций, которые установились в том или ином *увтыре*-роде в первобытную старину. Поэтому же, видимо, именины растительности называют то «*пиканов день*», то «*пистиков день*» (п. Гайны), «*пестерный праздник*» или «*день травы*» (с. Кочево).

Часть жителей Кочевского района справляет именины растительного мира на лугах одновременно с поминовением «старых». Это, похоже, те же семицкие обряды, но передвинутые на поздний срок.

Более четкой и устойчивой сохранилась обрядность, посвященная именинам воды. Обряд чаще совершается у источников в одиночку, семейно или группами паломников. Но и здесь наблюдается нынче немалая неразбериха и явное отступление от прежних принципов обрядности.

Центральным моментом обряда является приношение духу воды. В качестве приношения предлагаются полоски тканей, платки и полотенца, а также мо-

Ритуал полоскания и просушивания домотканых холстов. Кудымкарский район. 2003 г.

неты, которые бросаются в воду. А те, что пришли с целью поправить свое здоровье, подносят воде-исцелительнице что-нибудь из одежды. Так, тот, у кого болят ноги, на сучке дерева оставляет чулки или носки, у кого нездоровы руки — перчатки или рукавицы. Кое-где можно увидеть и нижнее женское белье.

В какой же последовательности совершается обряд?

У источника Проняключ, что в Кудымкарском районе, именины воды справляются в Троицын день, иногда при стечении большого числа людей, которым необходимые ритуалы приходится совершать поочередно.

Обряд начинают с захода в рощу над родником, где сооружены тесовые столы и скамейки, и кладут на стол угощение, а потом по трапу спускаются в ложок и вешают на елку или березу, на пихту или ольху принесенный из дому «подарок». Люди считают, что у каждого человека есть *пу-ёрт* (дерево-товарищ), который как бы по-

кровительствует над ним и в данном случае. После этого одаривают источник, моют руки и лицо, пьют воду из ладоней или воронкообразного берестяного ковшика *чуманка*. Бросив монету под устье деревянного желоба, в омут, говорят примерно так: «Вот тебе, Проняключ, мой подарок. Спасибо тебе за твою доброту, за помощь...»

После таких жертв и дани уважения природе можно садиться за стол и угощаться, поговорить с соседями или случайными товарищами, попеть.

Анализируя процедуру обрядов у Проняключа, можно сказать, что мы имеем дело с двумя разными обрядами, посвященными и именинам воды, и именинам леса.

В день именин воды принято соблюдать ряд старых обычаев: не рыбачить, не стирать и не полоскать в воде, не мутить ее. Старики пугают детей, которые любят доставать монеты из ручья: «Кто достанет деньги в тот день, будет сухоруким!» И действительно, брошенные в родниковые воды монеты ребятига достает только на следующий день. Но причиной этому является не только дедовский запрет: у ключа гуляют до глубокой ночи, и в темноте рублевки на дне ручушки не найти.

В Кочевском районе на именины воды ходят к источнику, что под урочищем Таркэмыс. Его вода тоже считается исцеляющей от многих человеческих недугов, и паломников бывает немало, несмотря на то, что он находится далеко от торных дорог и населенных пунктов. Там вода бьет из-под белоснежных, еще не очень твердых известняков. Родник окружен деревьями хвойных и лиственных пород, на которых и оставляют приношения. Они такие же, как и на Проняключе. Судя по ним, паломников здесь бывает поменьше. Да и посещают его, как утверждают местные жители, чаще всего те, кто не может найти исцеления в больнице, а не ради того, чтобы порадовать именинницу приношениями и молитвой, как это делалось, видимо, когда-то.

Таркэмыс — святой источник в Кочевском районе. Здесь совершаются обетные и жертвенные приношения воде и дереву для избавления от порчи. 2003 г.

Есть еще частички «живых свидетельств» о том, что раньше именины воды справлялись более торжественно и даже благоговейно. Рассказывают, что у того же Проняклуча женщины украшали родник цветами и ветками и, стоя у ручья, певали песни в честь именинницы. Возможно, исполнялись и духовные песни, поскольку упоминаются и образа.

Кроме того, источник посещали и священнослужители из ближних и дальних приходов, обитатели Пешнигортского (Кудымкарский район) и Обвинского (Карагайский район) монастырей.

Водой из Проняклуча якобы пользовалась Кудымкарская Свято-Никольская церковь, но это скорей всего лишь слухи, так как, по другим источникам, та церковь воду брала для своих нужд в Кудымкаре под спуском на плотину.

Чажеговцы (жители д. Чажегово Гайнского района) помнят рассказы стариков о том, что на р. Лупья когда-то «поминали» воду. Если это касается только воды, то под термином «поминки» следует понимать те же именины воды. Но надо иметь в виду и то, что в этих местах поминали и «старых», так что упомянутый обряд мог быть посвящен и поминкам, и именинам воды.

Интересна и свежа информация от В. И. Попова (75 лет, д. Кекур Кудымкарского района, 2001 г.):

«Виль Новосёв сайын эм ключ. Нето Стречалунён, нето одзза лунас пöрись инь-кас ветлöны сэтчин öбедайтны. Быдöбныс чочком паськöмаёсь, виль нинкöмаёсь. Туиссэзын — сур да ырöш, корзинкаэзын — пирöг да шаньга. Мийд гöрам, жар, и юны корам. Оз сетö, кöр сэтчин мунöны, шуöны: «Сыбöрын». И былъ, локтикас удасьöны. Ключыс пу вуужсез увтись петö. Дорас пызан, лабиччез, шор вевдöрас — пöв, ваас — чочком блюдо. Сэтчö чочком деньга тэчöны. Юасö, сёясö да сылöны и йöктöны. Гажöтчöв-керасö да ключыскöт янётчикö чышьяноккез, ленточкаэз, ситец тороккез кольöны — пу вылас кышалöны. Онi ветлöны жö, но не чочком паськöмаёсь. И козьнасьöны жö — деньга чапкöны. Сийö ашынас челядьыс кыскöны... Одзэжык, шуöны, блазнитлöм сэтчин: ключ весьтас инька юр мыччасьöм, чочком чышьяна. Мамö вöли адззылöма öтпыр». («За Новым Новоселовом есть родник. То ли в Троицу, то ли накануне старые женщины ходят туда обедать, все в белых одеждах, новых лаптях. В туесах — пиво, бражка, в корзинах пироги да шаньги. Мы пашем, жарко, и пить просим. Не дают, когда туда идут, говорят: «Потом». И верно, на обратном пути угощают. Ключ из-под корней дерева бьет. Возле — стол и лавочки, над ручейком — доска, в воде — белое блюдо. В него белые монеты бросают. Выпьют, поедят да поют и пляшут. Повеселившись, на прощание ключу дарят платочки, ленточки, ситцевые обрезки — на деревья вешают. Теперь тоже ходят, но не в белых одеждах. И дары кладут — белые монеты. Их наутро ребяташки вытаскивают... Прежде, говорят, блазило там: над ключом женская голова показывалась, в белом платке. Моя мама однажды видела».)

Это наваждение, говорят, видели не раз, и у народа сложилось мнение, что в образе женской головы является хозяйка родника. Ее считают доброжелательной или совсем безвредной.

Впрочем, все те, кто верит подобным мифам, глубоко убеждены, что над родниками покровительствует не какая-то хозяйка воды, а сам Ен, и его святость распространяется на всю околицу источника.

В старину очень почитаемым был Иллуключ у д. Отево Кудымкарского района. Он вытекает из-под большого увала, на котором находится стоянка древних людей (III тысячелетие до н. э.) Он называется по имени мужика, чей двор лет сто или двести назад стоял над родником. Его род, говорят, всегда ухаживал за ключом и одаривал за услуги, совершая специальные обряды. Сегодня об этом ключе знают все старожилы, а собственным именем его называет лишь А. А. Нечаев (74 года, 2002 г.) По его предположению, былую славу родничок утратил после одного несчастного случая в доме Иллю:

«Иллю гозъялõн õтпыр шогмõм умõль дело. Вõлõма нылõн учõт кага, абу на котрасьõм. Онмõсьтасõ кагасõ да асьныс кытчõкõ петьшитасõ. Недыр мыйиьс пырасõ — зыбкаыс куш. Кытчõ кагаыс лоис? А сiя — ва кõньõсын, пõдõма ни. Мый пõ лоис? Кин сюйышитiс?.. Ёдзжытыс, конечно, кин сысся? Сэжсянь Иллю чапкõма гортсõ». («У Иллю и его жены однажды случилось худое дело. Был у них маленький ребенок, еще не бегал. Усыпили ребенка, и сами куда-то вышли ненадолго. Вскоре вернулись — зыбка пуста. Куда ребенок подевался? А он — в кадке с водой, уже захлебнулся. Что-де произошло? Кто затолкал? Сам большой, конечно, кто же, если не он? С той поры Иллю оставил свою усадьбу».)

Вот вам и мифический конфликт: святое место — место и нечистого. А миф — упрямая вещь: если он вышел на свет божий как самая заурядная небылица, так обратно его никто не загонит.

Но тем не менее отдельные случаи посещения Иллуключа как святого места и исцеляющего источника были и позже и случаются в наши дни. Правда, посещают его не местные паломники, а приезжие, которые не ведают о проделке нечистого в доме Иллю.

А. Н. Коньшина (75 лет, д. Отево, 2002 г.) сообщает о факте десятилетней давности:

«Кытиõмкõ годõ ключ дынас ме мõссез вердi. Вõлi жар, и ме сайõвтчи пуэз вуджõбрõ. Казялi: Полуяновыс ладорсянь локтисõ инька да зонка, лэдзчисõ ключ дорас. Городскõйõсь, паськõм бур, утюжситõм. Менõ жельнõггез сайõвтõны, ог тыдав нылõ. Лэдзчисõ улõ, инькаыс пõрччасис да пондiс чõвтчыны: чапкис чышьян, платтё, йõрнõс и ляч пасьтõг кольччис. А зонкаыс ыджыт ни, и ме думайта: «Мый жõ сэтшиõмсõ нiя мõдõны керны? Сэрпõсьтасõ ключнымõс». Петi ны дынõ, не видчõмõн юалi, мыйлõ локтисõ. Инька шуис: мыйõ пõ веськõтчыны локтiмõ. Тэ пõ мун, эн мешайт». («В каком-то году у родника я кормила коров. Было жарко, и я спряталась в тени деревьев. Заметила: со стороны

Современный вид с. Кочево

Полуяново пришли женщина и парень, спустились к ключу. Городские, одежда на них хорошая, выглажена. Меня скрывает шиповник, им не видна. Спустились, женщина разулась и стала раздеваться: сняла платок, платье, сорочку и голая совсем стала. А парень уже большой, и я думаю: «Что же такое они хотят сотворить? Опоганят наш родник». Вышла к ним, без ругани спросила, зачем пришли. Женщина сказала: Мы-де лечиться пришли. Ты-де иди, не мешай».)

Те же осведомители сообщают, что именины воды когда-то отмечались, но на их веку такого уже не бывало.

Какие-то важные обряды, как рассказывали раньше в с. Пешнигорте, совершались у многоводного родника Дёмаключ, находящемся в пойме реки Иньвы. Этому роднику будто бы в старину дарили всякую всячину вплоть до золотых вещей. Речь идет, видимо, о серебряном сосуде, который был найден здесь в 1913 г.

Об именинах земли знает все взрослое население округа, но сведения об обрядах, связанных с почитанием земли, весьма скудные.

Коми-пермяцкий миф повествует: «Раньше была сплошная вода — море. Летела птица, уронила свой помет. Он стал корнем и комлем земли. Через год этот комель стал уже большим, и бог Ен справил именины земли».

По народному поверью, земля именинницей бывает в Духов день. Люди в этот день стараются не обидеть, а как-то ублажить именинницу. С этой целью в Духов день

раньше не пахали, не боронили, не втыкали в землю колья и даже не носили сапог, а ходили в легких лаптях, а если сухо — в валяных чушнях или пимах.

Именины земли сегодня отмечаются более чем скромно. Если растительности и воде подносят дары и гостинцы, то землю лишь оберегают жалея, вспомнив, что «... сегодня Духов день и земля — именинница». Но в прошлом на ее именины также готовили стряпню-жертву, ходили в поле и угощали именинницу.

В некоторых церковных приходах землю привозили в церковь для освящения, после чего ее бросали на посевы и посадки, на покосы. Так поступали в с. Купрос и с. Крохалево Юсьвинского района. В с. Большие Они крестьянин И. П. Шелонцев в Духов день окроплял свою пашню крещенской водой.

Обряды по случаю собственно Духова дня наше поколение уже не помнит. Даже неизвестно, какими были они и когда утратились. Но народ еще помнит, что в ночь под Духов день у речек блуждают зловредные духи. Эти духи — утопленники, которые продали свою душу водяному *вакулю*. Один такой дух, говорят, еще полвека назад появлялся под урочищем Сылпан у поселка Юрино. Люди предполагали, что это — душа девицы из д. Шайдыр, которая утонула в озере Пыдынты.

* * *

На семицко-троицкой неделе иногда наблюдается возврат холодов. По времени они совпадают с цветением черемухи, но губительного влияния на черемуху, а тем более на посевы, они не имеют, разве только у забывчивой крестьянки пострадает рассада капусты и калиги, которая обычно закрывается соломенными матами. И, конечно же, холода не мешают народным гуляньям в Семик и Троицу. Говорят, что в иные годы на игрища выходили в теплых пальто и рукавицах, гармонисты играли в перчатках.

Говорят еще, что и крестьяне сеяли в шубах да шапках, но — без рукавиц: семена полагается брать только «живой» рукой.

Возврат холодов, особенно их вторую волну, крестьяне считают явлением нужным, полезным для природы — меньше вредных насекомых будет. А вот последующие похолодания находят вредными и опасными во многих отношениях. Причем их происхождение считается не естественным природным явлением, а вызвано человеческим фактором: или кто-то утопился (утонул), или цветущие ветки черемухи беспощадно наломали, или подснежник с корнем сорвали, или запустили косу в неспелую траву.

Отшумит семицко-троицкая неделя со своими прискорбными и веселыми обрядами, и у крестьян начинается сугубо будничная пора. Через неделю наступит Петровский пост, во время которого верующим положено воздерживаться не только от скромной еды, но и от праздного образа жизни.

К этому времени крестьянин успел отсеяться, но отдыхать некогда: необходимо заготовить дрова, поправить изгороди и постройку. Многие хозяйства поднимают срубленные до сева дома, для чего устраиваются помочи. В них участвуют как мужчины, так и женщины, и дети. Но у женщин есть и чисто женские обязанности: белить холсты, присматривать за скотом и огородом. Одним словом, в эту пору у крестьян хлопот полон рот.

Занимаясь одним делом, крестьянин, следя за календарем, не забывал и о других, таких как вывозка навоза на пары, их подъем, сенокос.

По прошествии заморозков крестьяне наведывались на луга, чтобы оценить состояние покосов, определить урожайность. При этом очищали от мусора остожья, складывали в кучу стожары, жерди и подпорки.

И, как было заведено исстари, устраивали положенные обряды. Главным, видимо, было опять же умилостивление покосных угодий, духа лугов и, конечно же, бога Ена как главную животворящую силу. После основного ритуала взрослые заставляли детей бегать по лугу, взмахивать руками, показывая укосный рост трав. Люди верили, что такие действия положительно скажутся на урожае, чему способствует все еще растущий день. После летнего солнцеворота такие обряды уже не совершались. А как прилетят стрижи и ласточки, зацветет рябина и липа, покосам полагался полный покой — пришло настоящее лето, и весь растительный мир полнится живительными соками природы.

Семик горзѡ, а Стрѡча орсѡ. (Семик плачет, а Троица играет.)

Чикись локтѡ — кѡдзытсѡ вашѡтѡ. (Ласточка прилетела — холода прогнала.)

Тихонов день — *Тиконлун, Тикѡнлун*

16 (29) июня коми-пермяки приговаривали: «*Тиконыс* (*Тикун* у северных коми-пермяков.— *Авт.*) *сивьям пуксис, нырыштыр*» (Тихон на шею сел, давит). Здесь Тихон — синоним лени. Так говорили не только о себе, но и о человеке, который вовремя не справился с летними работами.

Тихон имеет и другое значение, смысл которого — усталость, изнеможение (*мыдз*). Считалось, что до Тихона надо успеть поднять пары, вывезти и запахать навоз. У мужика было много и других дел: заготовка лыка и бересты, мочала и дегтя; уход за лугами, посевами зерновых и льна, огородом; подготовка к сенокосу; ремонт полевых изгородей, гумен и овинов. Как подустанет крестьянин к Тихонову дню, про себя говорит: «Тихон на шею сел, давит». Но подойдет день Петра (так коми-пермяки называют день святых Петра и Павла) и святой Петр Тихона с мужской шеи сбросит.

День смены травы — *Турун вежан лун*

В с. Большая Коча Кочевского района в 1995 г. возродили старинный праздник *Турун вежан лун*, название которого означает день смены травы. Основой его воссоздания послужили рассказы двух пожилых женщин д. Бороино, записанные в 1993 г. А. А. Гагариным — художественным руководителем фольклорного ансамбля «Мича асыв» Большекочинского Дома культуры. В реконструкцию обрядов праздника много интересного внесла этномузыковед Н. И. Жуланова.

К сожалению, рассказчики не могли в полной мере воспроизвести обрядовый праздник, так как сами не являлись его очевидцами. Они знали о нем по воспоминаниям родителей. Поэтому в празднике, который стал любимым в с. Большая Коча, явно недостает некоторых сюжетов и мотивов отдельных жанров обрядового фольклора. Однако приходится признать, что при всех несомненных пробелах у праздника *Турун вежан лун* очень много достоинств. Он выделяется большой ритуальной «нагрузкой», обладает символами и магическими актами, знаменующими, что природа достигла пика своего летнего развития и готова для взаимного общения с человеком.

В последние годы жители и гости с. Большая Коча дают празднику положительную оценку. Он удачно вошел в рамки современной календарной системы и стал необходим людям для приобщения к своей традиционной культуре. Возможно также, что на скорое возрождение обрядового праздника повлиял долго сохранявшийся у жителей с. Большая Коча обычай собирать травы *увтыром* — родом, семьей. На лесной опушке рвали цветы, приносили их домой, отделяли семена. Вечером цветы уносили на реку и бросали в воду. Иногда их разбрасывали в лесу. (*Полевые материалы*, собранные в 1965 г.)

Очевидно, у древних коми-пермяков не было точной даты приуроченности праздника *Турун вежан лун*. Некоторые жители с. Большая Коча предполагают, что он будто бы проводился в Тихонов день 16 (29) июня, другие — в Ильин день 20 июля (2 августа). Но на какой бы дате ни останавливались, они всегда подчеркивали, что праздник справляли тогда, когда в лесу цветы отцветут и на них появятся семена. Может быть, это важное состояние природы более других влияло на его проведение. Не без влияния этого обстоятельства нынешние жители с. Большая Коча согласны проводить его тогда, когда созреют семена растений.

Праздник *Турун вежан лун* продолжался весь день, с раннего утра до позднего вечера. Он включал в себя несколько циклов, которые организовывались в разных местах — в лесу, в домах, на берегу реки.

Когда взойдет солнце и роса еще держится на траве, молодые и пожилые люди в нарядных костюмах (женщины и мужчины, детей не брали) идут за р. Онолву в сторону д. Ошово. Идут тихо, не поют и не разговаривают. Возле леса женщины, стоя на

На пути в лес, 2003 г.

одном месте, трижды поворачиваются против солнца. На то место, на котором кружились, кладут *козин* — подарок лешему: хлеб, пирог (обязательно что-либо мучное). Потом женщины направляются в лес. Мужчины остаются, в лес не заходят. В этом можно усмотреть охранительный смысл: мужчины берегут тишину утренней природы и женщин во время общения с ней.

В лесу женщины должны услышать голоса птиц, не важно, каких именно. Но нежелательно было услышать кукушку. Ее голос, по поверью, предвещал девушкам не скорый выход замуж, а женщинам — раннее вдовство. Женщины после того, как услышат пять птичьих голосов, начинали кричать. Затем привязывали к веткам дерева (желательно березы) ленточки, полотенце, кусок ткани и говорили:

*Кыдз виньдіс да паськаліс,
Ыб шѳрас кѳкыс,
Сідз мед и паськалѳны,
Ме бердісь шогѳттэзыс.*
(Как подавилась зерном кукушка,
И развеялись по полю звуки ее голоса,
Так пусть и рассеются от меня болезни.)

После этого женщины начинали вырывать с корнями травы. Причем у каждой их должно быть пять, обязательно разных и с семенами. Когда собирали травы, то приговаривали:

Встану я, благословясь,
Пойду я, перекрестясь,
Из ворот в ворота,
Из овина к овину,

В темный лес,
К *Гадью* и *Мадью*⁷.
В этом лесу растет трава —
Корена вина.
Эту корену вину положу
Гадью и *Мадью*,
Они очистят меня от всяких грехов.

При выходе из леса женщины сначала кланялись лешему — хозяину леса, а потом пели песни. Этим стремились показать, что леший у женщин язык не «украл». Заметим, что молчание женщин длилось долго, на всем пути от дома до леса и в лесу, пока они не услышат голоса птиц. Молчать, по объяснениям женщин, необходимо было для того, чтобы леший не узнал, что они пришли. Разговоры и пение в лесу до определенного времени запрещались не только по причине суеверного характера людей. Здесь явно проявляется оппозиция *пение* — *не пение*, которая выступает своего рода как разграничитель двух летних сезонов: когда все цветет и когда природа в начале угасания цветущего растительного мира. Возвращаясь из леса домой, женщины поют разные песни, но обязательно протяжные. Смысл пения в том, чтобы после временного безмолвия знаменовать радость жизни природы и человека.

Завершающий период праздника *Турун вежсан лун* приходился на вечер. Его началом считался сбор женщин в четырех-пяти домах с. Большая Коча и д. Малая Коча. По предварительной договоренности, каждая группа женщин собиралась в одном из домов. С собой приносили травы, заготовленные утром в лесу. В доме пели, плясали. Затем все вставали в ряд перед хозяйкой, у которой в руках была большая кастрюля с пивом. Женщины по очереди подходили, опускали цветы в пиво, причем так, чтобы смочились семена, а потом целовали вершинки цветов и хозяйку.

В традиционной культуре коми-пермяков все, что происходило в доме, — смех, пение, пляска, макание цветов в пиво, целование цветов и хозяйки, — воспринималось как действия, обладающие огромной созидательной силой: будут здоровые люди и животные, будет хороший урожай. Завершив церемонии в домах, женщины и присоединившиеся к ним мужчины идут с песнями на берег р. Онолвы. Сюда приходят все, кто пожелает участвовать в заключительных действиях.

Как только к месту веселья приближались первые люди, на берегу реки начинали разводить костер. К нему подходили женщины и обжигали корни все тех же цветов,

Возвращение из леса с травой и песнями, 2003 г.

⁷ *Гадь* и *Мадь* — очевидно, какие-то лесные духи, наделенные очистительными силами.

которые собирали рано утром в лесу и которые использовались в обряде в доме. Корни в огонь — это не что иное, как «приобщение» растений к животворящей силе огня. Сжигание корней зачастую осмысливалось, как способ благоприятно повлиять на будущий растительный мир. Это была форма жертвоприношения природе, обеспечивающая будущее вознаграждение жертвователя хорошим урожаем.

С темой будущей жизни связаны и другие действия у костра. Женщины закапывали семена цветов в землю, а стебли бросали в реку. Мужчины и парни бросали в воду горящие головни и загадывали желание: выше и дальше брошу — скоро и удача придет. Размахиванием и бросанием головней иллюстрировали идею движения и плодородия.

У костра разыгрывались сцены «загребания» тепла на зиму как необходимого условия жизни. Женщины вставали спиной к костру и, приподняв подолы, «пускали» жар и дым под сарафаны и юбки. Эта сцена всегда вызывала большое оживление публики. Мужчины тоже вставали к костру и поступали так же, как женщины: поднимали подолы рубах и «пускали» под них жар огня.

Непременным развлекательным действием становились прыжки через костер. Полагали, что прыжки парами нужны для того, чтобы благополучная семейная жизнь состоялась. Индивидуальные прыжки соотносились с судьбой одного человека: если девушка прыгнет дальше подруг, то раньше их выйдет замуж; если парень прыгнет выше и дальше, то обязательно удачно женится. Перепрыгивание через костер соотносилось и с идеей очищения от всего плохого.

Завершался праздник хороводами с песнями вокруг костра, играми, шутками. Бывали случаи, когда кого-нибудь бросали в реку.

Ритуальный костер на окраине с. Большая Коча, 2003 г.

В действиях, приметах, поверьях, приуроченных к празднику *Турун вежан лун*, — идея времени, в которое устраивается праздник: наивысшая точка развития природы достигается в летний период, календарно совпадающий с созревaniem семян. Праздник с цветами обозначал в народном календаре границу сезонов: цветущего растительного мира и угасающего, но обязательно продолжающегося. Цветы в пиво, семена в землю, корни в огонь, тепло костра на зиму под одежду — от всего этого зависело благополучие людей, правильное движение жизни, сохранение природы.

На первый взгляд, кажется, что праздник *Турун вежан лун* будто бы назван скромно, в нем запечатлен только идущий процесс смены травы. Но приведенные примеры убедительно подтверждают, как много человек обыграл в нем того, от чего зависело его будущее.

День пиканов — Пиканлун. День травы — Турунлун

Привлекает обряд, называвшийся у коми-пермяков *Пиканлун*, *Турунлун* — день пиканов, день травы. Обряд справляется в конце июня — первой половине июля (по новому календарю), но чаще всего в заговенье на Петровский пост. Пост, как известно, по церковному календарю начинается в понедельник девятой Пасхальной недели, или второй недели после Троицы, но оканчивается в строго определенное время — 29 июня (12 июля).

С рассветом все отправлялись в лес за пиканами (снытью) — одним из любимых кушаний народа в пост. По воспоминаниям жителей с. Большая Коча Кочевского района, «в Пиканлун все ходили за р. Пузымку, приносили оттуда пиканы мешками». (*Полевые материалы*, собранные в 1998 г.) В ряде мест сбор растения завершался праздничным обедом, играми.

Вот некоторые локальные варианты этого обряда. Еще в 1970-е годы пожилые женщины пос. Гайны с пивом, квасом и закусками с утра направлялись в урочище Дубрава. Сначала собирали в небольшие мешки пиканы, а потом открывали пиршество: пели, плясали и перебрасывали друг другу мешки с пиканами. Перед уходом разбрасывали пиканы из мешков. В обед возвращались домой, но не с пустыми руками — с заново срезанными пиканами. Их сушили, солили, квасили.

В Кочевском районе обряд Пиканлун справляли не только в лесу, но и у д. Борино, где похоронены *важэжез* — старые, древние люди. (*Полевые материалы*, собранные в 1990 г.)

В наше время Пиканлун в прежнем виде не справляется. За пиканами ходят в одиночку или по 2—3 человека, и празднества не устраиваются.

Иван Купала, Иван-травник, Иванов день — *Иванлун*

Русская Православная Церковь празднует 24 июня (7 июля) Рождество Иоанна Предтечи, крестителя Иисуса Христа. Для коми-пермяков церковно-религиозные обряды не имели большого значения. Но в тех местах, где этот праздник являлся престольным, например, в деревнях Гаинцово, Лягаево, Сеполь Кочевского района, посещение храмов входило в традицию местного населения. Среди коми-пермяков чаще встречается название *Иван Травный*, чем *Иван Купала*, но еще чаще праздник называется *Ивановым днем*.

В народном календаре коми-пермяков с Ивановым днем соединялись поверья и обряды дохристианского характера, которые были известны и славянскому населению.

Было распространено поверье об игре солнца на рассвете в Иванов день, и это давало коми-пермякам повод соотносить праздник с летним солнцестоянием, который назывался еще солнцеворотом. Посвящение Иванова дня летнему солнцевороту известно многим европейским народам.

В обрядах Иванова дня выразился культ огня. Но очищающих костров, которым славяне придавали большое значение, у коми-пермяков не было. Кстати, разжигание

Стебли травы бросают в р. Онолву, 2000 г.

костров не наблюдалось столь часто и у русского населения Прикамья. В поверьях и обрядах коми-пермяков проявлялись культы воды, растительности, земли. До Иванова дня, как правило, не косили траву и не начинали сенокос, не заготавливали веники, так как «лист на березах еще не успевал окрепнуть».

Ярким обрядом Иванова дня являлся сбор целебных трав, тем более в это время они почти все бурно цвели. Верили, что в Иванов день природа открывает человеку целебные свойства растений. Целебной признавали росу. По сообщениям некоторых женщин Юсьвинского района, жители многих деревень до восхода солнца умывались росой, ходили по ней босиком, втирали ее в руки, пили и поили ею коров, чтобы не заболеть.

С давних пор в Иванов день жители деревень ранним утром шли в леса и на луга за травами. Их связывали в пучки, клали на деревянные лотки и сушили в тени, но обязательно на продуваемом месте. Много заготавливали душицы, зверобоя, земляники, мать-и-мачехи, подорожника, репейника, чемерицы. Корни крапивы, репейника, моркови дикой сушили в печи.

Конечно, собирали травы и в другие летние дни, но эти, полученные в Иванов день, равно как и в престольные праздники и дни памяти апостолов, обладали, по поверью старожилов, более сильным воздействием на человека. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском и Юсьвинском районах в 1995, 1999 гг.)

От нечистой силы коми-пермяки защищались папоротником — *ошсьёктан*, *сьёктантурун* (дословно: медвежий кочедык, кочедык-травя). Его заготавливали утром, одновременно с другими травами. Папоротник не подлежал длительному хранению. Им тут же подпоясывались, чтобы отпугнуть колдунов и нечистую силу. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском районе в 1980 г.)

Коми-пермяки знали о магических свойствах цветка папоротника и стремились завладеть им в Ивановскую волшебную ночь. Верили: если в полночь на Иванов день сумеешь найти цветок, то обязательно станешь невидимым и найдешь клады. Среди современных жителей сел и деревень уцелели рассказы о том, как в старинные времена, иногда их называют незапамятными, люди ходили за цветком папоротника.

В ночь на Ивана Купала в с. Большая Коча, 2002 г.

Но почти никому не удавалось его заполучить: одни уходили из леса, не выдержав испытания лесной глуши, другие разубеждались в своем стремлении и возвращались домой, третьи были остановлены хозяином леса — *вõрись*.

Но кому-то удавалось оказаться близко к цели. В Кудымкарском районе рассказывали: «Случалось, люди уже в руках держали папоротник с цветком или за пазуху прятали, но караульщик находил способ заполучить его обратно», «Мужик нашел цветок папоротника, спрятал под пазуху, бежит, встретил жену. Она просит: «Дай цветок, я понесу». Он не дал, сказал: «Дома посмотришь». Идет дальше, а жены нет. Это был *взрьись*. Он цветок и унес». (*Полевые материалы*, собранные в 2000 г.)

По этому поводу Ф. И. Ракина, 1930 г. р., проживающая в д. Малая Коча Кочевского района, вспомнила такой рассказ отца: «Пошел мужик за папоротником в лес. Идет, не заметил, что цветок папоротника у него на лаптях. Встретился с лешим. Леший предложил сменить лапти на его сапоги. Мужик и сменял. Дальше идет, поглядел на ноги, а на них опять лапти. Леший сапоги забрал, а цветок не отдал». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.) В этой же деревне Ф. С. Ракина, 1925 г. р., слышала от стариков, что «в Ивановскую ночь папоротник цвел, цветок был волшебный. Старики ходили его искать, а *взрьись* его не давал. Как только они подходили близко к цветку, *взрьись* ураган поднимал. Люди быстро убегали домой». (*Там же*.)

Проявлением культа растительности и воды является обрядовое действие со свежим веником, которое среди коми-пермяков, как и среди русских, наблюдалось повсеместно. Веник приготавливали из березовых веток, сорванных утром в Иванов день. В него обязательно добавляли купальницу — один из любимых цветов коми-пермяков. Только такой веник считался лечебным.

Веником парились в бане, а затем бросали в реку. При этом замечали: чей веник уплывет по воде, тому предстоит жить богато и счастливо, а у которого веник утонет — в неволе и нужде. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском и Кудымкарском районах в 1995 г.)

Кроме того, северные коми-пермяки следовали своей традиции: распаривали в бане столько свежих веников, сколько было человек в семье. Затем веники клали на крышу бани и наблюдали за их состоянием. «Чей веник быстро повянет, тот в этом году умрет», — так считали в семье. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском и Косинском районах в 1965, 1995 гг.)

Иванов день — зенит лета, время летнего солнцеворота и активизации сил жизни. Люди с давних пор осознавали важность этого периода года и поэтому наполнили его продуцирующими и охранительными действиями, направленными на защиту здоровья.

Петры и Павлы.

Петровка — *Петырлун* (День Петра)

День святых апостолов Петра и Павла Православная Церковь отмечает 29 июня (12 июля). С этого дня начинается скоромный период, и постившиеся во время Петровского поста теперь могут принимать мясо-молочную пищу.

К этому времени обычно созревают травы, и в Прикамье начинается сенокос. Но, несмотря на сеноуборочную страду, Петровские праздники бывают широкими.

У большинства крестьян этот день всегда начинался с трудов: с раннего утра все мужчины и те члены семьи, которые не заняты приготовлением пищи, ходят косить.

Рассказывают, что когда-то жители с. Пешнигорт, застигнутые благовестом на лугу, переставали косить и прямо с горбушами шли в часовню (она в 1896 г. была перестроена в церковь), а после заутрени отправлялись домой разговляться масляными шаньгами да пирогами, начиненными луковым пером со сметаной, блинами, творогом со сметаной.

К обеду домой ребята возвращались с земляникой, собранной где-нибудь на шутках да лесных опушках. Ее ели со сметаной или с молоком, клали, как изюм, в теплую брагу, а пиво сдабривали только мелкими кусочками пряников в кружке. Кстати, в качестве пряников подчасную использовались и сушеные паренки из репы и брюквы. Ими лакомилась ребятня, парни угощали своих подружек, а женщины брали на покос.

Около пополудни в селе появлялись гости: дальние — на лошадях верхом или в праздничной упряжке, восседая по обе стороны тележного кузова; ближние степенно шествовали небольшими вереницами или в одиночку. В 20—30-е годы XX в. можно было сразу определить, кто крестьянин, кто рабочий, а кто интеллигент: первые — в лаптях, вторые — в яловых да хромовых сапогах, а третьи — в ботинках с калошами.

Франтоватые молодые люди показывались в костюмах-парочках, с металлическими тросточками или деревянными резными палочками.

В Петров день пешнигортцы купали лошадей. Под присмотром старших ребята загоняли лошадей в омут и, сидя на них, с удовольствием плавали несколько минут. Плавали и за лошадей, держась за ее хвост.

После такой забавы животных хорошо мыли, давали высохнуть и ставили в стойло, а поздним вечером те же ребята гнали лошадей в ночное.

Купание лошадей, видимо, не имеет под собой какого-то магического ритуала. Это обычная процедура, какая бывает за лето не один раз. Но в Петров день без нее не обходились даже в колхозное время.

Совсем другое дело, когда жители д. Урья Кочевского района загоняли лошадей в р. Онолву в Макаров день 25 июля (7 августа) после богослужения в часовне и освя-

щения воды в реке. Здесь имеет место обряд очищения и исцеления больного тела или части его.

Подобный обряд наблюдался и в Косинском районе (д. Бачманово, Чазево) на день Гавриила 13 (26) июля, во время «праздника лошадей», когда животных кропят святой водой. Не пережиток ли это «культа коня»?

Лошади, основной помощнице крестьянина, конечно же, должны были отдаваться и более достойные почести.

Знающие толк в лечении людей и животных в Петров день собирают целебные травы. Петровские сборы считаются более действенными, ибо благому делу в этот день способствуют сами святые апостолы. Особо ценным лекарственным сырьем, собранным в этот день, как утверждают знахари д. Митино Кочевского района, являются *македонвуж* (марьян корень), *нормольтурун* (омежник), петров крест. Больше ценится *македонвуж*, чей корень, говорят, похож на корешки женьшеня. Из него делают отвары и настои, их пьют как общеукрепляющее средство. Рассказывают, что один мужчина из с. Юкеево, постоянно пользуясь *македонвужем*, прожил более ста лет и до самой смерти работал физически.

Петровские гулянья кое-где устраиваются возле рек и водных источников. Жители с. Юсьва и окрестных деревень в прошлые века собирались, говорят, близ

Участники фольклорного коллектива из д. Кукушка после выступления в с. Большая Коча, 2003 г.

д. Загарье, что на р. Юсьве. Это урочище, вероятно, было облюбовано народом не только из-за красивых пейзажей: здесь, можно предположить, еще в языческие времена совершались какие-то культовые мероприятия, так как рядом находится чудское городище Гырчик (VII—IX вв. н. э.). В XX в. петровских массовок тут уже не было, потому что село к тому времени достаточно сильно обрусело и приобрело купеческо-мещанские устои.

В с. Юсьве в Петров день всегда бывали ярмарки, и значительная часть взрослого населения постоянно посещала их. Пока функционировала церковь, большинство юсвинцев считало обязательным посетить церковь во время праздничной литургии и поставить свечку святым апостолам Петру и Павлу, попросить у них милости и благополучия.

Своеобразный обычай справлять Петров день выработался у жителей с. Кочево — совершать прогулку по полям и перелескам в урочище Лягай-мельница, что на р. Сеполь (оно же — Василь-Миколь). Первыми туда отправляются обычно старики и старушки после службы в храме, чтобы поклониться, как говорят они, святому месту. Но чем свято оно и почему, никто не знает. Ни Лягай, ни Миколь, которые якобы в разное время проживали в тех местах и были простыми мужиками, никакой святостью не обладали. Но, говорят, этим качеством обладает вода р. Сеполь, и наибольший эффект от пользования той водой бывает именно в Петров день. Только в этой легенде опять-таки нет логики: если воду считать святой, так зачем же кочевцам «тащиться» за несколько километров при комарах да зное, если мимо села протекает та самая р. Сеполь?

На Лягай-мельницу старые поколения кочевской стороны ходили, видимо, затем, чтобы поклониться какому-то очень влиятельному божеству, возможно, лесному или водяному духу. На эту мысль наводит рассказ Е. Н. Сизовой (67 лет, с. Пелым Кочевского района, 1998 г.):

«Менам висис тидзбс, и муні черѣшланница дынѣ Кѣчѣ. Сеті гижеѣтѣс Енлѣс да святѣйезлѣс ниммез (думайтѣ, нѣя мыжѣйсѣ). Лыдѣѣѣтѣс, а черѣшлан эз вѣрзѣы. Сѣк висѣталѣ аслам рѣдлѣс кулѣммесѣ — эз жѣѣ вѣрзѣы. Важжес понда — эз жѣѣ. Сѣк пѣ висяныс не Енсянѣ, не святѣйезсянѣ, не рѣднянѣ, а кысянѣкѣ мѣдѣклайсѣ. Чертитѣс тидзбѣс ош гыжѣн да тиѣкѣтѣс мунны Лягай-мельница дорѣ да сулавны ваын». («У меня болело колено, и я пошла к знахарке-черэшланнице в Кочево. Дала записку — с именами бога Ена и святых (думала, что они наказали). Она перечислила, а черэшлан не вздрогнул. Тогда я назвала умерших родственников — не вздрогнул. За «старых» — то же самое. Тогда-де наказание не Ена, не святых, не родственников, а еще откуда-то. Очертила колено медвежьим когтем и велела пойти на Лягай-мельницу да постоять там в реке».)

Е. Н. Сизова не назвала того божества, которому надо было поклониться на Лягай-мельнице, но можно было догадаться, что она имела в виду духа воды или духа лугов, но не водяного. Здесь уместно будет напомнить о другом исторически

интересном урочище кочевцев — *Енмаыб* (дословно: поле боговой земли). Оно находится неподалеку от Лягай-мельницы и когда-то тоже числилось в списке святых мест.

Поскольку слово «*Ен*» в коми-пермяцком языке означает и Бога, и икону, и языческого идола, а истинный смысл топонима уже забыт, то трудно сказать, что легло в основу названия *Енмаыб*. Но люди еще помнят дедовские рассказы о том, что раньше туда ходили молиться то ли весной, то ли летом. И если там не было никакого храма, то, естественно, люди поклонялись не христианским святым, а языческим богам или их изображениям.

Возможно, после того, как поле было распахано, *Енмаыб* стал неподходящим местом для культовых обрядов, и предпочтение было отдано урочищу Лягай-мельница.

На Лягай-мельнице народу бывает намного больше, чем в других подобных местах округа. Пиком паломничества является Петров день, считающийся заметной вехой в календаре земледельцев и скотоводов.

Петраыс сюйыштӧ киӧ коса. (Петр в руки косу сует.)

Кыдзи Петырлун мича, дак и Виль год лоас мича. (Если Петров день ясный, так и Новый год будет ясным.)

Кыдзи Петырлун вотӧдз бура зэрасис, дак сюэсӧ оз ни косьты. (Если до Петровки были хорошие дожди, так хлебов засуха не возьмет.)

Локтіс Петра — ульлун вайӧтіс. (Пришел Петр — скоромные дни принес.)

Ильин день — *Ильялун, Иллялун*

Из прежних публикаций

Среди коми-пермяков Илья-пророк пользовался особым уважением, некоторые считали его день в календаре главным праздником в году. Готовились к нему за одну-две недели. Прибирали дом, топили баню и мылись. За два-три дня до праздника староста ходил по домам и собирал деньги на покупку быка или барана. Если не хватало средств, то зажиточные крестьяне вносили дополнительную плату. Отдавая деньги, говорили: «От меня и от родителей моих». Закалывали животное на берегу реки и на пригорке.

Как отмечают очевидцы обряда, «некоторые крайне религиозные коми-пермяки мажут себе кровью, капающей с жертвы, глаза и лоб». Животное разрубали на части, лучшее мясо отдавали священнослужителям, остальное варили в «особом артельном котле, который хранится при церкви». Вареное мясо приносили к храму или часовне и ставили перед папертью. После освящения мяса

священником присутствующие его ели, «стараясь ухватить кусок заветного «святого мяса». «Некоторые съедают свою долю тут же «для здоровья», другие уносят домой, зашивая в тряпку и хранят в своей биве, как талисман, предохраняющий от всевозможных бед и напастей. Многие уносят мясо на кладбище и кладут на могилы родных или зарывают в поле на своей полосе, чтобы хлеб родился лучше». (Добротворский Н. Пермьки//Вестник Европы. 1883. № 4. С. 579.)

Подобные жертвоприношения в Ильин день устраивали не только жители одной деревни, но и нескольких, сообщая покупая быка. Роль священника выполнял кто-нибудь из пожилых людей. «Он произносит над жертвой импровизированную молитву, в которой просит языческое божество Ена, чтобы тот «добра» (имущества) им побольше послал, хлеб от дождя и червя спас, чтобы сено получше уродилось...» (Там же. С. 579—580.)

По традиции, в Ильин день не выгоняли скот на пастбище, «потому что тогда,— как считали коми-пермяки,— все лесные звери свободно бродят по лесам, и будто им дано право от Ильи-пророка делать в этот день все, что они захотят». (Там же. С. 580.)

По описанию, выполненному в 1904 г., обряд проходил следующим образом: «В Ильин день на общественные деньги покупается бык. Деньги собираются старостой, размер жертвования не установлен. Колют жертву за селением на берегу реки особым священным ножом, который хранится у наиболее уважаемого в деревне старика. Мясо варят в общественном котле, оно частью съедается, частью хранится, как талисман, частью относится на могилу к родителям или зарывается в землю на полосы, чтобы хлеб родился лучше. Небольшие деревни для этого праздника соединяются вместе. Роль жреца исполняет местный старик, который импровизирует молитву. По местам такие жертвоприношения бывают перед началом и окончанием полевых работ». (Струминский В. Я. Указ. раб. С. 484.)

Празднование и обряды Ильина дня

Этот праздник православные празднуют 20 июля (2 августа).

Если лето было сухое, то к этому дню поспевает озимая рожь и начинается жатва, но все еще продолжается заготовка сена. И тот, и другой передел работ уже не терпит отлагательств. Обстановка усугубляется тем, что намного сокращается светлое время суток, а ночи становятся очень темными, холодными и росными, и это мешает сушке

скошенных трав. А если еще случаются дожди, то крестьянину, как он сам выражается, «в ухе некогда копнуть». И чтобы спасти сено, он готовит сучковатые колья-стожары (*сырса*), устраивает своеобразные вешала-зароды, которые насквозь просвечивают и продуваются ветром.

Кроме этих работ, крестьянина торопит и сев озимой ржи, с которым также нельзя задерживаться, ибо затяжка сева чревата неурожием будущего года. Крестьянин хорошо помнит народную примету: «Сей в золу, да в пору».

Об этой же поре в деревне говорят: «*От кшат коса, мбдат — чарла, а сивьят — кбдзсянкуд*». («В одной руке коса, в другой — серп, а на шее — лукошко».) Нелегко и круто приходилось мужику, но он выкручивался и даже отдыхать по-человечески успевал. А отдушиной в тяжелом труде этой поры бывал Ильин день.

Коми-пермяцкий фольклор утверждает, что Илья в пору своей молодости (а он родился на сотни лет раньше Иисуса Христа) жил вместе с гайскими богатырями, которые считали его своим младшим братом и по той причине — не ровней им. Но однажды Илья показал настоящую свою силу, и богатыри попросили бога Ена взять Илью на небо: он, мол, не по нам, не житель земли.

Народ любит Илью, но побаивается его: Илья иногда сильно гневным бывает — огненные стрелы мечет, потому в день его почитания работать нельзя. Особенно опасно ставить копны и стога сена — они могут быть сожжены небесным огнем. Жители северных районов округа хорошо помнят об этом и в Ильин день «сушат» грабли и вилы. Южные же коми-пермяки в этот день гребут сено и ставят стога.

Миф юсьвинцев не удостоверяет, что Илья-пророк родом юсьвинский, но констатирует, что в тех краях он часто появлялся верхом на сильном, богатырском коне в каменном седле. Да и круп коня, говорят, был каменным. Однажды чересчур ретивый конь сбросил Илью и, резвясь, потерял седло, которое богатырь так и не нашел. Это «седло» многие века пролежало на крутом берегу р. Иньвы у нынешнего с. Архангельское. На него, как на *Ен-из* (богов камень), молились древние коми-пермяки и их крещенные потомки. Это противоречило законам православия, и церковнослужители не раз сбрасывали камень под берег, но он, говорят, всякий раз возвращался на место. Вновь открывшаяся церковь «приютила» Ильюно седло в ограде своего храма. Теперь прихожане, входя в ограду, крестятся одновременно на божий храм и языческую реликвию.

Коми-пермяки Илью-пророка почитают и в честь его стараются испечь хлеба и шаньги из нового урожая.

Если рожь еще не готова к жатве, выбирали поспевшие стебли для одного снопа. Дома его обмолачивали ударами о борону или о стенку амбарного сусека, а зерно мололи на ручной мельнице. Из полученной муки пекли каравай или толстые шаньги с картофелем или крупой со сметаной на капустном или чемеричном листе. Картофель брали тоже из нового урожая, но не выкапывали, а доставали из гнезда руками отдельные, более крупные клубни.

У иньвенских коми-пермяков был обычай: вынутую из печи первую шаньгу клали на стол и говорили: «Сей, Илья, да рамыника гымав». («Ешь, Илья, да греми потише».)

Пешнигортские женщины выносили шаньгу и на крылечко. Ее, освободив от листа, клали на деревянную или глиняную тарелку и выставляли на перила или полку. Но она предназначалась для угощения солнца, которое помогло вырастить рожь, а также Ена.

Этот обряд опять же родился в языческие времена и лишь с принятием коми-пермяками православной веры стал совершаться в Ильин день.

Сезон жатвы открывали всевозможные ритуалы, которые начинались еще дома. Так, хозяин выносил из двора серпы и клал их на подстилку в телеге. С ними рядышком хозяйка ставила корзину или пестерь с обедом. Все это закрывалось скатертью от сглаза.

Если на жатву выходили пешком, то серп полагалось нести на правом плече.

Приехав в поле, хозяин раздавал серпы жнецам и, благословясь, срезал первую горсть, из которой делалось первое же прясло. После этого сам хозяин, или хозяйка, или другой жнец, но с «легкой» рукой, срезал пучок колосьев и клал на прясло со словами: «Тырдоз, тыр сусек!». («Полная спорина, полные закрома».)

В. П. Исаев вспоминает, что в Ильин день жители д. Урья Кочевского района тоже не работали, но ходили смотреть хлеба. А его или кого-нибудь из семьи мать посылала по малину, которая росла во ржи около нераскорчеванных пней. Принесенные ягоды тут же высыпались в белую глиняную чашку, а чашка ставилась на стол, но к лакомству малиной сразу не приступали: сперва должен был отведать ягоды сам Илья.

Перед самым началом жатвы урынцы посещали часовню и ставили свечу Спасителю, вырезанному из дерева, и просили его помочь в своевременной уборке хлебов. А в Ильин день ходили, в основном женщины, поклониться образу Ильи-пророка.

С именем Ильи-пророка и днем его чествования связаны многочисленные приметы и афоризмы, но оригинальных коми-пермяцких среди них единицы.

Ильялун бõрын коксõ и ош оз кõtõt. (После Ильина дня и медведь лапу не мочит.)

Ильялун бõрсянь купайтчан — чирõйез õселейтасõ. (Искупаешься после Ильина дня — чирьи одолеют.)

Ильялунся коросьыс буржык. (Ильинские веники лучше.)

Ильялун бõрын оз сейõ озъягõд — чирõй каяс. (После Ильина дня не едят землянику — чирей вскочит.)

Кыдзи Ильялунõн гымалõ кузя да торкõймõн — кузь да кõс ар лоас. (Если на Илью гром раскатистый и с грохотом — будет длинная и сухая осень.)

Августовские Спасы

В ритуально-мифологической жизни коми-пермяков важное место занимали Спасовки — три праздника во имя Спасителя Иисуса Христа — первый Спас, второй Спас, третий Спас. Обряды этих праздников соотносились с урожаем, только что полученным и будущим.

В первый Спас (*одзза Спас*) 1 (14) августа после церковных служб проводилось водоосвящение на реках и купание детей и лошадей. Купание осмыслялось как действие, направленное на поддержание силы и крепкого здоровья. Во время этого обряда дети снимали рубахи, бросали их в воду и надевали новые. Первый Спас назывался медовым и мокрым. У коми-пермяков, как уже отмечено, обряды проходили только на воде. С первого Спаса начинался Успенский пост.

Особое внимание коми-пермяки обращали на поведение птиц. Верили: если стрижи улетали до первого Спаса, то будет ранний снег. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 1980 г.)

Второй Спас (*шбрът Спас*) — яблочный. С этого дня православные люди могли есть яблоки. Коми-пермяки их не выращивали, и поэтому у них в обрядовой части праздника присутствовал мед. Во второй Спас, а он совпадал с праздником Преображения Господня — 6 (19) августа, — доставали мед из ульев и приходили с ним в церковь. По наблюдениям очевидца, в тех местах, где второй Спас являлся престольным праздником, «приносят для освящения свежие соты». (*Рогов Н. А.* Указ. раб. С. 30.) В церкви освящение меда происходило с иконой Преображения Господня.

Со второго Спаса погода становилась холоднее, и поэтому в народе любили говорить: «Пришел второй Спас — бери рукавицы про запас», «Уже второй Спас — готовь гуню про запас».

Третий Спас (*ббръя Спас*) — Спас на полотне, он еще хлебный и ореховый — 16 (29) августа. Полотняным его называли потому, что с этого дня торговали полотном и холстом. К третьему Спасу обычно заканчивали уборку ржи и поспевали орехи. Об этом напоминала поговорка: «Третий Спас — хлеб припас». В этот день напоминали о подготовке к предстоящей зиме: «Уже третий Спас — бери голицы про запас» (голицы — это лыжи, не покрытые с нижней стороны шкурами с ног лося), «Третий Спас — шубу про запас».

Спасы ориентировали коми-пермяков на важные хозяйственные занятия: с первого — начинали сеять озимую рожь, заготавливать кедровые орехи, со второго — готовить овины и гумна, к третьему — жать рожь. (*Там же.*)

Успение Пресвятой Богородицы. Оспожинки. Дожинки — Оспожья, Успеннѣ

Успение Богородицы — 15 (28 августа) — очень почитаемый коми-пермяками праздник, особенно там, где он являлся престольным. В традиции народа — приурочить к празднику окончание уборки урожая. Не случайно коми-пермяки называли этот праздник *Оспожья*, а русские — *Оспожинки*, иногда *Дожинки*.

К окончанию жатвы готовились заранее. Варили пиво, пекли из новой ржи хлеб, пироги, шаньги. Родственники и соседи угощали друг друга. Хлеб обязательно раздавали нищим. Празднику предшествовал магический обряд завершения жатвы, который стремились провести до заката солнца.

По наблюдению этнографа В. П. Налимова, вера в магическую силу обряда наиболее ярко проявлялась у коми-пермяков Верх-Инъвенской и Верх-Юсьвинской волостей. Побывав здесь в 1908 г., он писал: «После жатвы на поле оставляют *божью бороду*. Когда уже почти сжали все и оставалось только несколько экземпляров ржи, ячменя (то есть столько, сколько может схватить человек кистью руки), то этот последний экземпляр ржи, ячменя приносят в жертву земле. Но это небольшое количество экземпляров ржи или ячменя не оставляют просто на пашне, гнить на корню, как можно было бы это доступно. Кто-нибудь из жнецов (чаще домохозяин) срезает несколько экземпляров так близко около колосьев, что срезается солома почти только такой длины, какой бывает колос. Эти срезанные колосья вяжут в малый сноп. Этим снопом накрывают стебли тех самых колосьев, которые приносят в жертву земле. Эти стебли резко выделяются своей вышиной от остальных остатков стеблей нивы, которые срезаны только на вершок или на полтора вершка от земли. Эти большие остатки стеблей (высокая солома) накрываются жертвенным снопом, словно шапкой, точно так, как сулон накрывается верхним снопом». (АФО. Д. 1. 39. Л. 859—863.)

Все, о чем записал В. П. Налимов, было в старину воочию, но с тех пор, как перестали выращивать зерновые культуры в личном хозяйстве, обряд не проводится. Но о некоторых его действиях жители не забыли и вспоминают в наше время. Например, в д. Кукушка Кочевского района рассказывали, как радовались окончанию жатвы: «Все женщины дружно бросали вверх серпы, чем выше, тем лучше, чтобы новый хлеб вырос большой». В д. Далда Кудымкарского района последний сноп уносили в овин, «там он дожидался нового урожая, его мололи на следующий год вместе с новыми снопами». (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском и Кудымкарском районах в 1995, 2003 гг.)

В с. Кочевое в наше время помнят об обряде окончания уборки урожая под названием *чарлачѳтѳт* (дословно: раздевание серпа) — отлучение от жатвы. По рассказу В. П. Исаева, 1914 г. р., он соблюдался еще в первые колхозные годы. Во времена единоличных крестьянских хозяйств праздник проходил так: «В каждом хозяйстве

запрягали лошадь, на телегу ставили жбан с пивом, брали и шаньги. Всей семьей, старые и молодые, садились на телегу и ехали на чье-то поле. Старшие благодарили поле, солнце за выращенный урожай. Все пили пиво: один пьет из туюска и другому передает, обязательно по солнцу. Затем играли, катались по полю, завязывали оставленные колосья Богу и *Чемору*. Чемор — это нечистый дух, но он, говорили старики, охраняет посевы от мороза. В поле гармошку не брали, ее музыку признавали бесовской. На полях играли только на деревянном барабане, ведре и корыте». (*Полевые материалы*, полученные в 2000 г.)

На Успение готовился особый праздник в деревнях Кекур и Юрино Кудымкарского района. На столах обязательно были пиво, квас, мед, пироги с капустой, морковью, свеклой, черемухой и рябиной. Всегда были соленые рыжики и грузди. Еще одна особенность праздничного стола — рыбный пирог из пескарей, аргишей и выюнов — мелкой рыбы, которую вылавливали в речках Кекуршор и Олыч. Говорили, что этот пирог — угощение Богородице и предкам.

В праздничном обычае — особый ритуал угощения. В Успение и на следующий день принимали дальних гостей, а на третий день угощались сами хозяева. Они допивали *сюромку* и *сурббж*, доедали пироги. Сюромка — это старая, но поновленная мелом — заваркой хмеля — брага, а сурббж — жидкое, последнего цежения пиво (дословно: *пива хвост*).

По окончании уборки льна проводился особый «девичий праздник»: «...девушки, нарядившись в свои лучшие *пельпомы-коромы*, ходят гурьбой по селу или деревне и распевают песни. Некоторые щедрые домохозяева угощают их водкой и пирогами с пикшей». (*Добротворский Н.* Указ. раб. С. 580.)

День Фрола и Лавра — Пролаврей, Прол(в)лун, Пров, Прававер

18 (31) августа Русская Православная Церковь чествует мучеников Фрола (Флора) и Лавра. У коми-пермяков этот день был особенным. Фрол и Лавр воспринимались как покровители лошадей. Поэтому праздник еще назывался конским и лошадиным. В этот день лошадей хорошо кормили, на них не работали — давали отдыхать. Лошадей купали в реках и прудах, окропляли у церквей святой водой. Так проводили день Фрола и Лавра все коми-пермяки.

Вариантом типичного купания коней можно считать обряд, который в 1908 г. наблюдал этнограф В. П. Налимов в с. Ошиб у иньвенских (южных) коми-пермяков и запечатлел его следующим образом: «...народу было много не только около церкви,

но можно было заметить целые группы мужчин, мирно беседующих довольно недалеко от церкви. Недалеко от этих групп стояли кучками оседланные лошади. Много лиц приехало на праздник верхом и исключительно из-за лошадей. Я подходил от одной группы к другой... в это время зазвонили к достойной... начался крестный ход. Как-то все ожили, у некоторых точно разгорелись глаза... огромное количество пермяков верхом на лошадях. Все они скакали к реке, и все они въехали в реку, стали рядами, образуя сплошные линии лошадиных голов. Масса пеших мужчин пошла по пояс в воду, несколько лиц престарелого возраста тоже пошли в воду, но они стали по другую сторону места, назначенного для служения молебна. Вот приходит на мостик духовенство, за ним тянется длинный хвост народу. Началось служение молебна. Лошади так мирно стоят в воде, понутив головы, как будто они так внимательно слушают пение, не желая пропустить мимо своих ушей ни единого слова. Поведение лошадей во время водосвятия поражает приезжающих русских. Одна учительница как-то мне сказала по этому поводу: «Если кто в пермяцкой земле отличается благочестием, то это лошади». Кончилось богослужение и водосвятие. Народ спешит умыться речной освященной водой... несколько девушек-подростков лет 11—14, подняв платья, идут в реку. Почему-то женщины средних лет не заходят в реку. Одной женщине лет 30 надо было почерпнуть освященную речную воду ведром, а около берега вода мутная... она просит молодого человека оказать ей услугу. Тот исполняет ее просьбу. Поднимаясь с реки, я наблюдал картину, как женщины-старухи свои лучшие, измоченные платья вешали сушить. Начинался общественный праздник веселья и разгула». (Там же. Л. 673—683.)

Фрол (Флор), Лавр и архангел Михаил (в центре) на иконе XIX в. Если исходить из того, что день Флора и Лавра приходится на осеннее порурубежье, то есть на рубеж красного лета и темной осени, то вероятно предположение, что изображением всадников на конях разной масти — черной, белой и рыжей — выражена смена времен года и мотив смены дня и ночи (белого и черного)

По наблюдению В. П. Налимова видно, что аграрный обряд купания переходил в развлекательное праздничное действо. Коми-пермяки верили, что нечистые духи по-

Часовня начала XX в. в д. Гаинцово Кочевского района.
Современный вид

селяются в лошадей, мстят людям и избавиться от них можно только освященной водой. Все это — типичная картина обряда у коми-пермяков.

Обращают на себя внимание еще такие подробности обряда: «Больных коней вводили в реку и оставляли там, пока совершался молебен. Как только богослужение кончалось, священники шли между выстроенными в два ряда лошадьми и кропили их. Затем хозяева лошадей начинали скачки по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадей в пот, что считалось признаком всасывания воды в кровь животного». (Янович В. М. Указ. раб. С. 78; Струминский В. Я. Указ. раб. С. 484.)

В хозяйственном календаре день Фрола и Лавра считали днем, после которого уже нельзя было сеять озимую рожь. Коми-пермяки знали известную среди православных людей поговорку: «Кто сеет рожь на Фролов день, у того родятся фrolки» (фrolки, фrolы — это сорняки, цветочки).

Истинной коми-пермяцкой чертой стало празднование дня Фрола и Лавра с проведением обряда закалывания быков в с. Большая Коча и приношения их в жертву богам и духам (северные коми-пермяки). М. В. Малахов, ссылаясь на очевидцев, в 1887 г. писал: «Закалывали трехлетнего непорочного бычка, для этих

целей и откармливали, привозили на закалывание, чтоб беда миновала, или просили исполнить какое-либо желание». Всего в день Фрола и Лавра, по сведениям М. В. Малахова, было зарезано 20 бычков, резал сам хозяин. Сначала бычков резали у часовни, а затем, когда их стали приводить много, на отведенном месте на берегу р. Онолвы. Мясо варили в котлах и сообща поедали. Лучшую часть мяса приносили в часовню. (*Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале//Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1887. Т. XI. Вып. 1. С. 85—96.*)

Животных приводили в с. Большая Коча по обету, чтобы остановить эпидемию и болезнь скота, недопустить пожар. Чаше вели животных, которые накануне были больны: «Обыкновенно, когда болеет какая-либо скотина, пермяк, прося покровителя животных о выздоровлении ее, дает обет принести ее святому в жертву». (*Струминский В. Я. Указ. раб. С. 482.*)

Исследователи рассматривают оленей как жертву двух видов — имеющую характер освящения, приобщения и характер дара, приношения. (*Шановалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене//Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 209.*) В случае, описанном в кочинской легенде, в образе оленя соединялись оба представления о жертве. Мясо ели, считая его божественным, и сами приобщались к божеству.

Легенда о жертвенном олене, которую знали кочинские коми-пермяки, была распространена во многих местах Русского Севера, только жертвоприношение происходило не всегда в день Фрола и Лавра, а в день Петра и Павла, Ильин день, Рождество Богородицы, Успение Богородицы и др. В поверьях часто сохраняется один и тот же сюжет: «В старое время приходили к нашей церкви два оленя, и было сказано, что брать для убоя только одного, а другого отпускать на волю». (*Там же. С. 211.*) Легенда о двух оленях, очевидно, связана с магией охоты и плодородия, ведь в ней рассказывается, что одного оленя убивали, а другого отпускали в лес, чтобы обеспечить размножение животного мира.

Легенда об оленях бытовала у коми-пермяков неспроста. О почитании оленей повествуют металлические бляхи VII—XII вв. в искусстве пермского звериного стиля, которые обнаружены на древних святилищах и в могильниках предков коми-пермяков. На них представлена разнообразная трактовка человека-лося. (*Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифей: Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.*) Этнографические материалы показывают, что олени были жертвенными животными не только у коми-пермяков, но и у многих народов Сибири и Русского Севера. (*Грибова Л. С. Указ. раб. С. 68—75.*)

Подводя итоги, отметим, что обряды с жертвоприношением по обету (по добровольному желанию обратиться к богам и духам за избавлением от какого-либо бедствия) у коми-пермяков явление частое. Они совершались в деревнях Лупье и Панино Гайнской волости, д. Половина Юрлинской волости, с. Ошиб. Часовни, где соверша-

Момент современного быкобоя в с. Большая Коча

лось жертвоприношение, находились в селах Архангельское, Купрос, Майкор. Существовало и закрепление определенных животных за тем или иным праздником. В Петров день и Ильин день резали баранов, в день Фрола и Лавра — быков, в день Марии Голендухи — куриц, в день Василия Великого — свиней.

В наше время «быкобой в с. Большая Коча возрожден. Его проводили трижды, первый раз в 1993 г. Участвовали все поколения людей, но больше средних лет. Такая активность объясняется не религиозным возрождением, а желанием иметь общий праздник и моральную поддержку «от того, что не придумано, а взято от предков». С возрождением праздника жители села связывают перемены в жизни в лучшую сторону: «Стали работать лучше, зарплату и пенсии получать вовремя, да и страна пошла вперед...». (*Полевые материалы*, собранные в 1995, 2003 гг.) В этом жители искренне убеждены, но убеждены ли они в том, что Богу необходима кровавая жертва, — пока не ясно. (*Струминский В. Я.* Указ. раб. С. 482.) Коми-пермяки верили: если животное заболело, значит, оно нужно Богу, и в этом случае обещали «привести его в Кочу, если оно выздоровеет». (*Смирнов И. Н.* Пермяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. С. 251.) Бывали случаи, когда бычков вели за сотню верст от места жертвоприношения. Несмотря на запреты со стороны местных властей, в с. Большая Коча в пригоне бывало не только по 20, но и еще большее число бычков, например, в 1860-х годах — до 60—80, в 1908 г. — 48.

Очищение водой и кровью — обязательный ритуал быкобоя, 1993 г.

Жертвенным животным становилась не всякая скотина, а только «невинная» и притом мужского пола». В последние годы стали приводить не только бычков, но и коров. Местные священники не препятствовали проведению языческого обряда. Они благословляли скот на жертву, им отдавалась лучшая часть мяса.

Дополним эту картину описанием обряда, выполненным в 1883 г. Н. Добротворским: «Ко дню Фрола и Лавра бычка специально выращивали, на бойню его непременно сопровождал сам хозяин в окружении родственников, одетых в праздничные одежды, где преобладали красный, белый и зеленый цвета. В ночь на праздник зажигали большие костры. Жертвоприношение совершалось с наступлением ночи перед заходом солнца, сигналом к закалыванию служил колокольный звон. Хозяин сам закалывал бычка длинным тупым ножом, так как существовало поверье, что чем дольше мучается животное, тем больше оно угодно Богу. Но имелась и другая примета: если бык не сразу колется, то жертва негодна.

Затем мясо варили, но до этого многие мазали кровью жертвенного животного лоб и глаза. Лучшие части быка шли в пользу духовенства. Сваренное мясо некоторые съедали здесь же, другие уносили домой, зашивали в тряпицу и хранили, третьи клали на могилы своих родственников или зарывали на своей полосе, чтобы «хлеб лучше родился». (*Добротворский Н.* Пермь: Бытовой и этнографический очерк// Вестник Европы. СПб., 1883. № 4. С. 579—580.)

Обряд в с. Большая Коча сопровождался легендой, являющейся своеобразным объяснением его происхождения: «По рассказам кочинских пермяков, прежде в день Фрола и Лавра в определенный час выбегал в Кочу олень, который приносился святым в жертву, но как-то в урочный час олень не явился. Взамен его собравшиеся решили заколоть быка. А запоздалый олень все-таки прибежал, и, увидав, что обряд народом выполнен, вместо его, оленя, заколот бык, убежал обратно и скрылся в лесу, и после этого уже никто не являлся в Кочу». (*Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 224.)

И в наше время местные жители сохраняют убеждение, что прежде кололи оленей, а потом — быков. Произошло это из-за нарушения заповеди: стали закалывать не одного оленя, а двух. (*Полевые материалы*, собранные в с. Большая Коча Кочевского района в 1995 г.)

Замена в жертвоприношении оленя быком могла быть вызвана утверждением в хозяйстве коми-пермяков земледелия как ведущего направления. Этого мнения, например, придерживается учитель истории, краевед с. Большая Коча Н. П. Кучевасова.

ПРЕСТОЛЬНЫЕ (ХРАМОВЫЕ) ПРАЗДНИКИ

Престольные, или храмовые, праздники — это праздники православной общины, прихода. В его составе люди одного или нескольких близлежащих селений, имеющих один храм. Название храму дается в честь престола, который освящался в память жизни Иисуса Христа, Богоматери, апостолов и святых, прославленных церковью.

Престол — это священное место в середине алтаря. Здесь стоит стол — земной престол Господа Бога и Вседержителя. Престол одновременно являлся и земным воплощением Гроба Господня. Храм считался святыней, и приход в него воспринимался приходом в дом Божий.

В деревнях, расположенных на отдаленном расстоянии от храма, возводились часовни, которые становились не только культовым местом, но и центром часовенного престольного праздника. Народная память хранила немало преданий о чудотворениях в тех местах, которые отмечались часовнями.

В церковной традиции престольные праздники распределялись так, чтобы в конкретной местности отмечались дни календаря, посвященные Иисусу Христу и Богоматери, апостолам, святым. Престолы, как правило, не подлежали уничтожению. Если деревянный храм заменялся каменным, то храмоименование повторялось. Это придавало устойчивость православной и народной традиции населения. К примеру, назовем престольные праздники Кочевского

Часовня начала XX в. в д. Демино
Кочевского района.
Современный вид

Соборная Свято-Никольская церковь, основана в 1795—1800 гг., г. Кудымкар

ва, Преображенские храмы в Гайнах и Юкseeво) и Богородицы. Из святых, которым посвящались храмы, особенно любимым являлся Николай Чудотворец (храмы в г. Кудымкаре, селах Егва, Коса, Кочево).

В крупных селах и деревнях до 1930-х годов типичная картина праздника дополнялась ярмаркой. Так, в с. Гайны из трех ярмарок самой значительной была Преображенская 6 (19) августа. На ней бывало стечение народа не только из своего прихода, но и из соседних — Монастырского и Чажеговского. Никольская ярмарка в Кудымкаре выделялась большим стечением торговцев из многих сел и деревень, расположенных по р. Иньве.

Храмовые праздники назывались съезжими, мирскими, годовыми. В общественном и семейном быту они становились явлением социально-культурной значимости. Их устойчивость и стабильная последовательность для определенной округи выступали своеобразным стимулятором и механизмом, укрепившим внутрисемейные, междеревенские и, говоря шире, культурно-этнические связи.

День календаря, на который приходилось празднование престола храма, отмечался торжественным богослужением. В круге жизни коми-пермяков он приобретал сакральное значение, так как нередко сопровождался молебнами, способствовавшими благополучному жизнеобеспечению.

Но престольный праздник не ограничивался религиозно-культовым значением. Каждая семья прихода стремилась принять гостей, и праздник из храма переносился в дом. Гостевание, как и следовавшее за ним отгашивание в другие престольные праздники у своей родни, всегда играло важную роль в семейно-родственных связях.

района: с. Кочево — Николин день, с. Большая Коча — день св. Фрола и Лавра, д. Зыряново и д. Пелым — день Покрова Пресвятой Богородицы, д. Кукушка — день Святой Троицы, д. Гордеево — день Петра и Павла, д. Петухово — первый Спас, в деревнях Гаинцово, Лягаево, Москвино, Сеполь — Ильин день.

Значительная часть храмов на коми-пермяцкой земле носила названия в честь Господа Вседержителя (например, Христорождественский храм в с. Чураки, Сретенский — в с. Верх-Инь-

Троицкая церковь 1847—1865 гг. в пос. Позва Юсьвинского района, 2004 г.

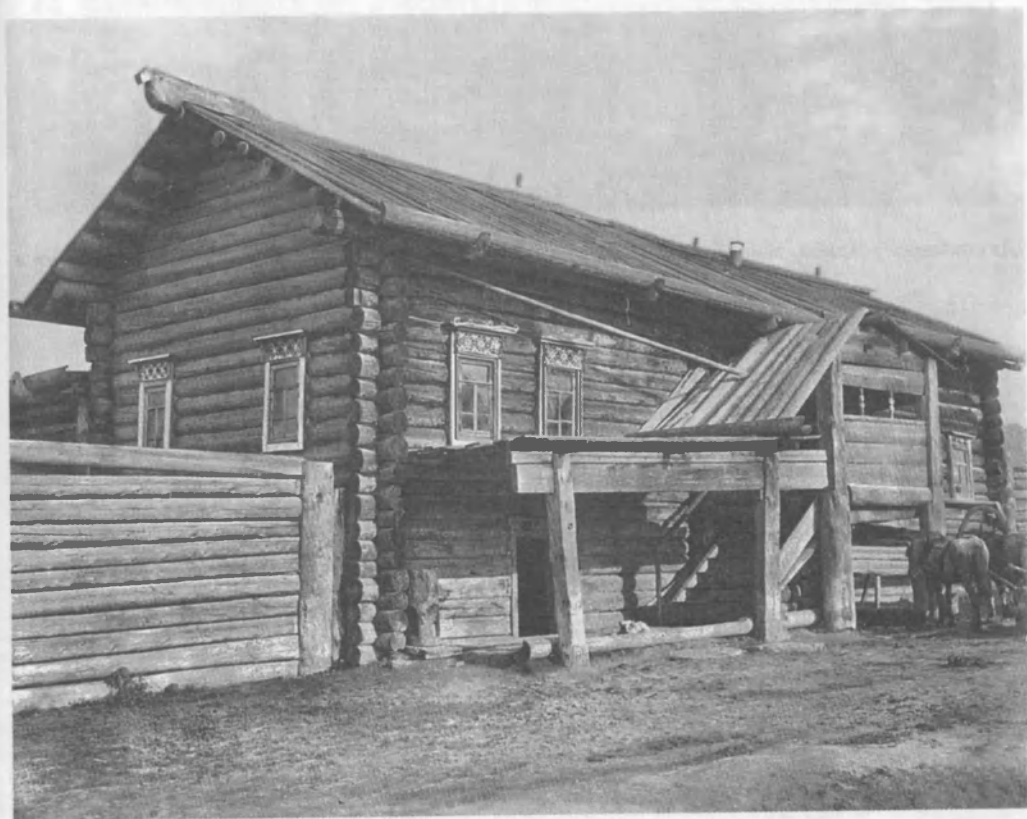
Пасхальный праздник в с. Егва Кудымкарского района, 2000 г.

Характеристику приходской жизни мы находим в разных описаниях, но остаемся на той, которую на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» дал священник Ошибского прихода (в наше время с. Ошиб Кудымкарского района). В Ошибском приходе, который объединял более 60 деревень, помимо главного храма находилось пять часовен, и в каждой часовне в год было по два своих праздника. Идея общности приходского праздника выражалась во всеобщности приготовлений к нему: «Чтобы принять и угостить на славу своих гостей, от которых и сами чают того же,— чистят, моют в домах своих, варят пиво, брагу, пекут хлеб, жарят мясо и т. п.». Дух праздника запечатлен так: «К чести ошибцев надобно сказать, что они, в ожидании отплаты, гостеприимны. На празднике для них все гости — и знакомые, и незнакомые, и родственники, и чужие, хотя ближайшим из них вящая доля достается. Гости эти без разбора ходят из избы в избу... иному в течение дня приходится садиться за стол обедать более пяти раз. В день храмового праздника каждый пришедший на праздник считает побывать и у церковного причта...» (*Пермяки Ошибского прихода...* С. 227—228.)

Как видим, престольный день становился праздником людей, объединенных принадлежностью к определенному храму. В советские годы с закрытием церквей приходская жизнь оказалась свернутой. Она только в наше время вновь начинает создаваться.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Культура на фотографиях: традиции и современность

Дом с коньком и высоким крыльцом на столбах. XIX в.
Деревня Пелым Кочевского района

Двухрядная усадьба, жилой дом с балконом. XIX в. Деревня Зырянова Кочевского района

Амбары с коньками. XIX в. Деревня Зырянова Кочевского района

Трехкамерное жилище. XIX в. Северные коми-пермяки

Женщины в традиционных костюмах. Село Коса, 1910 г.

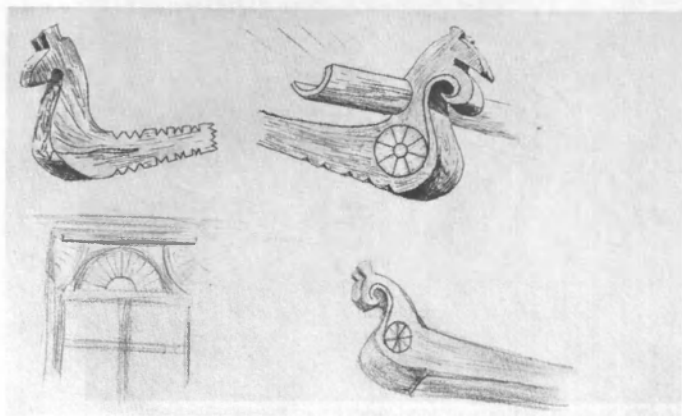
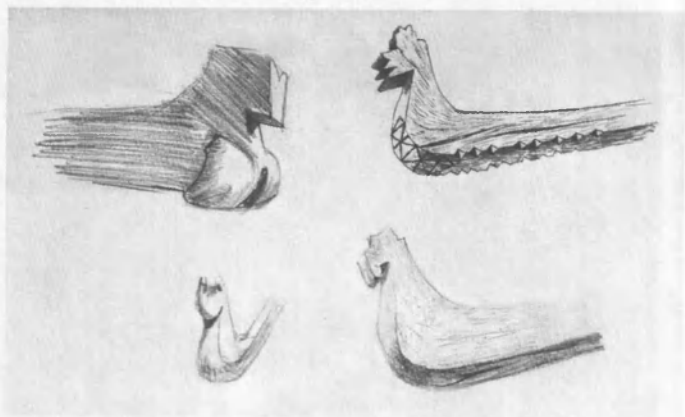
Коми-пермяки д. Лупьинский Мыс. Гайнский район, 1910 г.

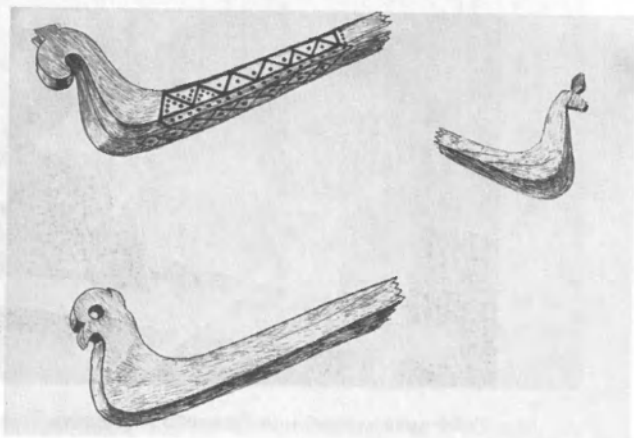
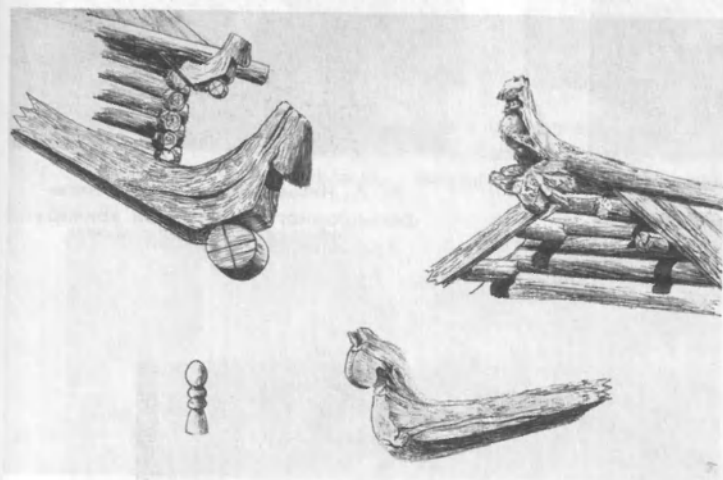
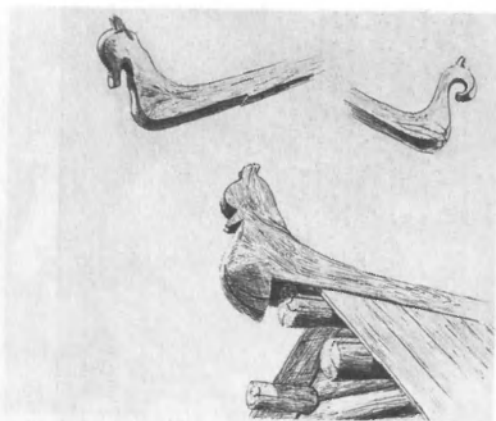
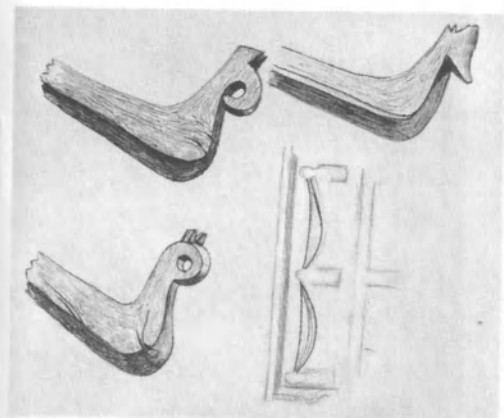

Традиционные мужские костюмы северных коми-пермяков, 1910 г.

Молодые супруги. Село Коса, 1910 г.

Зооморфные украшения
коми-пермяцких жилых
и хозяйственных построек.

Рис. А. Ф. Быкова. 1958 г.
Из собрания КПОКМ

И. И. Канюков в своей мастерской.
Село Белоево Кудымкарского района

А. А. Климова — руководитель
фольклорного коллектива «Бичир»
Кудымкарского района, 2003 г.

Лучшая мастерица браного ткачества Г. А. Казанцева, 2001 г.

Студенты Кудымкарского педучилища в кабинете народного творчества (руководитель Г. С. Мазяр) с коми-пермяцкими музыкальными инструментами: флейтами-пэлянами, барабаном, сигудком, трещетками, 2003 г.

Мастер плетеных кузовов-пестерей А. И. Тимофеев. Село Коса, 1990-е гг.

Современные коми-пермяцкие посиделки

Сцена из спектакля «Гузи да Мези» Коми-Пермяцкого окружного драматического театра им. М. Горького, 2003 г.

II. Размышления о наследии народа

Рассказ Р. И. Седеговой (69 лет, г. Кудымкар, 1996 г.)

Вот шуёны, что советско́й йёзыс пыр удж йылісь тёжсдісё, гажётчыны эз кужё. Бёбётёны этё. Гажётчым, гуляйтім да эшё кыздз! Виль праздни́ккесё пёрийтім и важжесё эгё ордйылё. Мийё, например, виллесё гортын, городас, пёрийтлім, а важжесё — деревняын, асланым родня ордын. Чиннэз мян не учётёсь вёлісё: жёнікё колхозын предён вёлі, МТС-ын директораліс, райкомын уджаліс, но праздничайтны любитіс.

Менам то́двылын 60—70 годдэз, ко́р пондім овны Кудымкарын. Аньё, жёнікёлөн мамыс, куліс одзёв, и Викторыс мачехаыс ордын эз любит го́ститны. Менам айё да мамё олісё Горькийын. Медматісь родняыс мянлё лоисё Юковчи́сь Пена тётка да Петра дядь. Нія олісё отнаныс и прокод корлісё го́ститны. Кайлывлім сэтчин Петырлунё и Святотласийён, и Крещеннё эг вунётлё, ко́р нылён пыр вёлі пряника сур да пым сур — горчигаён, узюма брага. Но медбурыс, медчо́скытыс — кишкаэз, жаритомёсь, госын уялёны...

Медыджыт и медгажа праздни́кён мян понда вёлі арся Егорей — ноябрь 16 лунё. Абу жар, кызд Петырлунё, и абу ко́дзыт, кызд Святотласийён.

Егорейнас ны ордо вовлывлісё быдласянь: менам дяддез да тёткаэз, очавоннэз да очасойез. Шадринско́й да Верх-Иньвенско́й сельсоветтэзісь го́ссез вёвлісё. Ёксям, юасям-висьтасям отамод йылісь, горт йылісь да челядь йылісь. А мужиккеслөн — перво́й жё кру́жка бо́рсянь — армия да политика. А мийё, инькаэс, — мымда тшак-ягёд заптім, кызд капуста солалім, кызд челядь велётчёны. А ценаэз йылісь басни, кызд талун, неко́р эз вёвлы...

Ог на ештё отамодёс кывзыны, а пызан сайё корёны ни. Пызан вылас — сола рыжык, ельдөггез, жаритом яй капуста сорён, сола гос, окорок, пирёггез, селянка. Марскам, йитишам-сёям — аннэз дзуртёны. А брага-сур бо́рсянь да винаоксянь сёяныс бура кылаё, горшю оз тасась. Шыд нылён пыр курёг яйісь пуём — госыс пёжъялё, веж видзё. А йёла сёянсис медбодёён любиті рисяйёв — бура пёжёмё, сукё, кенёкён...

Но главнёйыс — не сёян. Главнёйыс — праздни́кся гаж, сьылём да йёктём.

Варя тётка эшё пызан саяс пондётё ассис прибауткаэсё:

Сьёлём потё, сьёлём потё,
Ог тёд, ог тёд, мый понда.
Эм тай мёддорас Ёгорко,
Дак эд, натётё, сы понда...

Егор дядьё сералё:

— Но, но... Вашёт одзлань!

И тетёка «вашётё»:

Менё мамё видё пыр
Лён понда, кудель понда.
Лён понда, кудель понда,
Сёрёдз ветлётём понда...

Петя дядьё, хозяиныс, сэк жё судзётё полатись балалайка, пуксьё лабичё, малышитё корось пасьта тошсё — и пондётчё как раз ся сьёлём гажётаныс, кёда понда мийё и ёксимё.

Орсісьыс дёка, бура вермё триньгыны. И кызд только пондас орсны, мийё кыша-паша пызан сайись петам да давай поткётны-сьывны частушкаэз, коккез вежславны. Ётлаын и музыкантным мукёдпырсяс чеччалё. Ся, кётъ и мыгёрнас учёт, а гажнас ыджыт. Любитё «Барыня» да «Цыганочка» йёктётны, но сералё коми-пермяцкёй «тупи-тап» вылын, «старушийдёйн» шуё, но орсё сійё, йёктётё миянёс.. А вот частушкаэсё тёдё сымда — быдса час вермас сьывны. Натётё, сы кодъыс сэсся некытён абу. Ме ог тёд сэтійём мортёс, кин бы вермис сійё янётны.

Сысянь жё частушкаэзнас заразитчис и жёникё, натётё. Ся тёдліс и частушка-эсё и любитіс нійё, но етиша кёр сьывліс. А кызд тёдсасис дядьёкёт, — ётік ёмись пондісё горётны, одзасёны ськёт пондіс. Сысянь жё Виктор пондіс коми частушкаэсё тёдны. Да не только сьывны нійё, но и вуджётны роч кыв вылё. Сералём могись унажыксё. Сярзяс-сьылас кыз голоснас:

Шар галя, шар галя
Вадёрын валяйтчё.
Миян кодъыс, мирскёйыс,
Быдыслё мешайтё...

И сэтён жё рочён сьылас:

Галя шаровидная
Уреки валяется.
Наш брат — мирской,
Каждому мешается...

Дугдас триньгыны Петя дядьё — ёдззётчё Егор дядь. Сійё, кызд шуёны, няньён эн верд, но лэдз сьывны. Йёктыны ся некёр оз петав — ыджытёв да кызёв, жаговёй, а кылыс лёбё, и юрас уна тёбалём, нельки Некрасовёс, Крыловёс, Пушкинёс тёдё. Голо-сыс не ёддён вына, но басёк, сьылікас дрёжситёмоз. Сьылё, а кизс орсёны — чуннезнас шовкётё. Медбура любитё «Коробушка», «Златые горы», «По Дону...», «Из-за остро-

ва на стрезень...», «Хасбулат удалой...», «Бродяга», «При лужке...». Сьывліс солдатскай, матросскай, кытійскай блатнай Перепетуя да туркестанка йылісь. Сія грамаднэй і бур мужик, вёлём Гражданскай да Отечественнай войнаэз вылын, мукд песьняэсэ сэтчинсян і тддд.

Кытійска «тюрюмна» то этадз сьывывліс:

Дак наливай, брат, наливай,
И все до капли выпивай!
Вино, вино, вино, вино,
Оно на радость нам дано!
По рюмочке, по маленькой,
Тюрюмна, тюрюмна...

Сэтчэ очавонэ, Петяыс, Анюткаыскэ дэктасэ. Петя зыбка дорсян гармонист. Эшэ гармоніяэ абэ вермывлэм новітны, дак нывкаэс асьныс гармоніяэ нобэбны і сійэ — кпдэ. И мян дынэ гармошкатэз эз пырав. А голосэсэ гармошкаыс-лэ — малина!

Анюта мянся томжык, дак сьылэ ассис: «Рябинушка», «Каким ты был...». То этэ дддэ басэка сьывліс:

Пропел гудок заводской,
Конец рабочего дня,
И снова у проходной
Встречает милый меня...

Голосыс гора і керкутырыяс чиннялэ, кыз і гармоніяыс.

Пена тёткаэ лэнь морт вэлі, дак эз йэтыс дддэсэ і эз сьыв, буди, гусэник мянлэ кэрсэ шытас, а унажыскэ боксян мян вылэ видзэтэ, любуйтэ да шынялэ. Сы сьылэмсь ме тэда толькэ кынымкэ коми сьыланкыс: «Чужы-быдми...», «Уна ныввез чукэртэмась...», «Бур олан, лок!..»

И вэвлі мый юны, і ювлі, а медбы кок йылісь усьтэдз — сэтіймыс эз вэвлы. Этэ, натьтэ, сысян, что гажыс вермаліс.

(Вот говорят, что советские люди только о работе и думали, веселиться не умели. Все врут. Веселились, гуляли — да еще как! Новые праздники отмечали и старые не обходили. Мы, например, новые дома в Кудымкаре праздновали, а старые — в деревне, у своей родни. Чины у нас не маленькие были: муж председателем колхоза работал, директорствовал в МТС, работал в райкоме, но праздновать любил.

Мне очень памятни 60–70-е годы, когда стали жить в Кудымкаре. Мать мужа была не родная, и Виктор у мачехи не любил гостить. Мои отец и мать жили в Горьком. Самыми близкими родными нам стали тетя Аграфена и дядя Петр из деревни Ивукова. Они жили одни и всегда звали в гости. Ходили к ним в Петров день и в Святотласевку, и про Крещение не забывали, когда у них всегда бывали домашнее пиво с пряниками и пиво горячее со стручковым перцем, брага с изюмом.

Но самое лучшее, самое вкусное блюдо — домашняя колбаса, жареная, в сале пла-
вает...

Самым веселым праздником и любимым для нас был Егорий осенний — 16 нояб-
ря. Не жарко, как в Петровку, и не холодно, как в день Святого Власия.

На Егория к ним приезжали со всех сторон: мои дядья и тети, двоюродные братья
и сестры. Из Шадринского и Верх-Иньвенского сельсоветов гости съезжались. Собе-
ремся, порасспрашиваем друг о друге, о домашних делах да ребятах. У мужиков после
первой же кружки разговор об армии да политике. А у нас, женщин, — сколько гри-
бов запасено, ягод, как капусту посолили, как чада учатся. А разговоры о ценах, как
сегодня, не начинали...

Не успеем поговорить, а за стол уже приглашают. На столе — соленые рыжики,
грузди, жареное мясо с капустой, шпиг, окорок, пироги, селянка. Хрустим, жуем-
едим — челюсти скрипят. А после бражки да пива, после водочки еда хорошо в
горло проплывает, не застревает. Суп у них всегда куриный — жир переливается,
желтым-желто. А из молочных больше всего любила варенец — густой, жирный, с
пенками.

Но главное — не еда. Главное — праздничное настроение, веселье, песни да
пляски.

Тетя Варя еще за столом начинает свои прибаутки:

Сердце разрывается, сердце разрывается,
Не знаю, не знаю, из-за чего.
Есть в Заречье Егорка,
Так ведь, наверное, из-за него...

Дядя Егор посмеивается:

Но, но... Гони дальше...

И тетя Варя «гонит»:

Меня мама всегда ругает
За лен, за кудель,
За лен, за кудель,
За гулянье допоздна...

Дядя Петя, хозяин, тут же достает с полатей балалайку, садится на лавку, рас-
правляет широкую, что веник, бороду — и начинается как раз то веселье для души,
ради которого мы и собрались.

Игрок он резвый, хорошо тренькает. И как начнет играть, мы сразу же выходим
из-за стола и давай горланить частушки, танцевать-плясать. Иногда и сам музыкант
с нами скачет. Он хоть и ростом не выдался, а весельчак великий. Танцует «Бары-
ню», «Цыганочку», но подтрунивает над коми-пермяцким «тупи-тап» — «старушь-
им» называет, а играет для нас. А вот частушек он знает столько, что целый час
может петь. Наверное, другого такого нигде нет. Я не знаю человека, который бы
перепел его.

От него же, думается, заразился частушками и мой муж. Он знал их, любил слушать, а сам мало когда пел. А когда встретился с дядей Петей, дуэтом стали петь, соревноваться с ним стал. От него же Виктор усвоил коми-пермяцкие частушки. Да не только стал петь по-коми, но и переводить их на русский. В насмешку, конечно. Протараторит, бывало, своим басом сначала по-пермяцки, и тут же по-русски.

Перестанет тренькать дядя Петя — заводится дядя Егор. Его, как говорится, хлебом не корми, но дай попеть. Плясать он никогда не пытался — грузноват, неуклюж, а языком молот, и в голове у него много всякого, даже Некрасова, Крылова и Пушкина знал. Голос его не сильный, но приятный, с чуть заметной дрожью. Поет, а руки играют — пальцы щелкают. Любил «Коробушку», «Златые горы», «По Дону...», «Иза острова на стрежень...», «Хасбулат удалой...», «Бродягу», «При лужке...» Пел солдатские, матросские, какие-то блатные про Перепетую да туркестаночку. Он грамотный и добрый мужик, воевал в Гражданскую и Отечественную, некоторые песни с войны и принес.

Еще какую-то «тюрюмпапу» пел:

Так наливай, брат, наливай
И все до капли выпивай!
Вино, вино, вино, вино,
Оно на радость нам дано!
По рюмочке, по маленькой,
Тюрюмпапа, тюрюмпапа...

Тут приходят двоюродный брат Петя и его жена Анюта. Он — от люльки гармонист. Еще гармошку не мог держать, так девушки сами гармошку тащат и его ведут за руку на вечеринку. И к нам без гармошки не заходил. А голоса гармонные — малина!

Анюта моложе нас, так поет свои: «Рябинушка», «Каким ты был...». Вот эту очень красиво исполняла:

Пропел гудок заводской,
Конец рабочего дня,
И снова у проходной
Встречает милый меня...

Голос звонкий, на всю избу звенит, как и гармошка.

Тетя Аграфена была тихой женщиной, стеснительной, так очень редко плясала и пела, разве тихонько когда-нибудь нам подпоет, а чаще со стороны на нас смотрит, любит нас да улыбается. Из ее песен я запомнила лишь несколько коми-пермяцких песен: «Родился-рос...», «Много девушек собралось...», «Наступи, хорошая жизнь!..»

И было, что пить, и выпивали, а чтобы с ног валиться — такого не бывало. Это, наверное, все потому, что перемогало веселье.)

Рассказ очевидицы супрядки В. В. Швецовой
(77 лет, г. Кудымкар, 2002 г.)

Косогорись Петька дядьё да Опонась тёткаё локтісё сёрөнжык. Пырис дядьё керкуас, шуис печкисселё: «Кузь сыв тiянлö!» — да юалис: «А кытöн менам печканö?» Сылö шуисё: «Гортат, натьтö. Разь печкан бы?» — «Печкышта бы!» Сетöны печкан, сiя пуксис да печкö, дзик жö инька. Удiсö ырöш. Сiя сетiс печкансö, юис да петiс öтөрö нес пилитны. Мужиккес коласiсь керкуас кольччис öтнас дедö. Сiя кыйис нинкöм да висьтасис бывальшиназз. Мамö юкталiс печкисселö брагабн, нiя пондiсö сывны «Вечор девица...» Час ли, кык ли чулалiс — виль чöрссзз пондiсö тыртны, а Мари баб кутчис ректасны.

Но вот павжсун лоис. Печкиссез дзевисö печканнэзнысö полатьö да гöбечö, сёйны лöсьöтчöны. Оча сувтöтiсö кык пызан, ны вылö ыджыт бекöррез тэчисö — кушман, няннез вайисö, паннез.

Пырисö мужиккез, гывйиштiсö кизэнысö — и пызан сайö. Ны бöрсянь иньказз пуксисö. Кин эз тöр — сувтсөн сёйöны. Сэсся шыд, яя капуста вайисö, каша. Панясöны, вырскöны, и кыв висьтавны некöр.

Локтiс Сюромка Яшка, горöтчис:

— Нянь-сов!

— Лок нянь сёйны! — шуисö сылö, да удiсö брага. Яков юис, пуксис лабичö. Иньказс шуöны:

— Тэ, Яков, мыля нö гармоннятöг. Орсыштiн бы миянлö...

— А приказ эз вöв. Корасö, дак рытнас локта.

— Лок, лок, ештан дак, — корис тятьö.

Сёйисö, юисö — и бöра печкыны: только и кылö шырр да шырр!..

Рытнас эшö сёйиштiсö да юыштiсö. Сэтчö локтiс Яшка, орсны пондiс. А инька-эслö мый колö — сывны да йöктыны пондiсö...

(Дядя Петя и тетя Афанасья из Косогора приехали попозже. Дядя зашел в избу, сказал прядильщицам: «Длинного волокна вам!» — и спросил: «А где моя прялка?» Ему ответили: «Дома, наверно. Разве прять захотел?» — «Попрял бы!» Дают прялку, он садится и прядет, будто женщина. Подают ему брагу. Он отдал прялку, выпил бражки и вышел во двор — дрова пилить. Из мужиков в избе остался один дед. Он плел лапоты и рассказывал бывальщины.

Мама угостила прядильщиц бражкой, они запели «Вечор девица...»

Час или два прошло — новые веретена стали наполняться, и бабушка Мари стала мотать пряжу на мотовило.

Но вот обед настал. Прядильщицы убрали прялки на полати да голбец, к обеду готовятся. Поставили впритык два стола, на них поставили чашки с редькой, положили ложки, хлеб.

Зашли мужики, сполоснули руки — и за стол. За ними сели женщины. Кто не уместился, стоя едят. Еще на стол подали мясной суп, капусту соленную с ломтиками мяса, кашу. Хлебают, смачно вырывают и слово молвить некогда.

Пришел Яшка-сюромка, проговорил:

— Хлеб-соль!

— Иди хлеб есть! — ответили ему и подали брагу. Яшка выпил, сел на лавку.

Женщины говорят:

— Ты, Яков, почему без гармошки? Сыграл бы нам...

— А приказа не было. Позовут, так вечером буду.

— Приходи, приходи, коли сможешь, — позвал отец.

Поели, попили — и снова прятать: только и слышно — шырр, шырр!..

Вечером еще поели да выпили. Тут явился Яшка, заиграл. А женщинам что еще надо — петь да плясать стали...)

Беседа с руководителем фольклорного коллектива «Бичир» А. А. Климовой

— *Александра Алексеевна, святкася луннэсё коми-пермяккез шуёны «светтё» нето «цветтё». Кыдз этö везжортны?*

А. А. Да эта сия жё, мый рочеслөн «святка». Комиён «светтё», а рочён — «цветтё», «цветение». Сидз шуёны сысянь, что нуэс «дзоридзасьёны» сэж — куржа-витёмось. Ачыс ёторыс радуйтчö — шондйыс эд гожжумлань бергöтчис. Да и йöзыс радöсь. А эшö лыддьёны сидз: ежесли светтёнас дзоридзасьё, дак и гожжумнас дзоридзыс тыр лоас.

— *Светтё костас медыджыт луннас шуёны Розосвосё. Кыдз эта йылись думайтат тийö асьныт, тиян семьяныт, соседдэзныт?*

А. А. Розосво — светтёлөн медодзза лун, медыджыт тöвся праздник. Сэсся — Василий лун, сия жё — важ Виль год. Розосво бöрся неделяыс шусьö «святöй», а сыбöрсяыс — «повзьöтчан». Светтёсö помалö Крещеннё. Розосвоыс — öддöён аскодь праздник, юрбитись мортлö — святöй лун. Менö эзö велöтö юрбитны, эзö новйöтö вичкуö, но оджжык сия меным кажитчис зэв ыджытöн и мöддэс сьöртi нач мöдкөдьöн: мыйкö дзик важся-важ и страсть донa. Да ме ог вермы не радейтны сийö, мый вöлi аймамöлö донa. А талун меным, не юрбитись мортлö, Розосвоыс просто гажа праздник, кöдö мийö керлам Культура керкуын нето кинкö ордын. А соседдэзö йылись верма висьтавын только сийö, что быд мортлö Розосвоыс — аскодь. Öтиккеслö сия — гажöтчöм, мöдиккеслö — лов понда святöй лун, сидз кыдз юрбитисьлö Христос йылись дума сетö, кокньöт, шогсö вашöтö.

— Тійо, тыдало, религияыскот од лыддисьо?

А. А. Лыддися. Но школаыс мено учотсян кидтис Еныс дорись. И ме порисьодз эг ветлы вичкуо. А быдми Ен райдейтисез семьяын. Айо, Алексей Андреевич Мехоношин, и мамо, Варвара Петровна, кеймисо Енло, тодосо вичкулис и отирлис обрядодз, и мийо, нылн пияннэз, часто керлывлім ны моз жо, кыссим светтёся играэз дыно, ворожитчывлім.

— Кыдз пантавліс Розосвосо тіян семьяанит, кыдз лосьотчывлісо сы кезо?

А. А. Лосьотчыны пондылім, натьто, товся Миколаян, кор ветпывлім Кудым-карё, вичкуо юрбитны да базарын босьтасьны. Мыйко сэтчин вузалім, мыйко босьтлім — горд чери, изюм, пряничоккез. Но светтёсы пондотчывліс не Розосвосян, а сы паньто — Сочельнико. Дак сысян и колд пондотны баснисо... Ся лун кезо быдос ни миськалём да пєслалём, керкуын — веж видзо, порядок быдлаын. Ежели сартас сотлісо, дак Сочельник кезас керосинок босьтлісо. Дак вот, Сочельникнас кыдз позьо одзжык гор лонтасо да перво сочоннэз пожаласо, а вольсь стряпайтны кутчасо. Хозяйка-лн уджыс горшви, отнасло быдос не керны, и мамоло пыр отсавліс айо да ыджытжык челядьыс. Быдос керсо лоня, неки оз шумит, оз чєпсась. Эд Сочельникыс — лонь праздник, рамыник, и сы йылісь мийо быдонным тодім. Мый тиоктасо керны, мийо сійо и керам: кин картов поєсалё, кин капуста нето калиг орийн масьто. Айо и керкуас, и оторас ешто. А горын да городзас — тыр кашник да чугун — эд колд пуны да пожны 12 сєян да «вердны» нійон быдос локтан годся месяцєсё. И эта стряпняыс быдос коєлунся.

— Кытиом сєяннэз сэтчо пыртоны?

А. А. Шыддэз — шомашыд, тиакьяшыд, горошница, капуста шыд. Кашазз — калигись, картовись, шыдбєсїсь; киселєз, тэсь да быдкодь пирёгыс. А главнөйыс — куття. Сійо пудны рисись нето тусись, сэтчо содтоны изюм. Но куттясо сєйоны ритнас, кор мыччєяс медодзз звезда. Но эта — не простой ужин, а обрядовөй. Ся пондотчо сідз. Куттяа кашник нето чугун сувтононы пызан шорё. Сы бокө тэчоны модік сєян да юан. Вольсь оттоны масись, мымдако юрбитоны Енло да пуксьоны пызан сайо. Хозяиныс поздравляйтө локтан праздникон да висьталё: «Сет, Ен-батушко, бур здоровье этө светтёсо чулотно да вильо видзчєсьны...» Ся жо медодз паньышито куттясо, петө оторё да резышито паньсис. Кыдз пырас, семья пуксьо сєйны. Сєйов-керасо да паннезнысо мортасо куттяас и бора петоны оторё. Хозяиныс кырымас петкөто кынымко тусь куттясис «морозлө», «вердө» сійо да корө, медбы «морозыс» эз кынт сылісь сюэз да карч. Кор пырас, видзөтоны, быдос я паннес сулалөны кашаас: ежели кинлөнкө усьом, дак сылө дырсо не овны.

— Вөвлі я, что паньыс порё?

А. А. Эз, эз вөвлє сэтшөмыс не мян семьяын, не деревняас.

— Тійо висьталім, что Розосво — ыджыт праздник, а ыджытыслө эд и ыджыт чєсть колд. Кыдз сійо чулөтлісо гортын и йөзын?

А. А. Асывнас — бора жо гор одзын жөдөзны: тожо 12 сєян колд лосьотны. Сур да

брага вильдѣны, а то и вильѣ керѣны. Завтрак вотѣдз семья сувѣ юрбитны, хозяйн
лыдѣдѣтѣ тропарь Христослѣ да благословитѣ семьясѣ праздничайтны, овны-уджав-
ны: мед быдѣс вѣлі бур гортын, картаын, ыб вылын. Часовня миян деревняын эз вѣв, а
мѣдіклаѣ ыджыт морозззз кузя етиа ветлывлісѣ. Ылісѣ гѣссез тожѣ эз вовлывлѣ, а
гортіссес, соседдзным, медодз мужиккес, часто пыравлісѣ. Нійѣ юкталѣны брагаѣн да
сурѣн, а сѣсся хозяйн баитѣ ныкѣт кольѣм год ылісѣ, мый да мымда запѣм тѣв кежѣ,
мый ковсяс керны локтан годѣ. Обед бѣрын мыччыслісѣ славитісѣ челядѣ. Нія пырасѣ
керкуѣ, сьылѣны, гѣснечез корѣны:

Уродилась коляда
Накануне Рождества
За речкою, за быстрою,
Пришла в избу крестьянскую!
Коляда, коляда,
Ты подай пирога...

Нылѣ сетѣны пирѣггез, шаньгаз, мыйкѣ чѣскытѣ, удѣны не курыт сур. А кызди
ѣктѣны игра понда деньга, тожѣ оз откажитѣ, мымдакѣ сетышитсѣ. Примета миян
вѣвлі сѣтійѣм: ежесли он сет, аслыт умѣль лоас. Сійѣн и, кѣтъ грошок, да сет. И эта
лунѣ некин эз откажитлы. Рытнас стариккезѣс, старухазѣс, шогалісѣ морттзѣс
дозирайтлісѣ. Рытнас кѣр и маскаррез ѣркѣтѣны, керкуѣ корсьѣны:

Эй, хозяева хорошие,
Не скупые и пригожие!
Двери шире распахните-ка
И гостей к себе впустите-ка!..

Хозяин осьтас ыбѣссѣ, и маскаррез гамазѣн уськѣтѣны керкуѣ, пондѣны сьывны да
йѣктыны. Сѣтѣн и нывказз, и зонказз, и иньказз. И некинѣс он тѣд: чужѣм выланис
масказз, вывтаныс мѣдѣбра пассез, зипунжуггез, кианыс котомказз да сумказз, кѣда мас-
катѣм, дак садѣм рожая. И быдса оркестр: гармоння нетѣ балалайка, горпѣдан нетѣ
ведра, сяркан... Кытійѣвтасѣ деревнясѣ — и орсны, игра вьлѣ.

— А игра вылас мый керсьѣ?

А. А. О-о, мыйыс только сѣтѣин оз овлы! Розосвося рытыс — только орсан ныр,
пондѣтѣм. Орсіссес — нывказз да зонказз. Нія миян унакодѣ — двадцать дѣгѣр чукѣрт-
чывлѣны. Да гармонист — сытѣг играыс абу игра. Видзѣтнытѣ локтѣны и челядыс, и
пѣриссес. Орсны пондѣтѣны «Вдоль по речке...» сьыланкывсянь. Сыбѣрын йѣктѣны, сѣсся
шутитѣны-ыжмалѣны да бѣра кругѣн сьылѣны. Некытійѣм сценарий сѣтѣн оз овлы, а
уна годдзз сѣрна аркмѣ мыйкѣ план кодѣ, но ѣткодѣыс некѣр оз овлы: мый-нибудѣ да
вильѣ пыртѣны. И быд рытыс аскодѣ. Орсіссескѣт сьывлѣны-орслѣны и нія, кин локтіс
видзѣтны. А кѣр гармонист пондѣтѣ «тупи-тап», том и пѣрись нетѣ йѣктыны. Вот
сідз челядыс и велалѣны орсаннзс дорѣ. Ѣтѣк инька тай кызкѣ висѣтасис меным: «Кѣр
первусь игра вылас сюри, полатьсянь видзѣтѣ только. Нывказз чикисяѣс, ленточказз,
вывтанис чочком ковтазз да сѣд юбказз, басѣк платьезз, коканыс ботинки да туфли.

*Зонкаэс гёрд да лѳз йѳрнбсаѳь, сапогаѳь. Ордѳн мекѳт воротника пальто куйлѳс да чѳчком-чѳчком да небьтѳся-небьт ѳаль. Ме улѳ видѳѳта и ачым ѳальсѳ малала. Музы-
касяняс, ьдѳжыт гажсяняс, басѳка пасьтасьѳм йѳзысянь сьѳлѳмѳ потласьѳ... Сэксянь и
пондѳ любитны играэсѳ, деревнясѳ, сьтѳсь олѳссесѳ».*

— Музыканттэс, тыдало, ассиныс делонысö тöдiсö. Ния уна вöлiсö?

А. А. Не оддён. А тырся гармонистным, главнѣйшым, Василий Иванович Попов вѣлі. Онѣ сылѣ 75 год, а сѣ отсалѣ, некѣр оз откажитчы. Кадрильсѣ сія только и куужѣ орсны.

— А эмось я аскодь, кекурскёй, номеррез?

А. А. Көр абу? Сійд жә кадрийсә некытән районас оз йөктә, а мян нель нара нетһны. Өнi и зонкас кадрийсә йөктһны. Комиһн сылам йөктһтан да орсан сылан-кыввез. А «Скоморох идёт по улице...» мийд не только сылам, но и орсам — быдса инсценировка. Да разь висьталан быддс сийд, мый керсә? Медбь вежортһны игразсә, нийд колд адззывны, а эиш буржык — аслыт орсны. Овлд и сідз, орсікас пырб «ош» нето «коза», и мыйсә только оз мыччалд! Өтік инька тай мддтчывліс сюра мдсә... Асьяпонддз горалд сылм, кылһны анекдоттз, загадказ, пословицаз да поговорказ.

— Кодуллес орсаннэс коста оз етшасьö?

А. А. Эзё, эзё. Көр и пырыштас кинкё ырѡша-винаа, дак эд праздникис сы понда и керѡм.

— Коми-пермякес бура радейтоны Василий рыт, январь тринадцатой лун.

*А. А. А, натъѣ, сійѣн, что сэж аскодь ужин керёны: быд мортлѣ колѣ пѣ виль-
ѣтны «юркок» — пермяцкѣй стряпня. «Юркок» — сія балялѣн нето порсьлѣн пѣ-
жѣм юр да коккез. Кѣр мыччисяс рытнас медодзза звезда, хозяйка кыскас «юркоксѣ»
горись, торйѣтас яйсѣ да веммесѣ косказ бердись да пуктас торья бекѣррезѣ. Яйсѣ
мымдакѣ сѣйѣны ужнайтікас, а мымдакѣ пуктѣны студень вылѣ. Сѣйтѣдззас хозяин
рочалѣ быдѣс святѣйесѣ да семьясѣ «юркок вильѣтны», «пельчук сѣйны». Ужин бѣрся-
няс толмес муѣны орсны, а пѣриссес керёны студень — важ Виль год понда медодзза
сѣян.*

— Василий рытыс помалё «святой» неделясё, а вазе Виль годыс пондётё «повзёйтана» рыта неделясё. Мыйён ния рытитэс полётёны отирсё?

А. А. Шуоны, что сія неделя коста бѣбалѣны чуддѣз. Вот нія и повзѣѣтлѣны пѣ
отирсѣ. Эта кадѣ пѣрисъжыккес пукалѣны горттѣзаныс. Томмес ворожитчѣны. Но
ѣтѣкѣн, ежесли эшѣ ойиѣѣр гѣгѣѣрас, некин оз ветлѣт.

— Тийö вoрoжитчит эсö?

А. А. А кытийм нывка эз ворожитчывлы? И пими ворота вевдөрөт чапкавлм, и туйвеж дорö пуксывлм кывзисыны. Менам төдвылын вай да зеркалоö видзөтөм. Вот кызд вөли сия. Ворожитчим Крещеннө рытө. Вайим ойшорнас ва. Блюдечко вьлө ме пуктi пöимок, сы вьлө — юрси тылөп, а тылөп вылас — стакан. Стаканас лэдзи чунькыти, кисьтi ва, öтi масись да босьтi зеркало. Подружкаö кусөтис лампасө, и быдөнным чөв керсим. Ме пондi видзөтны зеркалоас, көдö стакан вевдөбрас видзи. Чожа мыйкө мыччи-

сис. Буржыка видзёті: солдат, звездочка шапкадн, кыс — морос одзас кѡстѡм, кѡлок вылын. И мый жѡ лоис? Быль лоис ворожитчѡмѡ!

— А мѡдмоз, лѣкжыка, эд ворожитчывлѡ?

А. А. А буди, чуддэсѡ кывзывлім, туйвежас. Чукѡртчам, пернаэз голяись чѡвтам, йіэз, а нывкаэс — и ленточкаэз, сыннанэз чапкѡны, эшѡ чикиссез путиѡтѡны. Сідз лѡсьѡтчасѡ, сувтасѡ чукѡрѡн туйвеж шѡрас, гѡрмѡтчанѡн чертитасѡ, кунясѡ синнэз да и кывзѡны. Кывсяс силькан гор — свадьба лоас. Жѡникыс нетѡ невестаыс сыланись шедас, кысянь горыс кывсяс. Кылас кѡ горзѡм — дзебсьыны ковсяс... Бертасѡ керкуас, а эстчин пызан вылын чышкѡтѡн вевтѡтѡмѡсь, «козининэз» куйлѡны — няньтор, шомок, акань. Локтан пызан дынас, кунян синнэтѡ и, кѡр осьтасѡ вевтѡссѡ, мыйкѡ босьтан. Няньтор шедас — богатѡй жѡник, шом — кузнец, плетѡ — жѡник лоас тышкасись, акань — видзчись кага.

— Крещеннѡ — светтѡлѡ пом. А помыс — быдѡс уджыслѡ вевт да пѡдан. Мыйѡн жѡ пѡднассывліс эта гажа праздникыс?

А. А. Крещеннѡ паньтас — мѡдік Сочельник, кѡс жѡ, абу ульлунся сѡяна. Сіа одззас кодѡ жѡ лѡнь праздник: оз видчѡ, оз чирзѡ, Ен нимѡн олѡны. И бѡра жѡ куття сѡйѡны, только сыбѡрсянь, кызд святѡй ва часовняись нетѡ вичкуись ваясѡ. Часѡт син одзам кызд айѡ пернапасасяс, корас Енлісь благодатьсѡ, паньыштас куттясѡ, ѡшын одзѡ сувтас да шуас: «Мороз, Мороз, лок мянкѡт куття сѡйны. Сѡй да гѡжумнас сюэсѡ да лѡнісѡ эн кынты!» — и петкѡтас кашасѡ Морозыслѡ. Сіа жѡ луно керкуись да амбарись ыбѡссез мелѡн кресталѡны, медбы сэрпѡс вынсѡ ваиѡтны. А кѡркѡ старухас гѡрмѡтчанѡн чуддэзѡс ваиѡтлѡмась... Крещеннѡс лыддям тожѡ ыджыт праздникѡн и бура пѡрйѡтам: сурѡн, брагаѡн, винаторѡн и чѡскыт сѡяннэзѡн. Да Крещеннѡнас и касьтісям эшѡ, сійѡн и черинянь да пельняннез керламѡ — кулѡммесѡ потишуйтамѡ. Конечно, шорсис да колодецись ва босьтлім — сіа эта луно лѡѡ святѡй — и видзлім этѡ васѡ виль Крещеннѡдз, кызд лекарство.

— Тійѡ пыр уджасаліт, кызд баитсѡ, шѡччисьлытѡг. И тиѡтши этакѡт керит ыджыт общественнѡй удж. Кысь нѡ сымда вынсѡ босьтіт?

А. А. А эстисѡ жѡ и босьті — уджсис, отирсис, олансис. Керан тай, вѡвлі, йѡзыс понда мыйкѡ бурѡ, деревняислѡ мыйѡнкѡ отсалан, — и аслыт бур, сѡлѡм вылын гажа. А мымда вѡлі эстиѡмыс — кин лыддисяс? Мыйсѡ только эг чулѡтлѡ: и «Учѡт деревняэзліс праздниккез», и йѡктиссез понда школа осьтлім, розосвѡся праздниккесѡ керлім, играэсѡ, выступайтлім городас и районісь посаддэзас. Девяностѡ годся Парамоновна баб баитліс: «Тѡ, Александра, кык вына мяян. И сѡ том, и менчим лолѡс томмѡтан. Атѡтѡ тѡзыт сы понда». Эстиѡмыс — тожѡ бур заряд, уджын вын содтѡ.

— А жѡникныт эз падмѡтлы общественнѡй уджынтѡ? Эд ыджыт семья, асланыт хозяйство.

А. А. Эстиѡмыс эз вѡв. Жѡникѡ, Василий Федорович, сознательнѡй морт, вежѡра. Может, кѡр и выргыштас, но медбы дзугны дело — сіа эз вѡв. Адззис эд, что не слава сѡѡрын вѡтліся.

(— Александра Алексеевна, святочные дни у коми-пермяков называются «свет-тё» или «цветтё». Как это понимать?

А. А. Да это то же самое, что русское «Святки». «Цветтё» — искаженное «цветьё, цветение». А так называют потому, что во время Святков деревья стоят в «цвету» — инее. Это — природа в радости: солнце на лето повернуло! Да люди рады этому. А еще считают, что если нынче «цветение», так и летом то же самое будет.

— Одним из главных дней Святков является Рождество. Как воспринимаете его Вы, Ваша семья, соседи?

А. А. Рождество — вступление в Святки, самый большой зимний праздник. Затем — Васильев день, он же — старый Новый год. Неделя до Васильева дня называется «Святой», а после него — «Страшной». А закрывает Святки — Крещение. Рождество, конечно, особый праздник, для верующего — священный день. Для меня, воспитанной в духе безбожия, раньше он казался необычным тем, что в нем чувствовалось что-то древнее и незыблемое, внушающее уважение. Да я не могла не знать то, что было по душе моим родителям. А теперь для меня, так и не ставшей набожной, Рождество просто обрядовый праздник, который мы устраиваем в Доме культуры или в частном доме. Что касается соседей, так ведь Рождество у каждого свое. Одному оно забавное веселье, другому — святой день и праздник для души, так как верующему с думой о Христе легче жить и даже страдать.

— Выходит, Вы отрицаете религию?

А. А. Нет, не отрицаю. Но школа меня с детства отлучила от веры в Бога, и я до старости не ходила в церковь. А росла в религиозной семье. Отец, Алексей Андреевич Мехоношин, и мама, Варвара Петровна, были благочестивыми, соблюдали церковные и народные обряды, и мы, их дети, в какой-то мере были причастны к религии, к тем же святочным обрядам, играм и гаданиям.

— Как отмечали Рождество в Вашей семье, как к нему готовились?

А. А. Готовиться начинали, пожалуй, с Николы зимнего, когда в Кудымкар на богослужение да на базар ездили. Что-то там продали, что-то купили — рыбу красную, изюм, пряники. Но Святки-то начинались не с Рождества, а с его кануна — Сочельника. Так давайте с этого и начнем... К Сочельнику уже все помыто-постирано, в доме — полный порядок, чистота. Если раньше вечерами лучину жгли, то к Сочельнику добывается керосин. Так вот, с утра пораньше печь затопят и сразу испекут сочни, а затем принимаются застряпню. У хозяйки хлопот полон рот, одной не успеть, и нашей маме помогали и отец, и старшие дети. Все делалось без шума и суеты. Сочельник — тихий день, скромный, и об этом помнили все. Задания даны: кто-то овощи чистит, кто-то капусту или калигу в корытце сечет. Отец и во дворе, и дома успевает. А шесток и печка полны чугунков да горшков — ведь надо приготовить 12 блюд и «накормить» все двенадцать месяцев наступившего года. К тому же вся еда постная.

— Что из себя представляет эта еда?

А. А. Из первых блюд — суп перловый кислый, грибовница, гороховый, щи. Из вторых — каши крупяные, овощные, кисели, толокно да еще пироги всякие. А главное блюдо — кутья. Она варится из риса или другой крупы из цельных зерен с изюмом. Но кутью обычно едят вечером, при появлении первой звезды. Церемония ужина такая. Горшок или чугунок с кутьей ставится на середину стола. Вокруг другие кушанья и напитки. Перед образами зажигается свечка, и после короткой молитвы семья садится за стол. Хозяин поздравляет с наступающими праздниками и высказывает пожелание: «Дай, Боже, доброго здоровья все Святки провести да новых дожждаться...» Он же первый берет в ложку кутью, выходит во двор и там опрастывает ложку. С его возвращением начинается ужин. Полакомившись кутьей, все выходят во двор, а ложки стоймя оставляют в кутье. Хозяин в ладошке опять выносит несколько зерен кутьи Морозу с просьбой не портить посевы и посадки заморозками. Заходят в дом и наблюдают за ложками в кутье: если чья-то упала, тому долго не прожить.

— Случалось ли, что ложки падали?

А. А. Нет, в нашей семье и в деревне такого не было.

— Вы сказали, что Рождество — великий праздник, а великому ведь и почести великие. Как его проводили дома и в общественных местах?

А. А. С утра — хлопоты у шестка: опять же готовят целую дюжину блюд. Пиво подновлено, брага свежая. Перед завтраком семья встает на молитву, хозяин читает тропарь во славу Христа, благословляет семью на празднование, на житье-бытье в новом году: чтобы все было благо в доме, во дворе, в поле. У нас часовня была в другой деревне, и в этот день ее посещали редко из-за морозов. И дальние гости почти не бывали, а местные родственники, соседи, обычно мужчины, заходят с поздравлениями. Их потчуют бражкой и пивом, а затем беседуют о прошедшем годе, о запасах на зиму, о предстоящих работах в новом году. После обеда появляются ребята-славильщики. Они заходят в дома и поют песенки-пожелания, гостинцев выпрашивают:

Уродилась коляда
Накануне Рождества
За речкой, за быстрою,
Пришла в избу крестьянскую!
Коляда, коляда,
Ты подай пирога!
Не дадите пирога —
Мы корову — за рога!
Не дадите шанежки —
Унесем мы варежки!

Им дают пироги, шаньги, угощают сладким, не хмельным пивом. А если собирают деньги для устройства игрищ, то и в этом не откажут. Была примета такая: откажешь — себе навредишь. Вот хоть грошик, но подай. И нищему в этот день никто не

отказывал. Одиноких старцев, немощных людей посещали. Вечером, бывало, ряженные, маски, в двери стучат, в дом просятся:

Эй, хозяева хорошие,
Не скупые и пригожие!
Эй, боярышни красивые!
Эй, девицы неспесивые!
Двери шире распахните-ка
И гостей к себе впустите-ка!
К вам — соседи ваши близкие,
Не высокие, не низкие,
Не широкие, не узкие,
Все — бояре чисто русские!
И пришли мы не с помехою,
А с весельем и потехою!

Хозяин открывает, ряженные кучей вваливаются в избу, начинают плясать да петь. Тут и девушки, и парни, и женщины. И не узнать, кто есть кто: в масках, в вывернутых шубах да в старинных зипунах, с котомками да сумами, лица в саже. И шумовой оркестр: гармошка или балалайка, заслонка или ведро, колотушка... Пройдутся по деревне — и на игрища.

— А там-то, на игрищах, что?

А. А. О-о, чего там только не бывает! Рождественский вечер — начало веселий. Играющие девушки да парни. Их у нас десятка два бывает. Да гармонист — без него и игра-то не игра. Зрители — пожилые да дети. Вечер начинается круговой песней «Вдоль да по речке...». Затем пляска, потехи, опять песня игровая. Сценария тут нет, но с годами составила какая-то схема, хотя однообразия не бывает: ежегодно что-то новое. И вечер на вечер не походит. С исполнителями часто поют и те, кто пришел смотреть. А если гармонист заиграл «тупи-тап», в круг встают и стар и мал. Дети вот так и приобщаются к народной культуре... Одна, ныне взрослая, рассказывала мне: «Когда впервые на игрища взяли, я с полатей смотрела. У девушек в косах яркие ленты, одеты в белые кофты да в черные юбки, красивые платья, на ногах ботинки да туфли. Парни в красных, синих рубашках, в сапогах. Рядом со мной пальто с воротником лежало и белая-белая мягкая-мягкая шаль. Я вниз смотрю и рукой глажу ее, а у самой от музыки и от такой красоты сердце рвется... С тех пор и полюбила игрища, зауважала деревню, людей».

— Музыканты свое дело, видать, знали. Их много было?

А. А. Не богато. А коренной гармонист у нас — Василий Иванович Попов. Ему уже 75, а нас не подводит. Все мелодии кадрили только он и знает.

— А есть ли свои, чисто кекурские, номера?

А. А. Конечно, есть. Ту же кадрили в районе и не танцуют, а у нас четыре пары выходят. Теперь и мальчики танцуют ее. На коми-пермяцком поем игровые и плясо-

вые песни. А песня «Скоморох идет по улице...» у нас не просто песня, а целая инсценировка. Да разве обо всем расскажешь? Чтобы судить об играшках, их надо увидеть, а лучше поучаствовать в них. Бывало, в разгар игр в избу ворвется «медведь» или «коза», и начинаются всякие выкрутасы да фокусы. А одна женщина рядилась в маску рогатой коровы... До поздней ночи звучат песни, анекдоты, загадки, пословицы да поговорки.

— Выпивохи на играшках не бузят?

А. А. Нет-нет. Редкий случай, когда бузотер заявится. Навеселе бывают, так ведь на то и праздник.

— Васильев вечер, 13 января, говорят, особо почитаемый коми-пермяками. Чем он заслужил этот почет?

А. А. А, наверное, тем, что этот вечер обрядовый: каждому полагается попробовать юркок — наше национальное блюдо. Юркок — это с утра до вечера пропаренные овечьи или свиные головы да ноги. С появлением первой звезды хозяйка достает это варево из печи, отделяет мясо и мозги от костей и кладет отдельно в чашки. На ужин подается мясо, а жидкость с небольшим количеством мяса идет на студень. Перед кушаньем хозяин приглашает всех святых и семью «Юркок вильётны, пельчук сёйны» («Голову-ноги облизывать, ухо-рыло есть»). После ужина молодые идут на играша, а старые готовят холодец — первую закуску старого Нового года.

— Васильев вечер закрывает «святые» вечера, а старый Новый год открывает так называемые «страшные» вечера. Что за страх они наводят?

А. А. В народе живет мнение, что вечерами «Страшной» недели шалит нечистая сила. Вот она и пугает людей. В это время пожилые сидят дома. Молодежь развлекается гаданиями. Но в одиночку никто никуда не ходит, особенно в полночь.

— Вы тоже гадали?

А. А. А какая девушка не гадала? И валенки за ворота кидали, и на перекресток ночью выходили. Мне очень памятно гадание с водой и зеркалом. Вот как это было. Гадали в крещенский вечер с подругами. В полночь принесли воду. На блюде я положила золу, на золу — волосинку, а на нее — стакан. В стакан опустила колечко, налила воды, зажгла свечку и взяла зеркало... Подружка погасила лампу, и все замолчали. Я стала смотреть в зеркало, которое за стаканом держала. Вскоре в зеркале что-то появилось. Вгляделась: солдат, в шапке со звездой, рука — поперек груди, на лямке... И что вы думаете? Сбылось гадание!

— А гадания «покруче» бывали?

А. А. Разве что слушание чудов на перекрестке дорог. Подбиралась группа, снимали с себя крестики, пояса, а девушки — ленты, гребенки и волосы распускали. Потом идут на перекресток. Встанут кучкой, очертят себя кочергой, закроют глаза и слушают. Услышат звон бубенца — к свадьбе. Жених или невеста попадутся оттуда, с какой стороны послышался звон. Услышат плач — к похоронам... Вернутся

в дом, а там на столе, под полотенцем, «подарки» лежат — хлебушко, уголек, кукла. Подойдешь к столу, закроешь глаза и берешь что-нибудь. Хлеб попался — богатый жених, уголь — кузнец, плетка — муж будет драчун, кукла — жди ребенка.

— Крещение — конец Святкам. А конец — всему делу венец. Чем же венчались эти веселые народные праздники?

А. А. В канун Крещения — второй Сочельник, тоже постный. Он в основном повторяет первый: та же воздержанность всякая и благочестие, те же кутья и ритуалы, только они происходят уже после того, как принесена святая вода из часовни или церкви. Помнится, отец поблагодарит Бога, выскажет пожелание семье, зачерпнет в ложку кутью, подойдет к окну, скажет: «Мороз, Мороз, иди к нам кутью есть. Угощайся да летом на хлеба и на лен не ходи!» — и унесет кутью Морозу.

В тот день на дверях домов, амбаров мелом ставят кресты, чтобы отпугнуть от постройки нечисть. А когда-то старухи гнали чудов со двора кочергами. Крещение как великий праздник тоже отмечали достойно: с пивом, бражкой, водочкой и вкусной да сытной едой. Крещение у нас считается и поминальным днем, потому пекли рыбные пироги, пельмени варили — угощали умерших родственников. Конечно, брали из речки и колодцев воду — она в тот день считалась священной — и хранили на всякий случай до следующего Крещения.

— Вы всю жизнь трудились, как говорится, не покладая рук. Наряду с этим вели большую общественную работу. Где силы черпали?

А. А. А там же — в работе, в людях, в жизни. Сделаешь, бывало, доброе для людей, деревни дело — и себе хорошо, на душе радостно. А сколько их было, таких дел, — не счесть: и «Праздники малых деревень», и школа танцев для детей, и рождественские игры, и выступления в городе Кудымкаре и районах. Девяностолетняя бабушка Парамоновна, участница нашего коллектива, говорила: «Ты, Александра, двухильная у нас. И все молодая, и мою душу молодишь. Спасибо тебе за это». Такое — тоже хороший заряд для деятельности.

— А муж не мешал Вашим делам? Ведь многодетная семья, большое хозяйство.

А. А. Такого не было. Муж мой, Василий Федорович, сознательный, понимающий человек. Может, когда и ворчал, но чтобы помешать делу — нет. Видел ведь, что не ради славы стараюсь.)

Сведения о фольклорном коллективе «Бичир» Кекурского дома культуры. Коллектив образовался в 1989 году. Инициатором создания и его руководителем стала Александра Алексеевна Климова. Она с детских лет любила петь и танцевать, играла на балалайке и гитаре, читала стихи со сцены. До сих пор увлекается декламацией юмористических и иронических произведений. Коллектив небольшой, но сплоченный и постоянно участвует во всех праздничных мероприятиях села. Ядром коллектива являются пенсионеры, но есть и работающие, и молодежь. Возраст — от школьного до преклонного. Преобладают женщины.

Активистами являются пенсионеры З. И. Швецова, В. И. Попов, В. Г. Яркова, библиотекарь Р. В. Мехоношина, домохозяйка Т. В. Подъянова, а также танцоры Максим Харин, Василий Попов, Андрей Никитин. В коллективе добрым словом поминают бабушку Парамоновну — Е. П. Радостеву. В репертуаре коллектива — коми-пермяцкие и русские народные песни, обрядовые инсценировки, ритуальные припевки, разные потешки.

Коллектив, придерживаясь старинных национальных обычаев, отмечает календарные праздники с использованием обрядовых песен, сенок, игр. С программой рождественских забав «Бичир» выступал в учебных заведениях города Кудымкара, в детской библиотеке, во Дворце творчества юных. Он принимал участие во многих смотрах и конкурсах района и округа. В 1993 году выступал на фестивале национальных культур народов Прикамья в Перми, а в 1995-м показал свое творчество на V Международном фестивале финно-угорских народов в Кудымкаре. Коллектив награжден четырьмя дипломами.

А. А. Климова родилась 27 апреля 1922 г. Получив специальность учителя, более 30 лет проработала в школе. В течение этого времени избиралась депутатом в сельский и окружной Совет народных депутатов, 16 лет заседала в нарсуде, до сих пор возглавляет сельский совет ветеранов войны и труда. Выйдя на пенсию, работала воспитателем в садике, уборщицей в ДК, кочегаром.

Супруги Климовы воспитали четырех дочерей и сына, которые по получении дипломов были распределены в разные области СССР.

Есть внуки и правнуки, которые при первой возможности стараются побывать у гостеприимных бабушки и дедушки.

Из беседы с членом фольклорного коллектива «Бичир», музыкантом Василием Ивановичем Поповым (75 лет, участник Великой Отечественной войны, имеет ранение, бывший механизатор колхоза и совхоза, разнорабочий)

— *Василий Иванович, кызд тійӧ лоитӧ гармонистӧн, кытӧн сідз велӧтчит орсны?*

В. И. Миян увтырын быдӧнныс музыканттӧз вӧлісӧ: мужиккес орслісӧ гармонняӧн, а инькас — балалайкаӧн. Вот нысянь быдӧс и пондӧтчис, ны кузя пондӧ любитныс музыкасӧ... А ӧттыр Троицаӧн миянӧ гӧсь венкаӧн пырис. Гармонняыс сӧттиӧм басӧк да гора — сьӧлӧм потӧ. Видзӧта и думайта: «Вот бы меным сӧттиӧмсӧ!..» И недыр мыйис сідз и петіс: локтіс родня и козыналіс меным важс двухрядка... Армияӧдз орсі простой мелодияз — частушказ, «подорожна», старушказзліс «тусь масьтансӧ», «барыня»,

«русскайб». Война вылас, конечно, не музыкави вёлі. А берті гортб да босьті хромка, понді ладом орсны. Нельки ассим велотісьсб, Макардзель Лёнябс, янбтлі.

Уна деревняын вбблі, орслі игра коста, пукалікб, Троица коста. Сыбббрын велалі орсны вальссбз, танго и комиэзлісь медлюббй йбктан — кадрили. Г. Заволокин одзын орсі, снімайтчи сыкбт. И важ праздниккесб ог вунбтб. То ббра светтб коста рыттэзнас йбзб петавам.

— А эд на вунбтб, кызд челядб кадб светтбнас орсліт, кбр праздниккесб важмоз пбйбтлісь?

В. И. Тбдвылын бтк Крещеннбся Сочельник. Сайми асывнас, кыла: мыйкб чижбтб и чбскыт дук кылб. Видзбта: мамб гор одзын стряпайтб, сылб Ёмель дедб отсалб. Горбм дорас куйлбны сбчбннз: чукброк — шульгалань, чукброк — веськытланьяс, жаритчбмбсь. Мбдб ббсьтны сбчбнсь, а дедб шуб: «Нйб эн вбрбт, нйа нывкаэс понда. Тян веськытланиссес». Пондб ббсьтны ассиным, зонказлісь, а меным ббра шубны: «Норовитышт, сбчбннас эз на котрасб». Адззан, перво колб пб котбртны бтбрбттыс да пантаваны кинбскб и тбдны сылісь нимсб. Вот и котрасисб, медбы тбдны, кызд невестасб да жббниксб пондасб шуны. Бтбрас эшб пемыт, мороз шовкбтб, а котрасиссеслб гажка!

Тбдвылам и бтк Крещеннб асыв. Гортын только инькаэс. Юала, кытбн тятуб да дедб. Шубны: «Чуддэсб вашбтлыны мунісь». — «А мыйлб нйб вашбтлыны?» — «Медбы морттэслб овны эз мешайтб, медбы гоэжумнас сюэсб эз тальб».

Стариккеслбн вблі сэтибм обычай, нйа асможнаныс алансб вежббртисб, обычайесб эз дзугб. Вблісь тбвибр, а нйа виль урожай йылісь ни думайтбны. Керасб сідз, кызд велалбмась, кызд айезныс тиббктывлісь, и олбны жагвыв, — оз чепсасб. А чуддэс, сэплбссес, нйа луннэзб нач вельмбны, амбаррезб да гиддэзб пырбны, сяко вредитбны. Миян шувлісь, что чуддэс деревня саяс олбны, логын. Сэтчин пыр блазнитліс: то воронбй вбв вылын морт мыччасяс, то бузгас сідз, бытбтб пишались льясб. Сизимись ни сідз вблі, бтпырись ме дырни бузгис — говкыс вброкбдззас муніс! Вот нйб чуддэсб и тальбны Крещеннб асывнас, морознас, — деревнясис вашбтбны.

— Но вот мужиккес вашбтисб чуддэсб асланыс позб, логас, йбртисб нйб, а сэсся мый бердб кутчисб?

В. И. Крещеннб асылас, да и мбдік праздниккесб, мужиккес перво брага пешлыштасб, кбда гор вылын кринкаын шбммб.

Вблі сэтибм примета: кызди юышитін брагасб Крещеннб асылб, дак и мбдік Крещеннббн юан... Пырас сосед — и сылб брага удасб. А инькаэзлб асывсаяс юны эз туй — только тырпышитны позис. Брага кружка сувбтлісь пызын вылб — мед воишисб кулбммес.

— Тян семьяын бнбдз сідз керсьб?

В. И. Ме тай висьталі ни, что дедовскбй обычайесб эбб вунбтб, тбдам. Но чуддэсб вбввезнас огб ни тальб. Медббрья годдэзб важ обычаёскбт тбдсасббны и томмес, грамотнбй отирыс вичкуб пондіс ветлыны.

(— Василий Иванович, как Вы стали гармонистом, где научились играть?

В. И. У нас в роду все были музыкантами: мужчины играли на гармошке, а женщины — на балалайке. Вот с них и началось, полюбил музыку... А как-то в Троицу гость пожаловал с венкой. Она такая красивая и голосистая была — дух забирает! Смотрю и думаю: «Вот бы такую!..» И однажды мечта сбылась: пришел родственник и подарил мне старую двухрядку.

До армии играл несложные мелодии — частушки, деревенскую «подорожную», любимую плясовую наших женщин — «туть масьтан» (топотушки), «барыню», «русскую». На войне, конечно, не до музыки было. А вернулся домой и завел хромку, заиграл всерьез. Даже переигрывал своего учителя Макардзель Лёню. Во многих деревнях побывал, играл на вечеринках, посиделках, игрищах, на гуляньях в Троицу. Попозже разучил мелодии вальсов, танго, престижного танца коми-пермяков — кадрили. У Г. Заволокина играл, сфотографировался с ним. И старину не забываем. Вот опять святочные вечера проводим на людях.

— А помните ли Святки своего детства, когда еще соблюдались праздничные обряды?

В. И. Помнится один крещенский Сочельник. Проснулся утром, слышу: что-то шипит и пахнет вкусным. Смотрю: мама у шестка возится, ей дед Емельян помогает. На шестке лежат сочни: кучка — слева, кучка — справа. Белые, чуть поджаренные. Хочу взять сочень, а дед говорит: «Те не трогай, они — для девок. Ваши — правые». Хочу взять свой, а мне опять: «Погоди маленько, с ними еще не бегали». Оказывается, сперва с сочнем надо пробежаться по улице до первого встречного и узнать его имя. Ну вот и бегали, узнавали будущее невесты и женихи, как будут зваться их суженые. На улице еще темно, мороз потрескивает, а бегунам весело!

Припоминается и утро Крещения. Дома — одни женщины. Спрашиваю, где отец с дедом. Отвечают: «Пошли чудов гонять». — «А зачем их гонять?» — «Чтобы людям жить не мешали, чтобы летом посевы не топтали». У стариков было свое понимание жизни, свои обычаи, вот их и соблюдали они. Середина зимы, а они уже об урожае думают. Сделают так, как принято, как положено, и живут спокойно, не мечутся.

А чуды, эти нечистые, как принято считать, в те дни сильно наглеют, в амбары и конюшни лезут да всяко вредят. Их местом у нас считают околицу деревни, где ложок. Там часто блазило: то всадник на вороном коне покажется, то так бухнет, будто из ружья пальнут. Уже семь случаев было, один раз при мне сбугзало — эхо в лесочке отозвалось! Так вот по крещенскому-то морозу топчут тех чудов — из деревни вышибают.

— Ну вот мужики загнали чудов в свои норы, а потом чем занимаются?

В. И. В крещенское утро, да и в другие праздники, мужики первым делом пробуют брагу из кринки, что на печи стоит. Была примета: выпьешь брагу в крещенское утро — попьешь и в следующее Крещение. Сосед зайдет — и ему кружка браги.

А женщинам пить с утра не полагалось — только пригубить. Кружку с питьем ставили и на стол — угощение покойникам.

— Эти традиции в Вашей семье сохранились?

В. И. Я уже сказал, что обычаи родителей помним и считаемся с ними. Но чудов верхом на конях уже не топчем. В последние годы старыми обычаями заинтересовалась и молодежь, многие грамотные люди в церковь ходят.)

Из святочного репертуара фольклорного коллектива «Бичир»

Колядки

1. Христово Рождество

Под окно подошло!
Хозяева, встречайте
Святое Рождество!
С пивом да бражкой,
С пирогами, шаньгами,
Со всем богатством!
Вам — в сусеки да хоромы,
Нам — в корзины да котомы!

2. Сеем-веем, повеваем,

С Новым годом поздравляем!
Чтобы курочки водились,
И коровушки телились,
И кобылки жеребились.
Чтобы счастье и веселье
Было в доме круглый год,
И гостей не впроворот!
От хозяина — денежку,
От хозяйюшки — шанежку!

Припевка к игре «Целование»

— Добро жаловать, добро жаловать,
Иван Васильевич, Анна Ивановна!
Мы на свадьбу, да на свадьбу
Пировать пришли!
Пировать пришли!

— У нас пиво-то не варено,

У нас брага-то не цежена.

— Это где же вы шатались,
Это чем же потешались?

Тийõ кызд олат, кызд олат?

Тийõ мый керат, мый керат?

Олам то кызди, то кызди,

Керлам этадзи, этадзи!

(Вы как живете, как живете?

Вы что поделяваете, что поделяваете?

Живем вот так, вот так,

Поделяваем вот этак, вот этак!)

(Парень и девушка целуются.)

Мийӱ ӱтлаӱ ӱксӱышитӱм,
 И юышитӱм, и сӱйышитӱм,
 Юрын пондӱс кышӱӱышитлыны,
 Мийӱ ӱдззимӱ сылышитлыны.
 Сӱӱӱм сӱылӱмсяняс эз бурмы,
 Гармонистыс локны эз вермы.
 Гармонистсӱ, машкоколь, машкоколь,
 Шадринаын сӱйӱм моль, сӱйӱм моль!
 А гармошкаыс паскалӱма,
 Сиротаиньӱй жугалӱма.
 А разь мийӱ пропадем, пропадем,
 Мыйӱн орсны — не найдем, не найдем?
 Горсӱ мийӱ осьтамӱ, осьтамӱ,
 Горпӱдансӱ босьтамӱ, босьтамӱ,
 Сэсся босьтам коточик, коточик,
 Пондам орсны чики-чик, чики-чик,
 Асьным сывны: «Мама-маменька,
 Тэ судзӱт меным валенки,
 Медбы вӱлисӱ небытикӱс,
 Не ыджытӱс, не учитикӱс!
 Нийӱ коккезам кӱмалышита,
 Ась милӱнокӱ казялышита
 Да кольлышита и окалышита».

Мы в компанию сплотились
 Да маленько угостились,
 В головах стало потенькивать,
 Захотелось нам попесенничать.
 Сердце песней не удобрилось,
 Без гармошки пригорюнилось.
 Гармониста — машкоколь, машкоколь⁸!
 В Шадрино-то съела моль, съела моль,
 А гармошечка осталася,
 Без хозяина сломалася.
 Разве мы пропадем, пропадем?
 Аль игрушку не найдем, не найдем?
 Мы заслоночку да черненьку
 Заберем к себе во горенку,
 Возьмем в руки коточик, коточик,
 Заиграем чики-чик, чики-чик
 Да затынем: «Мама-маменька,
 Ты купи-ка дочке валенки,
 Чтобы были они мягоньки,
 Чтобы были они легоньки,
 По моим да по ноженькам,
 Чтоб заметил мил хорошенький!
 А заметит, так проводит меня,
 А проводит — поцелует меня».

**Рассказы П. И. Ярковой (89 лет, д. Заречный Пешнигорт
 Кудымкарского района, 1998 г.)**

Светтӱёс ворожитчытӱг да кывзӱсьтӱг оз чулав. Ме нывканам уна воро-
 житчи. Дыржык — Крещеннӱ панытӱ, мӱд рыттэзас — етишажык. Василей рытӱ —
 эгӱ, Новӱй годӱ — эгӱ жӱ, а сэтчин нӱль лун кольччӱ. Лӱсьӱтчам кывзӱсьны мунны —
 молитва лыддям: «Ен-батюшко, бережит миянӱс, чуддэзлӱ эн сет. А тийӱ, чуддэз, вись-
 тасьӱ, мый одзлань лoас». Лӱсьӱтчывлӱм паразӱн. Ежели кин паратӱг пуксяс, чудыс

⁸ Машкоколь (коми-перм.) — непередаваемое междометие.

вермас кыскыны круг пытиксис. Пõрисьжыкыс пиас пуктõ енок, босьтõ гормõччан. Кыдз петим, сәсся оз ни баитõ. Лымõттяс õтик туйõт мунам, бытьтõ õтик локтис. Пырам огорейчõ нето ыб дорõ, кекеркаõн пуксям, синнэз куням. Ена мортыс черта керас. Да некытиõм коласок оз коль. Тожно пуксяс, гормõччаныс — кияс... Кыдзкõ тай пуксим Креста улицаõ, дак мый лзбис! Тõв визжõ, ёркõтõ, камõтõ! Мийõ чеччим да, ваассэссь, — гортõ! Сия тулысõ колхоз пансис... Бертам кывзисяняяс, а хозяйка миянõс лабич дорõ сувтõтас. Сэтõн кашниккез да бекõррез кыминялõмõсь. Сьылыштас этадз: «Килõ зõр, килõ ид, килõ батюшко рудзõг! Ноко, чассётõ судзõт!» Сэк ли, не ли, Олялõ сьылис. Оля бергõтис, а сэтõн — акань. И былъ — мирошко чужис — Геняис...

(Святки без ворожбы да слушанья чудов не проходят. Я в девках много гадала. Чаше — в крешенский вечер, в другие дни — редко. В Васильев вечер — не гадали, в старый Новый год — тоже. А там четыре дня остается. Соберемся чудов слушать — молитву читаем: «Сохрани нас, батюшко Ен, не давай чудам. А вы, чуды, сказывайте, что будет впереди». Ходили попарно, беспарного чуд может вытащить из круга. У старшего за пазухой образок, в руке кочерга деревянная. Как выйдем из дома, больше не разговариваем. По снежной целине след в след идем, будто один прошел. Придем в поле или огород, присядем на корточки, закроем глаза. Старший очертит нас кочергой. Да что-бы черта сплошная была, не прерывалась. Тожно сам садится, кочергу из рук не выпускает. Как-то на Креста-улицу пошли, на перекресток, сели, так что тут стряслось! — застучало, зашумело, ветер визжит! Мы вскочили на ноги да, благословясь, — домой!.. Той весной у нас колхоз появился... Бывало, вернемся домой, а хозяйка подводит нас к лавке, где опрокинуты горшки да чашки. Споеет этак: «Кому овес, кому ячмень, кому рожь-матушка! Ну-ка, счастье свое достань!» Тогда ли, в другой ли раз спела Оле, она подняла горшок, а там — кукла. И Оля родила мирского — Геню...)

Ноябрь 10 лунõ — Парасковья. Сия пõ женскõй празник, но тожсо ыджыт. Мамõ шувлис: «Парасковьяис инькаслись олансõ бура тõдõ и жалейтõ нийõ. Тэ, Парань, мездодз юрбит сылõ, мый неладно дак. Масиссõ сылõ ыджытжыкõ сувтõтлы». Ме сидз и керли, кыдз мамõ висьтавлис. Ме эд Парасковьянас эшõ и нимлуна, кыкпõвса празник менам лõб. Но зна годдззõ вичкуас эг ни ветлы, только гортын масисьтор õзтыла. А эд кõркõ Йõгõдз юрбитынтõ ветлим, да эшõ подõн. Ёни вичкуыс и Кудымкарас эм, да кытчõ ни меным. Кувны ни бы, но, тыдалõ, анделõ бережитõ эшõ. Постуйтны дугдõ жõ. Попыс шуõ: «Тэ пõрись ни, сёй, мый колõ — грехыс оз ло».

Вõtасы тай: уси бы, чеччыны оз письты, садьтõм. Но, мыся, Еныс босьтõ дынас. Сия тай кинкõ шуõ: «Чеччы, Парань, мый куйлан!» Мыся, оз вермы. Сия тийõктõ: «Верман, верман, лзбтись-ко!» И чеччи эд! Видзõта: инька мунõ ме дынсянь, чочком паськõма... Сэтчõ сайми, думайта: эта эд, мыся, вежа Парасковьяис вõли. Масисёк бõра сувтõти, юрбити сылõ. Шогали сэк, дак эд лзбтиси, видзõт, кок ылõ сувти.

Парасковьяис миян кõtъ и абу празник, а пыр ырõшок керлим, куликкез пõжавлим, буржыск сёян лõсьõтлим. Кин пырас — ырõш удам, эм кõ — и винаок. Меным шувлисõ:

тэ пё, Парань, Октябрьской праздникё бура уважайтан: нель лун винанас удасян. А ме Парасковьясё уважайті. Но советскойезнас эг жё брезгуйт. И важжесё эг вунотчы. То тай Ёгорей талун, да стряпайті жё. Ачыс Еныс шубма: кыдз пё одё пондё праздникесё керны, дак асьнытё вятё — уджаснас пёдатё. Ме ёні пыр шоччися, а оджык и праздникнас пыр уджасвлі: колхозыс эз лэдз шоччисьнытё. Парасковья лунё и печкыны пё оз ков — ыджыт грех. Сія асылё Парасковьяысліс ме прощеніе корлывлі да вёлись мунлывлі уджасвытё. Эз тай накажит. Раз девяностозз ни сиба-лоны, дак некытшём шогёт, тыдалё, абу. Спасибо сылё, Парасковьяыслё, что бере-житё старухазё.

(10 ноября — Параскева. Это, говорят, женский праздник, но тоже большой, важ-ный. Мама говаривала: «Параскева хорошо знает женскую долю и жалеет женщин. Ты, Парань, перво-наперво молись ей, ежели что неладно. Свечу ей ставь большую». Я так и поступала, как мама велела. Я в день Параскевы еще и именинница, двойной празд-ник у меня. Но в эти годы в церковь уже не хожу, только дома свечку зажигаю. А ведь когда-то в Егву молиться ходили, пешком. Теперь церковь и в Кудымкаре есть, да куда уж мне. Умереть бы уж, да, видимо, ангел мой еще хранит. Поститься перестала теперь. Поп говорит: «Ты уже старая, ешь что хочешь — греха не будет».

Приснилось вот: упала будто, встать никак не удается, совсем ослабла. Ну, ду-маю, Бог прибирает. Ан кто-то говорит: «Вставай, Парань, что лежишь!» «Не могу», — говорю. А мне говорят: «Можешь, можешь, поднимись-ка!» И встала ведь! Смотрю: женщина от меня отходит, в белых одеждах... Тут проснулась, подумала: это ведь святая Параскева была. Свечку опять поставила ей, помолилась. Болела тогда, так ведь встала, смотри, на ноги.

Хотя Параскева у нас не праздник, а всегда брагу варили, кулики пекли, лучшую еду готовили. Кто зайдет, брагу подавали, если есть — и водочку. Мне говорили: ты, мол, Параня, Октябрьские праздники хорошо считаешь: четыре дня водочкой угощаешь. А я Параскеву уважала. Но советскими тоже не брезговала. И старые не забывала. Вот сегодня Егорий, так постряпала же. Сам Бог сказал: если, мол, не будете праздники ус-траивать, так себя погубите работой, задохнетесь. Я теперь всегда отдыхаю, а прежде и в праздники всегда трудилась: колхоз выходных не давал. На Параскеву и прясть, го-ворят, нельзя — грешно. В то утро у Параскевы я прощение просила сперва и потом толь-ко шла на работу. Не наказала. Коли к девяноста приблизилась, так никакой хвори, ви-дать, нету во мне. Спасибо ей, Параскеве, что бережет старух.)

Тёлісёсё мылякё чочком енён шувлісё. Эзё жё эд, натётё, кеймывлё сылё, просто баитлісё сідз, может, серавлісё, весь ышитісё. А вот шондыслё юрбитлёмась кёркё. Дедё менам эз жё юрбитлы нылё, но мукёдпыр пернапас пуктывліс. Вёвлі, вундам зёр, сія казялас, что шонді мыгчысё, и колпаксё чёвтас да крестасяс. А иньказе, мылякё — эзё. Зато нія медодзза тшаклё, медодзза кольталё пернапассэз тэчёны.

(Луну почему-то белым богом называли. Не молились же ведь, наверное, на нее, просто так говорили, может, шутили, зря болтали. А вот солнцу поклонялись когда-то. Дедушка мой по-настоящему не молился на солнце, но иной раз крестился. Бывало, жнем овес, он заметит, что солнышко показывается, и колпак скинет да перекрестится. А женщины почему-то не крестились. Зато они первому грибу, первому снопу крестные знамена творили.)

**Рассказ М. В. Ермаковой (69 лет, с. Пешиногорт
Кудымкарского района, 2001 г.)**

Мийӧ ворожитчим сяко: пими шупкавлім, стьинникез кутавлім, курӧггез лэдзавлім. Ӑттыр Педӧсий Оля ордӧ ӧксим: ме, Рая да Лида. Медодз Лидасы ворожитіс: «Ноко, петук-курӧг, висьталӧ, кыздз жӧникӧ пондас видзны...» Керкуас кык курӧгпоз, кык петук. Ӑтсӧ осьтімӧ, лэдзим курӧг да петук. А пызан увтын — зӧрок да ва... Ветлӧтӧны, кошисьӧны. Петук адззис зӧрсӧ. Корӧ курӧгсӧ: «Ко-ко-ко!» Сӧйышитісӧ, юышитісӧ, невна ордӧн мунісӧ да янсӧтчисӧ... Бӧр йӧртім. Мымдакӧ видзим да ме понда лэдзим. Петук — зӧр дынӧ, курӧгыс — петук дынӧ. Сӧйисӧ-юисӧ — джодж иӧрӧт гуляйтӧны. Воть оз янсӧтчӧ... Бӧр йӧртім. Мымдакӧ видзим позас да Рая понда лэдзим. Нія сӧйышитісӧ мыйкӧ, да петукыс пондіс кокавны курӧгсӧ, а сӧсся гор вылӧ лӧззис, пуксис сӧтчін. Рая лӧкӧтчӧ: аслыныт пӧ рам петуксӧ лэдзліт, а меным — лӧгсӧ. А мийӧ — сійӧ жӧ, не мӧдсӧ... Дак ӧні вот сія диво: Лида, видзӧт, жӧникнас недыр оліс — куліс Аркашыс; Раялӧн жӧникыс электростолб вылын куліс. А мийӧ тай кытчӧдз олам — 45 год ни ӧтлаын.

(Мы всяко ворожили: валенки кидали, тынины хватали, куриц выпускали. Однажды у Федосей Оли ворожили: я, Рая да Лида. Первой Лида гадала: «Ну-ка, петух да курица, скажите, как с мужем будем жить». У них в избе было две клетки с курами, два петуха. Одну открыли, выпустили петуха и курочку. А под столом — овес и вода... Ходят, ищутся. Петух набрел на овес. Курочку зовет: «Ко-ко-ко!» Поели, попили, рядышком прошлись и разошлись... Загнали их. Немного погодя выпустили для меня. Петух — к овсу, курочка — к нему. Поклевали, попили, по избе рядышком гуляют. Нисколько не рознятся... Обратнo закрыли, сколько-то подождали и выпустили для Раи. Что-то поели они, петух стал клевать курочку, а потом на печку взлетел, уселся там. Рая обиделась: для себя, дескать, доброго петуха выпускали, а мне подсунили клевастого. А мы того же самого, не другого... Так теперь вот дивлюсь: Лида, гляди, со своим мужем недолго жила — умер Аркадий; Раин муж на электрическом столбе погиб. А мы пока живем — 45 лет уже вместе.)

**Из беседы с Н. В. Долдиной (88 лет, д. Большая Серва
Кудымкарского района, 2001 г.)**

— **Кыдз овсьо, Нина Васильевна?**

Н. В. Овсьо тай, оз норась, коть и не томся жё ни оланё. Ола нучаткаё семьякөт, оз обижайтё ния. Да эд оланьс не мортсянь, а Енсянь. Менё Ен сетёма мамёлё, Ен быдтём и ёні Ен видзё. Быдёс сысянь. То и деревнянымёс көркё Ен сетём, коми мортёс сэтчё пуксьётём.

— **Кытийём Ен Серсё сетём — коми али мёдік?**

Н. В. Еныс, мортіньёй, ётік: и комилён, и рочлён, и возуллён — сё Ен. Этё юрбитан-кейманьс сякёй — ния моленнёз, а Ен сія ётік быдлаын. Коть Крестос, коть Бого-родица — ния только Ен пияннэз, нылён чужёммезных вичкуын да керкуын, а асьсё Енсё некин оз тёд. Сійё оз рисуйтё, сія руын олё, некилё оз мыгчась.

— **А Библия шуё, что мыгчасьлө...**

Н. В. Ме думайта, оз. Мыгчасьё бёра жё не ачыс Еныс, а сылён пияннэс, святёйес. Еныслё немлё мыгчасьны, немлё висьтасьны; кытён сія олё. Пукты пернапассё коть көдбрё, Еныс се адззё. Коть вёрлань, коть нюрлань.

— **А, шуёны, вёрас да норас эмось мёдкодь еннэз.**

Н. В. Ния не еннэз, ния Еныслён враггез — лёк еннэз, ойся еннэз.

— **Но сё жё — еннэз? Юрбитлёмась тай комиэс Ойпельлө, Вөрпельлө...**

Н. В. Ойпель, Вөрпель — ния төлісьлөн, а төлісьыс — көдзыт, мортлісь ловсё сайкөтё. Төлісьыс — шонділөн враг. А шондіыс Енлөн ёрт.

— **Важ комиэслө ойся еннэс отсавлёмась овны да шогёттэз веськөтны.**

Н. В. Миян деддэс — чуддзё вёлёмась. Морттэз жё, комиёс, но некультурнёйёс. Вон яг вылас олёмась ния, вёрас. Плотниковчи яг вылын, Городишио шуёны, олёмась жё. Ишио Надым да Кудым, воннэз, вёлёмась.

— **Ния кытийём местаэзын олёмась?**

Н. В. Мыйкё вунёті. Кудымыс, натьтё, Кудымкарын. А Надымыс, может, Серын. Ёні тай Надым пияннэс сё татён эмось. Но Надым да Кудым бур оланас абу вермёмась петны. Вёлись нылён зоннэзныс вёр пытиксис петёмась.

— **Ния воннэс — богатыррез вёлёмась?**

Н. В. Богатырь — этё богатёй морт. Кудымыс, тыдалё, богатырь — кар строи-тёма. А Надымыс — абу, натьтё, беднёй вёлі, не богатырь.

— **Нина Васильевна, вот шуан, Ен да Ойпель — враггез. Дак эд сэк и ния, кин ны былё юрбитисё, етиасисё жё. Может, и тышкасьлісё? Враггес эд бура лёка-сьёны.**

Н. В. Морттэс — вермисё. А Еннэс — эд: ния только вермасьлёмась юрнаныс, споритлёмась. И то тай Еныс, шоньт керисьыс, вермалёма мёддэсё, көдзыттэсё — кул пёлсёсё. Чуддэс, адззан, көркё юрбитлёмась враглё.

— Мыля нѳ?

Н. В. Повзьѳтлѳмась враггес. Сэсся тѳдѳссез лѳбмась, нѳя велѳтѳмась чуддэсѳ быд-
лаѳ. И бур Ен дѳрѳ. Ме ѳтѳк тѳдѳсьѳс сѳтѳиѳмсѳ ровнѳ бы адззылѳ. Ме сѳк кагаѳк тѳжнѳ
вѳлѳ. А может, и эг адззыв, а тѳлько мамѳ вѳсьтасѳс, да юрам кольччѳс. Ме сѳк ѳдѳвѳн
умѳль вѳлѳ, шѳгалѳ. Тятьѳ да мамѳ шуѳны: «Кулас эд, кулас, эта не олѳсь!» Сѳтчѳ пырас
старѳк — быдѳс чѳчком, видѳт керас ме вылѳ, гѳрѳтчас: «Оз, оз кув. Сѳя ваѳ оз вѳй, бѳд
оз усь, вѳрын оз ѳш». То тай сѳ ловья, Еныс видѳѳ. Виднѳ, кола ишиѳ муыслѳ, ѳтѳрыслѳ.
И ѳѳзыслѳ. То тай тѳзнѳт ковсѳссѳѳма менам... Еныс шуѳма первѳй мортѳyslѳ: «Ов да
ѳыв и думайт не тѳлько ас пондат, мѳдѳклѳ ѳтсав».

— А кызд первѳй мортѳыс лѳбм? Сѳя коми вѳлѳма?

Н. В. Вѳсьтавлѳсѳ тай: первѳй комиыс пѳ тѳшак увѳын шѳгмѳма. Ме ѳз верѳт, мортсѳ
Ен керѳс, и сѳя вѳлѳ не коми, не рѳч. Сыѳѳрын нѳ, пѳяннѳс сѳлѳн, сѳякѳйнѳж баѳтнѳ пондѳсѳ.
И первѳ не мортѳыс шѳгмѳм, а муыс да быдмассѳс. Эд муыс туйѳ первѳ вѳлѳма ва сѳра
грѳзь, кѳзерѳк патѳя.

— Мыйкѳ нюр кодѳ?

Н. В. Нюрас турун да гаг эм, а сѳтчѳн нем абу вѳлѳм — куш грѳзь, кѳзерѳк. Сѳйѳ
грѳзьсѳ Еныс торѳѳтас васѳс, лѳасѳ музѳ да ваѳз. Сэсся мортѳс мѳдас кернѳ, да ка-
зѳлас: ѳдзѳв. Мортѳyslѳ эд сѳйны колѳ, ѳтѳк ванас оз пѳт. Керас быдмассѳз. Черѳ да
кай оз кер. И пода — оз. И мортѳыс ѳтѳк турун вылын первѳ олас, кызд баѳя. Вот лѳас
ва, му, турун-быдмас, и кажѳдѳйлѳ нимлун пуктас. А мортлѳ вѳсьталас: «Кѳр ваыс
нимлуна, васѳ эн вѳрѳт; быдмас нимлуна — быдмассѳ эн сѳй, му нимлуна — мусѳ эн
гарѳы».

— Кытѳѳм кадѳ нѳя нимлуннѳс?

Н. В. Турунлѳн — Семѳк кѳста, валѳн — Троѳца кѳста, мулѳн — Троѳца ашѳнѳ.
Нѳль лун сѳк празѳдѳнѳкѳс: семѳк, касѳтѳсян субѳт, Троѳца, Духѳв дѳнь. Семѳкнас асѳв-
сянѳс касѳтѳсям, а рытнас — «кызд домавнѳ». Пѳтѳнѳцанас шѳччѳсям, а субѳтнас бѳра
касѳтѳсям. Троѳцанас вѳрѳ мунам, Сѳстайѳв дѳрѳ. Сѳтчѳ и татѳсь, и Ёѳгѳсь лѳктѳны.
Этѳ рытьѳвѳнас. А луннас гѳртѳн ѳрсам. Сарафан да дубас пасѳталам, кушакасям —
кѳстѳ ѳдзас керам, ѳшынувтѳтѳз чѳшкам, сѳтчѳ кызѳкѳз сувѳѳтлѳм, сѳякѳ ѳрсам, сѳы-
лам, ѳѳктам, кутасѳмѳ. Сѳяк по сѳбе гѳжѳтѳчѳ. А кызд вылас — кушак, лѳнта, цѳвтѳтѳз.
Сэсся гѳртѳсь мѳдѳкѳз ѳрдѳ ветлѳм — унажыкѳн нѳ ѳксѳм. А рытнас — Сѳстайѳылѳ.
Духѳв лунѳ, асѳвсянѳс жѳѳ, лѳдзчам Сер ю дѳрѳ, инька и мужѳк. Юан, сѳян сѳѳранѳм
бѳсьтам — кольть, шанѳга, пѳрѳг, кѳн и — черѳнянѳ. Ен бѳсьтам часѳвнѳясь. Касѳты-
лам свѳтѳй духсѳ, мусѳ, юсѳ — тѳжѳ. Час-мѳд сѳтчѳн оламѳ. А ѳнѳ дугдѳсѳ лѳдзчѳвѳлы-
ны. Яг вылѳ тай кѳйлѳны, ѳй жсарѳтѳны да вѳна юѳны, а мѳйѳ и колхѳзѳзс дѳрни сѳ вѳж-
мѳз керлѳм, кѳтчѳдз часѳвнѳ эз пѳдналѳ. Пѳдналѳсѳ, мужѳкѳсѳ пондѳсѳ пуксѳѳтѳлыны.
Вѳн сѳсѳдка мѳян Нѳна, дак сѳлѳсь аѳсѳ забрѳли да и вѳйѳмась. А менам тятьѳ быдѳс
дѳбрѳсѳ колхѳзѳ сѳтѳс, дак эз вѳрзьѳтѳ тай. Вѳв-мѳс колхѳзас пыртѳм, вартан маѳшина,
сѳялка, телега, дѳдѳ.

— Кытѳѳм празѳдѳнѳкѳз Серѳыс пѳрѳѳтѳ?

Н. В. Төвсяыс — Розосво шуам. Но сiя овлө Розосво ашынас. Кык Розосво мян. Сэсся — Антипа — апрель 24 лунö. Сэк асывсяняс часовняö ветлывлім, Антипалö кей-мим, медбы пиньвисян эз вöв, нырöм эз доймы. Локтам Антипа одзö — сiя пызан вылын джисодж шöрас сулалö — окыштам сiйö да масiсь сувтöтам. Сэсся пинез, öм кинаным кутам да шушкам: «Бережит, батюшко, пиньвисянсянь». Кинлөн öдöдөн висьö, дак размöд часовняс пыралас и енсö окалас, — и öшö висяныс. Эшö — Провавер, сiя август 31 лунö. Сэк Ыджыт Сер мунö Мася пос дорö. Мася — сiя менам дед вöлi. Сэтчин, пос вевдöрас, юыс пыдынжык. Мужиккес ва шöрас сувтöтасö ыджыт крест, а часовенскöй морт сы вылö Провавер ен пуктас, молебен керасö. Йöзыс крест вылас чышкöттэз, чышыяннэз, йиэз да мый да кышалöны и мымдакö ваас сулалöны — висяннэзсянь веськöтчöны. Мукöдыс косви ваас пырас, мукöдыс только миссяс. Кöда вöлөн пырö, дак сiйö улöжык иньдöны. Моленнө бöрас крестсö да паськöмсö часовняö кайöтöны. Ю дорас жö ырöшön да сурөн удасöны. А вöввездс сiя лунö зöрөн пöттöдз вердöны и оз уджöтö. И мöдöтöны: бурсиас ленточкаэз кыясö, набора сермöт пуктасö, — вежс чача — и вöвлö праздник. А эшö мян эм Голендука — курöг праздник. Сэк бöра часовняö мунам, курöггез да дзодзоггез понда юрбитам. Каждöй семьясь босьтö пуöм нето жаритöм курöг ли, петушок ли, тшоп ли. Көркö-көркö служба бöрас яйсö часовня дынас и сөйлöмась.

— А кысь инö пань-бекöрсö?

Н. В. Курöгсö сөйны паньыс оз ков: чепöльт яйсö кинат да öмат. А пызан сэтөн вöвлöма. Туис эм кытчö сувтöтны.

— Кытиöм годдэзöдз сiдз вöвлi?

Н. В. Көр öтöрас сөйлöмась, ме сiйö эз ни адззыв. А курöггесö новйöтны дугдiм, натьтö, колхоззэс дырни. Война костас часовняыс эз ни вöв, но видз вылö еннэзöн ветлывлім и сэк. Босьтам сөян, юан да мунам Иван ляга дорö. Сэтөн олiс Иван Яков, сiя дзор старик вöлi, гусьöна ни баитiс — шам-шам-шам, а Енсö бура тöдiс, и важс заветтэсö. Öбичей сылөн вöлi бур... Ляга дорас сөйны да юны пуксям, стариксö сэтчö петкöтам — и Енлiсь корам бур год: медбы турун быдмис, нянь шогмис, шер эз вöв, жар эз сот. И дед-бабнымöс, кулöммесö, касьтывлім, и Сер понда юрбитам, гортиным понда.

— Кытиöм кадö сэтчин ветлывлiт — гоужумөн али одз тулысөн?

Н. В. А кызд быдмассэс йывсавны пондасö, пода öмö шедö ни турун, кызд ося пета-лас. Сiя тулысся праздник мян, тулыссö панталам бытьтö.

— Тэ, Нина Васильевна, кытиöм книгаэз лыддöйтлiн? И дыр я велöтчин школаын?

Н. В. Ме грамотасö ог тöд и лыддöйтны ог куэж. А велöтчи овны аймамöсянь, йöзыссянь. Аслам юрөн и лолөн кошишиси, мусянь и русянь босьтi. А отсалiс Ен. Сiя трудсö да трудливöйесö радейтö.

— Öтик тöдiсь йылiсь тэ касьтiн невна. А эд вöлiсö, натьтö, и мöдiккез?

Н. В. Вöлi мян дзор старик, унакодö тöдлiс. Юрсиыс кузь, синнэсö сайöвтö, пеллес оз тыдалö. Курмышитас чуннезнас юрсисö, медбы мортсö адззыны, синкыммесö лэбтас. Сiя лечитлiс нiйö, кöднö кинкö мыжйис.

— Кызд веськöтлiс?

Н. В. Чышыянё пуктас нянь чѡвпан, чышыян концецесѡ домалас оча, чышыянсѡ ки вылас ѡшѡтас. А чышыяныс вѡлі дѡраовѡй. Видзѡ чышыянсѡ и юавлѡ, кин вермис мыжѡйны. Гусьѡн юавлѡ. Няньыс да чышыяныс и висьталѡны сылѡ, кин мыжѡйс: Еныс ли, кулѡм-мес ли, святѡйес ли. Тѡдас, кин мыжѡйс, висьталас шогалѡсьыслѡ: вот пѡжась пѡ да Ен одзѡ (ежели Еныс мыжѡйс) тѡчлы куимись — и веськалан. Али: тѡ пѡ Иван Креститель лунѡ абу почитайтѡмат Крестительсѡ, сѡя и мыжѡйм. Ветлы пѡ часовняѡ, масѡсь сылѡ сувтѡт... Бур тѡдѡсь вѡлі, веськѡтны кужлѡс. А мѡдѡк вѡлі, Педѡт тѡян Иван. Ме сѡк ыджыт ни вѡлі да уна везжѡртѡ. Дак сѡя умѡль вѡлі, вредина, уна покась йѡзыслѡ керис: то мортѡс тшыкѡтас, то пода, то удж дзугас. Вичкуѡ некѡр абу ветлывлѡм, кѡть и пыртлѡмась жѡб: тыдалѡ, асьсѡ Ен дорсис кидтѡс, чуддѡскѡт кутчис овны. Годов семь-десят ни, натѡтѡ, абу.

(— Как живется, Нина Васильевна?

Н. В. Живется понемножку, не жалуясь, хотя и не та уже жизнь, что в молодости была. Живу с семьей внучки, не обижают. Так ведь жизнь-то не от человека зависит, а от Бога. Меня матери Бог дал, Бог вырастил и теперь Бог содержит. Все от Бога. Вот и деревню нашу Бог когда-то дал, коми-пермяка в нее вселил.

— Какой бог Серву создал — коми-пермяцкий или другой какой?

Н. В. Бог, человеке, един и у пермяка, и у русского, и у вогула — всё Бог. Это вера разная, моления всякие, а Бог — он один везде. Хоть Христос, хоть Богородица — они только Боговы дети, их образа в церквах и домах, а самого Бога никто не знает. Его не рисуют, он на воле, в воздухе, живет, никому не показывается.

— А Библия говорит, что показывается...

Н. В. Я думаю, нет. Показывается опять же не сам Господь, а его дети, святые. Богу незачем показываться, незачем заявлять, где находится, перекрестись в любую сторону, Бог все равно заметит. Хоть в сторону леса, хоть в сторону болота.

— Говорят, что в лесу и болоте другие божества есть.

Н. В. Они не божества, они враги Бога — злые духи, ночные.

— Но все же духи, божества. Молились же коми-пермяки Ойпелю, Вэрпелю...

Н. В. Ойпель, Вэрпель — они дети луны, а луна — холодная, душу человека студит. Луна — враг солнца. А солнце — друг Бога.

— Древним коми-пермякам ночные божества помогали жить и болезни вылечить.

Н. В. Наши предки — чудины были. Люди они, коми, но не культурные. Вон в бору на холме жили они. На Плотниковском мысу — Городищем зовется — тоже они жили. Еще Надым и Кудым, братья, были.

— Они в каких местах жили?

Н. В. Что-то запамятовала. Кудым, знать, в Кудымкаре. А Надым, возможно, в Серве. До сих пор отпрыски Надыма здесь живут. Но Надым с Кудымом в хорошую жизнь не сумели пробиться. Только их сыновья из леса вышли.

— Те братья богатыри были?

Н. В. Богатырь — это богатый человек. Кудым, видимо, богатырь — городище построил. А Надым не построил, знать, бедный был, не богатырь.

— Нина Васильевна, вот говоришь, что Бог и Ойпель — враги. Так ведь тогда и те, которые им поклонялись, враждовали? Может, и дрались? Враги-то очень злобны.

Н. В. Люди — те могли. А боги — нет: они препирались только мыслями, спорили. И Бог, который тепло дарит, перемог других, холод несущих, — нечистую силу. Чудины, видишь, когда-то поклонялись врагам.

— Почему же?

Н. В. Враги их пугали. Потом объявились знахари, они всему научили тех чудинов. И вере в хорошего Бога. Одного такого знахаря я вроде бы видела. Я тогда маленьким ребенком была... А может, и не видела, а лишь мамины разговоры в голове остались. Я тогда совсем плоха была, болела. Тятка с мамой говорят: «Умрет, умрет, эта не жиличка». Тут заходит седой старец — весь белый, глянул на меня, сказал: «Нет, не умрет. Она в воде не утонет, в огонь не угодит, в лесу не заблудится!» И вот всё жива, Бог хранит. Видать, еще нужна земле, природе и людям. Вот и тебе понадобилась, оказывается. Бог сказал первому человеку: «Живи и размножайся и думай не только о себе, другому помоги».

— А как первый человек появился? Он был коми-пермяк?

Н. В. Сказывали же, что первый коми под грибом родился. Я не верю этому. Человека Бог создал, и он был ни коми-пермяк, ни русский. Уже потом, его потомки, стали разговаривать на разных языках. Да и вначале произошел не человек, а земля и растения. Ведь вместо земли сперва были грязь с водой, жиденская тина.

— Что-то вроде болота?

Н. В. В болоте трава и червяк есть, а там ничего не было — сплошная грязь, жиденская. Ту грязь Бог отделил от воды, появились земля и вода. Затем человека хотел создать, но понял: рановато. Человеку еда нужна, одной водой не наестся. Создал растения. Рыбу и птицу пока не создавал, и животных нет. И человек вначале на одной траве жил, как овца. Вот появились вода, земля, травы-растения, и каждому Бог определил дни именин. А человеку завещал: «Когда вода именинница, воду не трогай; в день именин растений — не ешь растения; в день именин земли — ее не копай».

— Когда эти именины?

Н. В. У трав — во время Семика, у воды — в Троицу, у земли — на другой день после Троицы. Тогда четыре праздника кряду: Семик, поминальная суббота, Троица и Духов день. В Семик с утра устраиваем поминки, а вечером — «березу вязать». В пятницу отдыхаем, а в субботу опять поминки. В Троицу в лесок идем — в урочище Систайыв. Туда и здешние, и из Егвы собираются. Это вечером. А днем дома играем. Надеваем сарафаны или дубасы, кушаками подпояшемся — кушаки вперед выста-

вим. Под окнами у каждого дома подметено, тут березки ставим, всякие игры затеваем, поем, пляшем, бегаем — ловим друг дружку. Всяк по себе веселится. А на березке — кушаки, ленты, цветы. Поиграем у себя — к другим идем, третьим — компания увеличивается все. А вечером — на Систайыв. В Духов день с утра идем к речке Сер — и женщины, и мужчины. Еду, питье с собой забираем: яички, шаньги, пироги, а кто-то и рыбник. Из часовни берем икону. На берегу поминаем Святого Духа, речку тоже и землю. Часа два там бываем. Теперь же перестали туда ходить, в урочище Яг ходят, мясо жарят да водку пьют. А мы и во время колхозов все по старому обычаю поступали, пока часовня не закрылась. Закрыли часовню, мужиков стали сажать. Вот соседка наша Нина, так ее отца забрали и погубили. А наш отец все добро колхозу отдал, так его не тронули. Лошадь и корову в колхоз свели, молотилку, сеялку, телегу, сани.

— Какие престольные праздники в Серве?

Н. В. Зимой — Розосво называется. Он празднуется на другой день Рождества. Два Рождества у нас. Затем Антипа — 24 апреля. Тогда с утра в часовню ходили, молились на Антипу, чтобы зубы не болели, нос и рот здоровы были. Подойдем к Антипе — икона на столе, который посередине часовни стоит, поцелуем икону да свечку поставим. Потом рот и зубы рукой прикроем да пошепчем: «Избавь, Батюшко, от зубной боли». У кого сильная зубная боль, так он раза два-три зайдет в часовню — и боль отходит. Еще у нас праздник Провавер — Фролы и Лавры, он 31 августа. Тогда вся Большая Серва идет к урочищу Масяпосдор (дословно: у моста Маси). Мася — он мой дедушка. Там, выше моста, вода поглубже. На середине речки мужики поставят большой крест, а часовенский служитель на него образ святых поставит, службу отслужит. Люди на тот крест полотенца, платки, покровки и другие вещи вешают, а сами какое-то время в воде стоят — болезни всякие смывают. Кто-то по пояс в воде, кто-то только умоется. Кто на лошади въезжает, так его ниже по течению направляют. После молебна крест и все вещи относят в часовню. На речке же брагой да пивом потчуются. А лошадей в тот день овсом досыта кормят и не запрягают. И украшают их: в гриву ленты заплетают, уздечку наборную наденут — с желтыми игрушками — и лошадям праздник. А еще у нас есть Голендуха — «куриный» праздник. Тогда опять в часовню идем, за гусей и кур молимся. Каждая семья с собой берет вареную или тушеную курочку ли, петушка ли, цыпленка ли. В старину, давно-давно, после службы мясо поедалось возле часовни на улице.

— А где брали чашки-ложки?

Н. В. Курицу есть ложка не нужна: отщипни мясо рукой да в рот. А стол тут был. Туеса есть куда поставить, мясо положить.

— До каких годов так бывало?

Н. В. Когда во дворе часовни угощались, я этого уже не видела. А кур перестали в часовню носить, наверное, уже при колхозах. Во время войны часовни уже не было, но на луга с иконами ходили и в войну. Возьмем еду, питье и отправляемся к урочищу

Иван-ляга. Тут жил Иван Ярков, седой старик, уже тихо говорил — шам-шам-шам, а Бога хорошо почитал, и старые заветы тоже. Характер у него добрый был... Разместимся у ляжки с едой, старика пригласим — и у Бога милости просим: чтобы травы выросли, хлеб уродился, града бы не было, засуха бы не напала. Тут же и умерших родителей вспоминали, и за Серву, нашу родную сторонку, молились. И войну проклинаям, врагов.

— Когда ходили туда — весной или летом?

Н. В. А как зазеленеет, травы обозначатся верхушками, в рот скоту попадает уже, и яровые взошли. Это как бы наш весенний праздник — встреча с весной.

— Ты, Нина Васильевна, какие книги читала? И долго ли училась?

Н. В. Я грамоту не знаю и читать не умею. А жить научилась от родителей, от людей. Своей головой и душой допытывалась, от земли и воздуха брала. А помогал Бог. Он труд и трудолюбивых любит.

— Про одного знахаря ты немножко вспомнила. А ведь были, наверное, и другие?

Н. В. Был у нас седой старец, много знал. Волосы длинные, глаза закрывают, ушей не видать. Проведет пальцами по волосам, поднимет их, чтобы человека видеть, брови нависшие поднимет. Лечил тех, которых кто-то покарал за что-нибудь.

— Каким образом лечил?

Н. В. В платок завернет челпан хлеба, затянет концы платка, на свою руку навешивает. А платок холщовый. Держит платок и спрашивает, кто мог покарать больного. Про себя спрашивает. А хлеб и платок сообщают ему, кто покарал: Бог ли, умершие родители или святые. Узнает, кто наказал, скажет больному: вот де испеки поминальную еду да перед образами, перед Богом (если Бог покарал) ставь трижды. Или: ты, мол, в день Ивана Крестителя не почтил его, он и наказал. Сходи, мол, в часовню, свечу перед его образом поставь... Хороший знахарь он был, умел исцелять. А другой был, Педёт пьян Иван (дословно: Иван, потомок Федота). Я его застала уже взрослой и много понимала. Так он плохой был, вредина, много напакостил людям: то человека испортит, то скот, то работу расстроит. В церковь никогда не ходил.)

Из рассказа М. С. Климовой (80 лет, д. Юньга Кудымкарского района, 2001 г.)

Ме быдми ыджыт семьяын, миян быдённыс кужисё уджавны, весь некин эз ов. Айё, Сергей Артамонович, вёлі крепыт хозяин, миянёс видзис эзлыта, но и жалейтис. Ачыс вёлі набожнэй, некёр умёл кыв эз горётчы, и Енсё эз вунётлы. И мамё эштиём вёлі — бур хозяйка: Еныс откоддесё отлаётё. Айёс 1937 годё пуксьётисё.

Мый понда — некин эз висьтав. Көть и не тишгйён, да эд и богатёя-ту эз оло. Может, сы понда и пуксьотисё, мыля Енлё кеймис. Только öтiк письмоок, куим пельöса, и вовлис. Вöлi гижёма: му пельöсас пö олам, му дорас — остров сайын, кысянь гортыт оз тыдав. Сэсся война вылас вонизз усисö, жöникö, Ефрем Дмитриевич Ужегов (сыкöт эгö гижесывлö). Пыр нийö касьтывла, быд касьтисянö — ыджытö и учöтö. И мамöс пыр бытишöм кылöн, кызд и айöс, касьта. Бур дорö велöтисö, мортö пöртисö.

Ыджыт касьтисяннэс коласись медодззаяс Радольница. Сэки, кызди бур погоддя, ветлам могильникö. Но унажыксö сэки кöдзыт овлывлö, умöль. А медыджыт касьтисян миян — Семик. Сы кежö бура лöсьöтчам — и асьным, и керкусö лöсьöтам, и стряпайтам. Да и öтöрас, керку гöгöрас дзымлясям. Паськöм песлалам, баняын пивсям. Семикöдззас эшö ылын, а юрат видзан ни, он и лэдзлы. Семик локтö, деддэсö-баббесö касьтывны колö. Лöсьöтам ырöш пизь, чуж, яй. Эд пельнянь колö керны, сытöг некызд оз туй. Мыля оз? А деддэс сiдз шувлöмась: кöр пö кулам, медодз пельнянь дорö касьтö. Вот и старайтчам. Кöслунö, видз коста, пельняньсö керам тшакись, кушманись, капуста-ись, пиканись.

Семик паньтö сур вийöтам, ырöш пöжсам. Не тагыяöсь — только невна шöммöтам. Семикöн чеччам одзжык. Кöр ме ичмонялi, пöриссес месся одзжык чеччывлisö. А сэсся, кызд хозяйка лои, чеччывлi ачым. Чечча, видзöта, кызд ырöш шöммö, кызд нянь лэбтисö. А перво-ту мисся, зуася, сöстöм юркöртöт пукта, вöлись Енлё юрбитышта да гор лонта.

Медбы стряпнянас не сёрмöтчыны, дак ыджытжык челядсö саймöта. Кватя ния менам, нель ныв сэтöн. Öнi быдöнныслөн асланыс семьяэз. А сёянсö уна керлiм, чöскыта пувлiм-пöжавлiм: тупöсь да шаньга, селянка, кольть, черинянь. Эна — касьтисяннэз. Эшö пельнянь. А черисö пыр свежбйö кыйлывлisö. Хозяинö мерёжасэз видзис, ботайтис. Зяно дед мордаэзöн кыйис. Семик кежас гырисьжык черисö видзам: сорога, говда мыйда. Шука Семикöн чериняньö эгö босьтö — старикес эз тиöктывлö мылякö. Не öтiк черинянь керам — куимö, нельö. И нянь пöжсалам.

Медодзза тупöсьсö да шаньгасö шöри чега, шуа: «Воишöте быдöнныт: тятю, мама, дедö, бабö — быдсөн увтырыс!» Сэсся саймöта челядсö — пым тупöссезнас верда бы. Миссясö, да Ен одзö сувтöта, ачым ныкöт юрбита, кöр и дедö-бабö. Дедö будденяс юрсö и кинас оз малышт, а сэтöн пасьталас виль паськöм, виль йи, виль нинкöммез кöмалас и юрсö вольк сыналас. Ен одзö масись öзтас, молитва лыддьöтас: «Упокой, Господи, родителей моих и сродников!» Быдöннысö ниммезнас шувлас.

Юрбитам — сёйны колö. Сэтчö менам нянь пöжассяс. Кыскала, пызандöра вылö тэча. Медодзза кыскöмсö, пымсö, шöри чега. Вундавын оз туй. Босьтан кият, кресталан да шöрöттяс вевдöрсянас писькöтлан коркасö певнат, вöлись чеган шöри да пуктан пызан вылас, рочалан кулöммесö: «Воишöте быдöнныт да эд осудитö мянöс. Мый эм, сы дорö и касьтылам». Нянь вылас, кöр эшö парыс кайö, пуктам селянка торок, нянь бокас пöжалöм кольть чегам, кружкаэзын ырöшок да сурок — сусло.

Дед шуас: «Но, касьтылам нё, кёдна миян дынісь мунісё», — и босьтас кияс каным, пешлыпитас ёсёкнас канымсё да сетас мёдіклё, мёдікыс куимётлё. И сідз канымыс шонді ньылат гёгёртас пызансё да бёр локтас дедё дынё. Сэсся ырёшок, юнытам, сурок...

Касьтісикё абудьё не кёртовёй пань, не пурт, не вилка — кидн чеглалам и судзлалам. Но ежесли кин шыд сейё, дак пуовёй паньён.

Сёйыштім тэрмасьёмёномоз, юрбитім, «Отче наш...» лыддьётім и тэчим корзиназё сійё, мый нёбётны могильникё. Не куш корзинаё пуктам, а пызандёбраё каттям, чочкомё. И асьным пасьтасям басёкжыка — касьтісьны эд мунам, йёзёт. Сёянсё сійё жё нёбётам, мый и гортын лёсьётім, да эшё туисок ырёшён, туисок шёмтём сурён. Миян могильникыс ылын, дак одзжык и петам, медбы сэтчин кык-куим час овны да ёбед кежё гортё бертны. Кёр единолишино олім, дак и вёлён могильникас кайлім.

Кызд могила дынас локтан, пернапасаян да крест дорас сувтан, кулёмсё нимнас шуан и висьталан мыйкё: локті пё то, тятю али мама, эг вунёт тэніё. Сэсся гёгёртан могиласё, сёянсё пызандёбранас пуктан, ырёш ли, сурок ли кружкаё кисьтан, рочалан воишыны. А сэтчё тёдвелят важэ оланьт усяс, кёр бура овсис, усяс сія, кызд куліс дона мортыс да оланьт дзугсис, кызд ётнат квать челядьнат мырсян — и синватё он ни вермы видзны да и герйётван, сёлёмсит шогтё кыскан, синва сорнас могила вылас кисьтан. Мукёдыс садь быртёдз причётсё пуктё...

1938 годся Семикён (сэк ме петі жёдник сайё) мийё хозяйинёкёт кёрталім оча йыв кык кызок. Ме видзи, а сія кёрталіс. Эта коста оз ков бацтны, а только думайтны: вот пё ётлаётім кык юр, ась ёнісянь и вексё ётлаын лоасё... Стречалуннас кайым, видзётам: кызд йылоккес торйын. Жалейтыштім жё, что сідз лоис, да чожа вунётчим. А эд «пёрчасис» оланым — войнаыс яисётіс миянёс. Кык пара ми кёртавлім, мёдік гозья эшё — кыкнаннымлён пёрчасьёмась вёлі.

Семик рытён нывкаэс цветтёз ёктёны, юркытишез керёны да козьналёны нійё зонкаэзлё, инькаэзлё — ась пё праздникыс отсалас керны бур олан. Челядьыс турунсё, быдмансё, оча домалёны, мунісьлё нальк керёны, медбы серавны, кёр осьтаёма чужэйяс да усяс.

А Стречалуныс — аскодь праздник, и сійё мёдомоз пёрйётам. И стряпайтам мёднёжыка: касьтісян сёян сэтён абу. Ёрёш керам тагьяжыкё, кёр и сур вились керам, ежесли Семикнас юсяс. И тожё курытжыкё. Нянь туйё пёжалам пирёггез, сякёйёсь керлім: лукись (чеплянсис), кушманись, пистикись, яйись, ежесли эм. Кёр и куликкез стряпайтам, кыз шаньгаэз — шыдёсён, картовкаён, рисьён. Мёдік сёяннэз: рися сметана, ешенича, киселез. Пизьыт эм, дак и блиннэз пёжалан. Кинлён мый эм, сэтись и стряпайтё. Тиыг годё унасё он кер — и нянь вылё рад. Овлё, кёр и пищёйлё нем сетны. Кызд стряпайтася, юрбитыштам да сёям. Сыбёрын — кин часовняё, кин гортё кольччас. Кётъ и праздник, а уджыс эм. Кёр типпез эмёсь, учёт кукань да дзеллез, порсь.

Обед бёрын унажык юньгинса кайёны Ёбвевдёрё — сідз шусис миян котрасян. Сэтчё Юньгаыс ётніс ветлывлё. Шуам: «Мунам кызд пёрчавны!» — а каям да огё

пӧрччалӧ. Каждӧй год эд ӧтӧксӧ он кер. Но нывкаэс да зонкаэс коласісь сӧ ни кинкӧ Семикнас кӧртавліс. Ыбвевдӧрас эм рас — сякӧй пуыс быдмӧ, и кыдзоккез эмбсь. Семикнас кӧрталасӧ, завечайтасӧ, а Стречалуннас видзӧтӧны: сӧ домалӧмӧсь али пӧрччасьӧмӧсь? Кыдзи йыввес торйӧн, пӧрччасьӧмӧсь — умӧль примета сія. Кыдзи йыввес сӧ оча, пернапас пуктӧны да пӧрччалӧны. Еныс этӧ парасӧ йитас век кемсӧ, оланыс лоас бур, семья бытишӧм. Ыбвевдӧрас зонкаэс да нывкаэс олӧны недыр. Да и гармоньчыкыс дырсӧ оз орс, а сытӧг эд не Стречалун ни. Вот юнгинса и мунӧны Проняключ дорӧ. Настоящӧй празднигыс сэтчин. И не только матісь деревняэзісь, но и Кудымкарысь сэтчӧ вовлӧны. И каждӧйыс ключсӧ козыналӧ, деньгазз чапкалӧ: ваыс Стречалуннас нимлуна. Чочком только шор пыдӧсыс деньгасяняс. Ашынас деньгасӧ челядь кыскалӧны. (А пӧрйӧтам нимлуна васӧ то кыдз. Локтан ключ дорас, гӧснеччез пызан вылӧ колян да лэдзчан улӧ, кысянь ключыс петӧ, юрбитан, нимлунӧн поздравитан. А субӧтанас вӧлі вӧрыс нимлуна, Стречалун ашындӧ — муыс.)

Поздравитан васӧ да деньга пуктан, а кӧз ув вылӧ нето кыдз вылӧ мӧдік козинок ӧшитан. Эта бӧрсянь туйӧ васӧ юны, гумыштыны дозӧ, миссьыны. Вӧлісь мунан пызан дорӧ. Сэтӧн сӧйдны, юӧны, олан йылісь баитӧны, кӧр и сывлӧны. А томмес етиша мян моз керӧны. Нылӧ бы сывны да йӧктыны токо — перво жӧ ключ юр вевдӧрас чукуртчӧны. Уна, ӧддӧн уна йӧзыс овлӧ, кыдзи мича луныс.

(Я выросла в большой семье, у нас все умели работать, никто не бездельничал. Отец мой, Сергей Артамонович, был крепким хозяином, нас держал в строгости, но и жалел. Сам был набожным, никогда скверного слова не произносил и Бога не забывал. И мать такая же была — добрая хозяйка. Бог ведь одинаковых спаривает. Отца в 1937 году посадили. За что, никто не объяснил, хотя и жили не голодно, но богатыми-то не были. Может, из-за того и посадили, что в Бога верил. Только одно треугольное письмишко и приходило. Было написано: на краю земли, дескать, живем, за островом, откуда родной сторонки не видать. Затем на войне мои братья пали, муж, Ефрем Дмитриевич Ужегов, погиб (мы не были расписаны). Постоянно их поминаю, во все поминальные дни — большие и малые. К этому мать приучила. И ее всегда добрым словом вспоминаю, как и отца. Добру научили, человеком вырастили. На каждых поминках сперва их вспоминаю. Из больших поминальных дней первым в году бывает Радольница. Тогда, если ясная погода, ходим на кладбище. Но чаще холодно бывает, непогодь. А главные поминки — в Семик. К нему как можно лучше готовимся: настраиваемся сами, и дома прибираемся, истряпню готовим. Да и вокруг дома, на улице, убираем. И одежду грязную постираем, в бане попаримся. До Семика еще далеко, а в голове уже держишь, себя готовишь: Семик на подходе, родителей помянуть надо. Готовим бражную муку, солод, мясо. Ведь пельмени надо настряпать, без них никак нельзя. Почему нельзя? А деды так сказали: когда-де умрем, первым делом нас вспомните к пельменям. Вот истряпаем. В постный день пельмени готовим из грибов,

редьки, капусты, пиканов. Накануне Семика пиво педим, бражку варим. Не хмельные — только чуть-чуть квасим. В тот день пораньше встают. Когда я молодушкой была, старые раньше меня вставали. А потом, когда хозяйкой стала, раньше сама уже вставала. Встану, проверю, как бражка поспекает, как тесто в квашне доходит. А сперва-то помоюсь, волосы расчесу, на голову — чистую косынку, затем Богу помолюсь и печку затоплю. Чтобы со стряпней не затягивать, так иногда и старших детей поднимала. Их у меня шестеро, среди них — четыре дочери. Теперь у всех свои семьи. А готовили помногу, варили-пекли что повкуснее: оладьи да шаньги, селянку, яйца, калигу, рыбник. Это постоянные поминальные кушанья. Еще пельмени. А рыбу всегда брали свежую. Муж мой ставил мережу, ботал. Дедушка Зиновий мордами рыбачил. На Семик рыбу покрупней откладывали: сорогу, голавля, другую какую. Но щуку в пирог не брали — старики почему-то запрещали. Не один пирог сделаем — три, четыре. И хлеб испечешь... Первую оладью да шанежку над столом пополам переломишь, скажешь: «Угощайтесь все: тятя, мама, дедушки, бабушки, все родственники!» После этого ребят подниму, чтобы горячими оладьями да шаньгами полакомились. Как помоются, перед божницей их поставлю. Когда сама с ними помолюсь, когда — дедушка с бабушкой. Дед в будни волосы и рукой не погладит, а тут оденется во все новое, подпоясается новой покромкой, на ноги — новые лапти, и голову вгладь расчесшет. Перед образами свечку зажжет, молитву прочтет: «Упокой, Господи, родителей моих и всех сродников!» — и всех по именам назовет.

Помолимся, надо завтракать. Тут у меня хлебы испекутся. Выну из печки, на ска-терти разложу. Первый, горячий, пополам переломлю руками. Резать нельзя. Возьмешь в руки, перекрестишься и сверху, посередине, большим пальцем корку пробьешь, затем переломишь и положишь на стол, пригласишь покойников: «Угощайтесь все да не обессудьте нас. Что есть, к тому и приглашаем, тем и поминаем». На хлеб, когда еще пар поднимается, кладем кусок селянки, рядом с хлебом — половинки испеченного яйца, в кружках — бражка и пиво пресное — сусло. Дед скажет: «Ну, помянем, кто ушел от нас!» — и возьмет каным, попробует сам с палочки да передаст второму, второй — третьему. И так каным обойдет «по солнцу» весь стол и вернется к деду. После этого кваску попробуем, пиво.

Во время поминок не пользуются металлическими ножами и вилками — рукой ломают и достают. А супы утром не едим. А если кто и ест, так деревянной ложкой. Поели не мешкая, помолились, «Отче наш...» прочитали и положили в корзины то, что на кладбище взять, да еще туесок с брагой, туесок с пресным пивом. До кладбища далеко, так пораньше из дому выходим, чтобы там два-три часа побыть и к обеду домой вернуться. Когда единолично жили, так и на лошадях ездили. Когда подойдешь к могилке, перекрестишься да встанешь у креста, покойника по имени назовешь и что-нибудь скажешь: пришла-де вот, тятя или мама, не забыла тебя. Затем обойдешь, еду со скатертью на могилу положишь, бражку ли, пивцо ли в кружку нальешь,

пригласишь угоститься умершего. А тут вспомнишь про прежнюю жизнь, когда хорошо жилось, вспомнишь, как умер дорогой тебе человек. Жизнь твоя испортилась, как одна с шестью малышами маешься — и слезы нахлынут, и заголосишь — боль из сердца выгрузишь и со слезами на могилу выплеснешь, некоторые до потери сознания причитают.

В Семик 1938 года (тогда я вышла замуж) мы с мужем связали за верешки две березки. Я держала, а он связывал. В это время не говорят, а только подумают: вот-де соединим две головки, так пусть отныне и повсегда сами вместе будем. Пришли к березкам в Троицу, смотрим: верхушки врозь. Пожалели, что так случилось, и вскоре забыли об этом. А ведь жизнь наша «развязалась» — война разлучила нас. Две пары мы вязали, еще и другие молодожены были — у тех тоже развязались.

В Семик девки цветы собирают, венки плетут да дарят их парням и женщинам — пусть-де этот праздник поспособствует хорошей жизни. Подростки над тропой траву за верхушки вяжут, ловушки устраивают, чтобы посмеяться над споткнувшимся и упавшим ротозеем.

А Троица — особый праздник, и его отмечаем по-иному, потому и стряпня другая: поминальных блюд тут нет. Брагу варим похмельнее, иногда — и свежее пиво, ежели от Семика не осталось, и тоже покрепче. Вместо хлеба печем пироги, шаньги. Пироги всякие делаем: из лука (пера), редьки, пистиков, мясные, если есть мясо. Когда и кулики постряпаем, толстые шаньги — с крупой, с картошкой, с творогом. Другая еда — творог со сметаной, яичница, кисели. Есть мука, так и блины испечешь. У кого что имеется, из того и стряпает. В голодный год много не постряпаешь, и хлебушку рады. Бывало, и нищему нечего подать. Как справимся со стряпней, помолимся да поедим. Потом — кто в часовню, кто домовничать останется. Хотя и праздник, а работа всегда есть. Когда цыплята бывают, теленок маленький да ягнята, свинья, надо кормить их.

После обеда большинство юньгинцев идет в урочище Ыбвевдэр (дословно: верх поля) — так называется наше место гулянок. Туда одни юньгинцы ходят. Скажем: «Пошли березу развязывать!» — а придем на место и ничего не развязываем. Каждый год одно и то же не будешь повторять. Но из девушек и парней все равно кто-нибудь в Семик березки вязал. В урочище есть роща, там всякое дерево растет, и березки есть. В Семик завяжут, позавечают, а в Троицу смотрят: все так же или разошлись. Если верхушки врозь — плохая примета. Если вершинки все еще вместе, перекрестятся да развяжут. Бог такую пару соединит навек, жизнь получится хорошая, семья добрая. В урочище Ыбвевдэр девушки и парни недолго бывают. Да и гармонист там не задерживается, а без него — уже не Троица. Вот юньгинцы и перебираются в урочище Проня-ключ. Настоящий праздник там. И не только из ближних деревень, но и из Кудымкара наведываются. И каждый одаривает воду родника — деньги бросает: вода в Троицын день — именинница. Донышко родника — белым-бело. Наутро эти

монеты ребята достают. А именины отмечаем так. Придешь к роднику, гостинцы на столе оставишь и спустишься вниз, где ключ бьет, помолитшься, с именинами поздравить воду. (В субботу были именины леса и трав, на другой день Троицы — у земли.) Поздравишь и монету бросишь, а на сучок ели или березы подарок повесишь. После этого можно воду пить, набрать в посудину, умыться и подняться к столу. Тут едят и пьют, о житье-бытье ведут разговоры, когда и поют. А молодежь редко по-нашему поступает. Им лишь бы петь да плясать — сразу же на угор, что над ключом, идут. Много, очень много народу бывает, если день погожий.)

III. Список малоупотребительных русских слов и коми-пермяцких выражений

Бабашорика (*коми-перм.*) — огородное чучело. Так же называлось соломенное чучело Масленицы.

Бережник — перегородка из кольев с ветками в реке, озере, с окнами для установления морд.

Бива (*коми-перм.*) — мешочек или кисет, в которых носили огниво — приспособление для высекания искры.

Блазнить — чудиться, мерещиться.

Вага — здесь: бревно, вставленное в привод молотилки. К нему крепятся оглобли, в которые запрягается лошадь.

Вежон (*коми-перм.*) — неделя.

Верес — можжевельник.

Верешок — вершинка дерева.

Видз, кӧс видз (*коми-перм.*) — дословно: воздержание, сухое воздержание — пост. Коми-пермяки различают: *арся видз* (осенний пост) — Рождественский; *ыджыт видз* — Великий пост; *петырвидз* — Петровский; *учӧт видз*, или *видзок* (малый пост, посток) — Успенский пост. *Кык видз кост (колас)* — дословно: промежуток между двумя постами — период от Крещения до чистого понедельника — начала Великого поста.

Волоковое окно — в курной избе окошко высотой в одно бревно, закрывающееся задвижкой волоком.

Вӧршуд (*коми-перм.*) — дословно: лесное счастье. Коми-пермяки считают, что им обладает удачливый охотник.

Гать — дорожный настил из жердей на болоте.

Голбец — узкие полаты вдоль печки, вход в подполье.

Голик — веник без листьев, метелка.

Гумага (*коми-перм.*) — бумага.

Гуня (*коми-перм.*) — холщовое с прокладкой из пакли полупальто.

Демед — искаженное коми-пермяцкое *дӧмӧт* — бережник.

Долонь (*коми-перм.*) — под гумна, утрамбованный земляной пол.

Еретник — еретик.

Егорей Короблый, Ёгорей Коробрый — переименованное коми-пермяками имя Егория Храброго — Георгия Победоносца.

- Жбан** (*коми-перм.*), **ыжбан** — бочонок с прямыми стенками, с пробкой или с крышкой.
- Жмых** — остатки семян конопли или льна после получения масла.
- Запон** (*коми-перм.*) — мужской фартук с рукавами и надплечьями; женский передник.
- Зыбун** — трясина, топкое место.
- Каным** — искаженное коми-пермяками слово «канун»; здесь: зачин ритуала на поминках.
- Каным пань** (*коми-перм.*) — дословно: канымная ложечка — палочка, которой достают мед из латки.
- Кича** — птица.
- Колосники** — жерди в овине, на которые кладут снопы для сушки.
- Коновка** — выявление галевого посредством палки, которую поочередно обхватывают играющие. Тот, которому не хватило места на палке для полного обхвата, будет галить.
- Коты** — в старину: вид кожаной обуви.
- Кочерга** — «щетинка» на спине новорожденного. Это проявление ничего общего с кочергой не имеет. Коми-пермяки его называют «кочега». Возможно, от него произошло название на русский лад — кочерга. Другое название «щетинки» у коми-пермяков — йики (мякина).
- Кросны** — ткацкий станок.
- Кулик** (*коми-перм.*) — картофельная шанежка на сочне.
- Куржак** — иней на деревьях.
- Курная изба** — черная: с каменкой или битой печью без трубы.
- Латка** — глиняная чашечка, латаная (лепная).
- Лузан** (*коми-перм.*) — нераспашная накидка из гибкой ткани или кожи.
- Лесование** — охота на лесную птицу и зверя.
- Лепкий** — прилипчивый.
- Морда** (*коми-перм.*) — плетеная из прутьев рыболовная снасть.
- Мясопуст** — период, во время которого церковь запрещает есть мясо. Мясопустной является и Масленица.
- Нодья** — разновидность охотничьего костра из кражей, сложенных стенкой, или из кучи пней шатром.
- Оборониха** — огородное чучело.
- Огарок** — недогоревшие остатки свечи, лучины.
- Ойпель** (*коми-перм.*) — дословно: ночной бог — Луна; божество северного ветра.
- Остожье** — изгородь вокруг стога.
- Паперть** — крыльцо церкви, часовни.
- Пелькер** (*коми-перм.*) — матица, потолочная балка в помещениях.
- Пельпомы-коромы** — искаженное Н. Добротворским коми-пермяцкое выражение «*кӧрӧм пельпона*» — «плечи со сборками». Такие сборки имелись на женских полотняных рубахах и кофтах с нагрудными и нарукавными вышивками.

Печина — кусочек от глинобитной печи.

Пикан (коми-перм.) — растение сныть.

Пикша — рыба из семейства тресковых.

Пистик (коми-перм.) — побег хвоща полевого.

Побирушка — нищий; живущий подаяниями.

Поводырь — провожатый, сопровождающий.

Призор — сглаз.

Прусак — черный таракан.

Пугач — самодельный пистолет.

Пу-барабан (коми-перм.) — дословно: деревянный барабан — короткая выпуклая доска и палочки, с помощью которых пастух выстукивает ритмы для сбора коров. Используется как ударный музыкальный инструмент.

Рузум (коми-перм.) — скатерть; пеленка.

Рукотерик — полотенце.

Рядно — грубый холст.

Скормное время — период между постами, когда верующие едят мясо-молочную пищу.

Слобода — в старину: поселение около города; пригород.

Стайка — стойло во дворе.

Стожар — кол для стога.

Супрядка — помочь, посиделки прядильщиц.

Таратайка — двухколесная телега.

Тун (коми-перм.) — злой колдун, оборотень, могущий на время превращаться в зверя или в хищную птицу.

Туран (коми-перм.) — томленая брага.

Туяс — туес; берестяной сосуд с крышкой для содержания жидкостей.

Тюра — молоко с хлебными крошками.

Чисмянка — три нитки в мотке пряжи.

Чупошки (коми-перм.) — вязанные шерстяные тапочки.

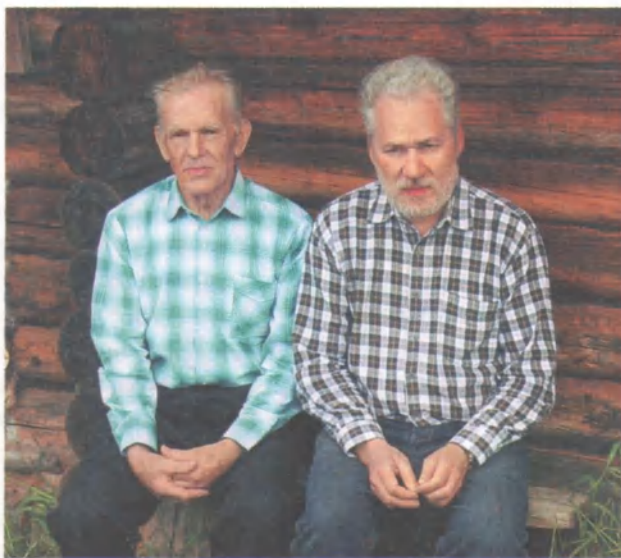
Чушни (коми-перм.) — валенки без голенища, с опушем.

Шутём — заброшенное поле.

Щеть — круглая с рукояткой щетка из свиной щетины для чесания волос и льноволокна.

Язычник — тот, кто поклоняется многим божествам и идолам.

IV. Сведения об авторах

В. В. Климов (слева), Г. Н. Чагин
в д. Заречный Пешнигорт. 2004 г.

КЛИМОВ Василий Васильевич родился 20 марта 1927 г. в д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района. После окончания семилетней школы работал в колхозе. С 1944 по 1952 г. служил в армии. Вернувшись домой, в течение трех лет работал в колхозе, в госучреждениях и одновременно посещал занятия в вечерней школе. Затем окончил педучилище и был приглашен в окружную редакцию радиовещания, где в должности корреспондента работал до 1961 г., затем перешел в издательство. Здесь, с перерывом для учебы на Высших литературных курсах, проработал до 1977 г., еще десять лет был литературным консультантом Пермской писательской организации в округе. С 1987 г. — на пенсии.

В 60—80-е годы прошлого века собрал большой фольклорный материал, изданный в книгах «Оласо да вѣласо» (1990) и «Кытчѣ тійѣ мунатѣ?» (1991). Большую часть произведений из этих книг он перевел на русский язык и издал в сборнике «Заветный клад» (1997).

Несколько работ посвятил этнографическим исследованиям и местной топонимике и опубликовал в краеведческом сборнике «Наш край».

Он автор двух десятков книг прозы и поэзии, вышедших в свет в Кудымкаре, Перми и Москве.

ЧАГИН **Георгий Николаевич** родился 24 апреля 1944 г. на хуторе Бани Чердынского района Пермской области.

В 1967 г. окончил исторический факультет Пермского государственного университета. С 1967 по 1974 г. — директор Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина. С 1974 г. — ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор Пермского государственного университета. С 1995 г. — заведующий кафедрой древней и новой истории России.

Член диссертационных советов при Пермском и Удмуртском государственных университетах, член президиума Ассоциации этнографов и антропологов России, председатель ученого совета Пермского областного краеведческого музея, председатель научного совета областных государственных архивов Пермской области, научный руководитель Камской этнографической экспедиции Пермского государственного университета, член координационного совета по национальным вопросам администрации Пермской области, консультант-методист по этнической педагогике народов Прикамья Пермского областного института повышения квалификации работников образования.

Кандидатская диссертация на тему «Формирование русского населения Северного Прикамья в конце XVI — начале XX в. История расселения, землепользования, жилища» защищена в 1982 г. по специальности «Этнография» в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Докторская диссертация на тему «Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в.» защищена в 1996 г. по специальности «Этнография, этнология, антропология» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук.

Основные направления исследований — этногенез и этнокультурная история народов Урала и сопредельных территорий, реконструкция явлений традиционной культуры и быта, влияние православия и язычества на духовный облик народов, систему их нравственных ценностей, этику труда и досуга. Г. Н. Чагин придает большое значение популяризации научных знаний и культурного наследия народов Урала.

Опубликовал свыше 500 работ, в том числе 27 монографий, научно-популярных книг и учебных пособий. Его труды изданы в Финляндии, Швеции, Венгрии, Польше, Румынии, Соединенных Штатах Америки. Труды написаны на основе письменных, вещественных, ономастических источников и личных наблюдений за жизнью народов, полученных во время экспедиционных работ в Пермской и Свердловской областях, в Республиках Башкортостан, Татарстан, Коми, Удмуртия.

Список рекомендуемой литературы

- Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в. М., 1958.
- Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., 1975.
- Добровольский Н.* Пермьки//Вестник Европы. 1883. № 4.
- Заветный клад: Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия./Пер. на русский язык и сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1997.
- Коми-пермяцкая кухня. Кудымкар, 1999.
- Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков. Кудымкар, 2000.
- Коми-язвинцы и историко-культурное наследие Прикамья: Материалы Междунауч. науч.-практ. конф. Пермь, 2002.
- Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.
- Кытчö тійö мунатö?//Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1991.
- Ожегова М. Н.* Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961.
- Оласö да вöласö//Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1990.
- Отзвуки прошлых веков: Из эпоса коми-пермяков: На коми-пермяцком и русском языках/Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 2005.
- Рогов Н. А.* Материалы для описания быта пермяков. М., 1860.
- Струминский В. Я.* Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном//Пермские епархиальные ведомости. 1904. № 30—40.
- Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь, 1995.
- Чагин Г. Н.* Коми-язвинские пермяки — древний народ Северного Урала. Красновишерск, 2002.
- Чагин Г. Н.* Народы и культуры Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург, 2002.
- Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. М.— Сыктывкар, 1999.
- Янович В. М.* Пермяки: Этнографический очерк. СПб., 1903.

Список сокращений

- АФО — Архив Финно-угорского общества в г. Хельсинки
- АГО — Архив Русского географического общества в г. Санкт-Петербурге
- ГАПО — Государственный архив Пермской области
- КПОКМ — Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка
- ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
- ЧКМ — Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Чагин Г. Н.	5
Представления о пространстве и времени. Чагин Г. Н.	9
Календарь, его основа и структура. Чагин Г. Н.	35
Виды календарей. Чагин Г. Н.	43
Праздники, обряды и обычаи годового цикла	51
<i>Осенне-зимние праздники, обряды и обычаи</i>	51
Подготовка к зиме. Климов В. В.	54
Покров день. Климов В. В.	55
Предзимье. Последний поминальный день года. Климов В. В.	57
Голендуха. Климов В. В.	58
Обряды Голендухи. Климов В. В.	59
Лесные заготовки. Климов В. В.	62
Баннe посиделки. Климов В. В.	64
Наступление зимы и зимние заботы. Климов В. В.	65
Супрядки. Климов В. В.	68
Охота и обряды. Климов В. В.	69
Андреев день и Никола зимний. Климов В. В.	74
Очищение жилища. Климов В. В.	76
Солнце — на лето. Климов В. В.	78
Святки. Климов В. В.	79
Святочные игрища. Климов В. В.	81
Васильев вечер — Василей рыт. Климов В. В.	98
Страшные вечера. Гадания. Климов В. В.	99
Святочная кухня. Климов В. В.	103
Крещение — Крещеннѣ. Охранные знаки Крещения. Климов В. В., Чагин Г. Н.	105
Пора свадеб. Климов В. В., Чагин Г. Н.	107
Сретение Господне — Устрикиннѣ, Стретеннѣ. Чагин Г. Н.	109
Агафья-коровница. Чагин Г. Н.	110
Власий — скотий бог. Васей, Сетовассей. Чагин Г. Н.	110
Масленица — Масленьча, Масленича. Чагин Г. Н.	111
<i>Весенне-летние праздники, обряды и обычаи</i>	118
Чистый понедельник. Чагин Г. Н.	118
Средокрестие. Чагин Г. Н.	119

Конон-градарь — <i>Конан, Конаны. Чагин Г. Н.</i>	120
Сороки — <i>Сороки. Чагин Г. Н.</i>	120
Благовещение. <i>Чагин Г. Н.</i>	121
Вербное воскресенье — <i>Бербалун</i> (Вербный день). <i>Чагин Г. Н.</i>	122
Великий четверг — <i>Ыджыт четверг</i> (Большой четверг). <i>Чагин Г. Н.</i>	123
Пасха, или Светлое Христово Воскресение — <i>Ыджыт лун</i> (Большой день). <i>Чагин Г. Н.</i>	129
Радуница — <i>Радольница, Радблница. Чагин Г. Н.</i>	132
Выгон и пастьба скота. <i>Климов В. В.</i>	133
Встреча трясогузки — <i>сырчик, пичик панталом. Чагин Г. Н.</i>	142
Семик. <i>Климов В. В.</i>	145
Семицко-троицкие обряды. <i>Климов В. В.</i>	146
<i>Важжез</i> — старые. <i>Пестера. Климов В. В., Чагин Г. Н.</i>	155
Обряды Троицкой субботы. <i>Климов В. В.</i>	157
Троица — <i>Стрѳча, Стречалун</i> (Троицын день). <i>Климов В. В.</i>	161
Именины леса, воды и земли. <i>Климов В. В.</i>	165
Тихонов день — <i>Тиконлун, Тикѳнлун. Климов В. В.</i>	172
День смены травы — <i>Турун вежсан лун. Чагин Г. Н.</i>	173
День пиканов — <i>Пиканлун. День травы — Турунлун. Чагин Г. Н.</i>	177
Иван Купала. Иван-травник, Иванов день — <i>Иванлун. Чагин Г. Н.</i>	178
Петры и Павлы. Петровка — <i>Петырлун</i> (день Петра). <i>Климов В. В.</i>	181
Ильин день — <i>Ильялун, Иллялун. Чагин Г. Н.</i>	184
Празднование и обряды Ильина дня. <i>Климов В. В.</i>	185
Августовские Спасы. <i>Климов В. В., Чагин Г. Н.</i>	188
Успение Пресвятой Богородицы. Оспожинки. Дожинки — <i>Оспожся, Ус-</i> <i>пеннѳ. Чагин Г. Н.</i>	189
День Фрола и Лавра — <i>Пролаврей, Прол(в)лун, Пров, Прававер. Чагин Г. Н.</i>	190
Престольные (храмовые) праздники. Чагин Г. Н.	197
Приложения	201
I. Культура на фотографиях: традиции и современность	201
II. Размышления о наследии народа. Записи подготовил <i>В. Климов</i>	211
III. Список малоупотребительных русских слов и коми-пермяцких выраже- ний. Составил <i>В. Климов</i>	248
IV. Сведения об авторах	251
Список рекомендуемой литературы	253
Список сокращений	253

Научно-популярное издание

КЛИМОВ Василий Васильевич
ЧАГИН Георгий Николаевич

КРУГЛЫЙ ГОД ПРАЗДНИКОВ, ОБРЯДОВ И ОБЫЧАЕВ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Редактор *Л. Ратегова*

Художник *Н. Новикова*

Обложка — *С. Ковалев*

Технический редактор *В. Бормотова*

Корректura — ИПК «Звезда»

В книге использованы материалы Государственного учреждения культуры «Пермский областной краеведческий музей», Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка, Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина, редакции окружной газеты «Парма»

План-проспект, подбор текстов из прежних публикаций и фотографий из архивов —
Г. Чагин

Использованы фото *В. Дерябина, В. Заровнянных, Н. Исаевой, И. Савельева, Ю. Систерова, Г. Чагина*

Подписано в печать 24.05.05. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72. Усл. кр.-отт. 76,61. Уч.-изд. л. 19,22.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4408.

Коми-Пермяцкое книжное издательство.
619000, Пермская обл., г. Кудымкар, ул. 50 лет Октября, 30.

Набор в ГОУП «Кудымкарская типография».
619000, Пермская обл., г. Кудымкар, ул. Герцена, 50.

Верстка и печать в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.